

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 12 № 1

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 12 # 1

Москва

2015

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

Акопов Г.В.
Аллахвердов В.М.
Забродин Ю.М.
Караяни А.Г.
Карпов А.В.
Малюфеев Н.Н.

Марьин М.И.
Нечаев Н.Н.
Рубцов В.В.
Реан А.А.
Рыбников В.Ю.
Черноризов А.М.
Шкуратов В.А.

Редакционная коллегия

Абакумова И.В.
Асмолов А.Г.
Бабенко В.В.
Базаров Т.Ю.
Безруких М.М.
Богоявленская Д.Б.
Воробьева Е.В.
Деркач А.А.
Донцов А.А.
Дубровина И.В.
Журавлев А.Л.
Егорова М.С.
Ермаков П.Н. (заместитель главного редактора)

Лабунская В.А.
Леонова А.Б.
Сергиенко Е.А.
Тхостов А.Ш.
Цветкова Л.А.
Берберян А.С. (Армения)
Киттлер У. (Германия)
Менджеричкая Ю. (Германия)
Величковский Б.М. (Германия)
Кроник А.А. (США)
Белянин В.П. (Канада)
Бороховский Е. (Канада)
Стошич Л. (Сербия)

Ответственный секретарь – Седых Н.С.
Редактор английской части – Колесина К.Ю.
Выпускающий редактор – Буняева М.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 518,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с Редакцией.

Russian Psychological Journal

Founder – Russian Psychological Society

Editor in Chief – Zinchenko Ju.P.

Editorial Committee

Akopov G.V.

Allahverdiv V.M.

Zabrodin Ju.M.

Karainy A.G.

Karpov A.V.

Malopheyev M.N.

Marin M.I.

Nechaev N.N.

Rubtsov V.V.

Rean A.A.

Ribnikov V. Ju.

Chernorizov A.M.

Shkuratov V.A.

Editorial Board

Abakumova I.V.

Asmolov A.G.

Babenko V.V.

Basarov T.Ju.

Bezrukikh M.M.

Bogoyavlenskaya D.B.

Vorobiova E.V.

Derkach A.A.

Dontsov A.I.

Dubrovina I.V.

Zhuravlev A.L.

Egorova M.S.

Yermakov P.N. (deputy Editor)

Labunskaya V.A.

Leonova A.B.

Sergiyenko E.A.

Tkhostov A.Sh.

Tsvetkova L.A.

Berberian A.S. (Armenia)

Kittler U. (Germany)

Menjeritskaya Ju. (Germany)

Velichkovsky B.M. (Germany)

Kronik A.A. (USA)

Belianin V.P. (Canada)

Borokhovski E. (Canada)

Stosic L. (Serbia)

Executive Secretary – N.S. Sedyh

English Editor – K.Ju. Kolesina

Managing Editor – M.V. Bunjaeva

Page settings – A.P. Tchekha

Address of the Publisher:

Nagibin Av., 13, of. 243,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel. (863) 243–15-17; fax 243–08-05

E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Founder Address:

Yaroslavskaya str., 13,

Moscow, Russia, 129366

Tel./fax (495) 283–55-30

E-mail: rpo@psychology.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

ISSN 1812–1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»
Subscription code 46723

СОДЕРЖАНИЕ

Лабунская В. А.

Общение и познание людьми друг друга в трудах А. А. Бодалёва: современный взгляд на фундаментальные проблемы (материалы круглого стола) 6

КОНКУРСЫ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ АКАДЕМИИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА 12

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Жданько А. П.

Смыслообразующая деятельность учащихся как условие эффективного развития личности и мотивации на занятиях по английскому языку 15

Кириленко И. Н.

Возраст ребенка как модус детско-родительских отношений 21

Реан А. А.

Семья, социальные установки и асоциальное поведение детей и подростков . 29

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Акопов Г. В., Ихсанова С. Г., Рулина Т. К.

Ассоциативно-смысловая определенность откликов на словесные стимулы секулярного и религиозного значения. 41

Пономарев В. П.

Особенности правосознания студентов с разным индексом жизненного стиля ... 50

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Абросимов И. Н.

Угроза жизни как предиктор выбора копинг-стратегий, уровня приверженности лечению и качества жизни у взрослых пациентов с муковисцидозом. 60

Русановская Г. Ф., Камаев И. А., Шпрыков А. С.

Психосоматическая характеристика женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания 70

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Особенности самоотношения и самооценки как факторы ее образованности 81
 Статья ретрагирована article retracted article retracted article retracted
 04.10.2018 04.10.2018 04.10.2018 04.10.2018

Шкурко Т. А., Балакина А. А.

Особенности отношений к другим людям жителей городов Юга России, дифференцированных по территориально-пространственно-временным параметрам проживания в городе. 91

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Караяни А. Г., Караяни Ю. М.

Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс? 100

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 115

НАШИ АВТОРЫ 140

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 148

CONTENTS

Labunskaya V. A.Communication and Cognition by People of One Another in the Works of
A. A. Bodaljov: Modern View on Fundamental Problems (Round Table Discussion) 6**STUDENT PROJECTS' CONTESTS, ACADEMY OF PSYCHOLOGY
AND PEDAGOGY OF SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY** 12**AGE PSYCHOLOGY****Zhdanko A. P.**Students' Sense-Making as a Condition of Effective Development of
Personality and Motivation During English Lessons 15**Kirilenko I. N.**

The Age of the Child as a Modus of the Parent-Child Relationship 21

Rean A. A.

Family, Social Attitudes and Anti-Social Behaviour of Children and Teenagers 29

GENERAL PSYCHOLOGY**Akopov G. V., Ihsanova S. G., Rulina T. K.**Associative-Semantic Certainty of Response to Verbal Stimuli Secular and
Religious Values 41**Ponomarev V. P.**

Features of Sense of Justice of Students with Different Life Style Indexes 50

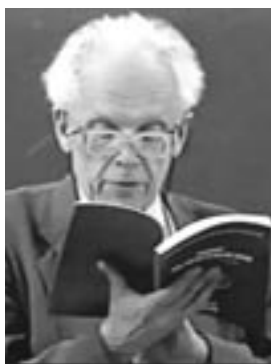
PSYCHOPHYSIOLOGY AND CLINICAL PSYCHOLOGY**Abrosimov I. N.**Threat to Life as a Predictor of the Choice of Coping Strategies, the Level of
Adherence to Treatment and Quality of Life in Adult Patients with Cystic Fibrosis . . 60**Rusanovskaya G. F., Kamaev I. A., Shprjgov A. S.**Psychosomatic Characteristics of Women of Reproductive Age with
Respiratory Tuberculosis 70**SOCIAL PSYCHOLOGY****Иперович П. Д.**

Статья ретрагирована. Статья ретрагирована. Статья ретрагирована. Статья ретрагирована
article retracted article retracted article retracted article retracted
04.10.2018 04.10.2018 04.10.2018 04.10.2018

The Self-Reliance and the Self-Efficacy Predictors of
Person's 'Enemy' Images 81**Shkurko T. A., Balakina A. A.**Peculiarities of Relations to Other People of the Inhabitants of the Cities
of the South of Russia, Differentiated by Spatial-Temporal Parameters of
Living in the City 91**JURIDICAL PSYCHOLOGY, MILITARY PSYCHOLOGY****Karaiani A. G., Karaiani Iu. M.**

Fear in War: Destructive Factor or Psychological Resource? 100

SUMMARY OF THE ISSUE IN ENGLISH 115**OUR AUTHORS** 141**INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION** 149

ОБЩЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА В ТРУДАХ А. А. БОДАЛЁВА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ (материалы круглого стола)

Лабунская Вера Александровна

Академия психологии и педагогики Южного федерального университета

В рамках Дня российской науки Академией психологии и педагогики ЮФУ был проведен (12 февраля 2015 г.) круглый стол, который был посвящен памяти известного российского психолога – Алексея Александровича Бодалёва, внесшего огромный вклад в становление и развитие психологической науки в России. Открывая заседание круглого стола, руководитель направления по психологии Академии психологии и педагогики ЮФУ, член-корреспондент РАО, профессор И. В. Абакумова отметила значительный вклад А. А. Бодалёва в развитие отечественной психологии, подчеркнула, что многие феномены психологии общения были впервые изучены в советской психологии в рамках научной школы А. А. Бодалёва. И. В. Абакумова отметила в своем вступительном слове актуальность для современной практической психологии многих положений разработанной А. А. Бодалёвым психологической концепции общения.

Л. И. Рюмшина (профессор кафедры социальной психологии), продолжая анализ вклада А. А. Бодалёва в становление психологии общения, обратила внимание участников круглого стола на то, что основные

труды А. А. Бодалёва приходятся на вторую половину XX столетия, на то время, когда общение становится центральной категорией советской психологии, широко и многообразно изучается в различных направлениях психологии. По мнению Л. И. Рюминой, «...прежде всего, нужно понять, как А. А. Бодалёву удалось не затеряться в этом объеме исследований и найти свою нишу?» В качестве ответа Л. И. Рюмина предлагает рассматривать как магистральное направление исследований А. А. Бодалёва – изучение восприятия и понимания другого человека, целью которого было объяснить процесс общения, его внутренние, часто скрывающиеся от собеседника корреляты. По мнению Л. И. Рюминой, на развиваемое А. А. Бодалёвым учение об общении как целостном процессе оказали существенное влияние идеи В. Н. Мясищева и Б. Г. Ананьева – известных отечественных исследователей, которых он считал своими учителями: об этом он говорил и писал до последних своих дней. Л. И. Рюмина в своем выступлении подчеркнула, что объединение взглядов этих ученых послужило основанием для развития А. А. Бодалёвым личностного подхода к общению. Заканчивая свое выступление, Л. И. Рюмина отметила: «... в школе А. А. Бодалёва впервые стали изучаться феномены, получившие дальнейшее исследование и в работах других ученых: диалогическое общение, социально-психологический тренинг, манипулятивное воздействие, ценностное отношение к партнеру и т. п.».

В работах А. А. Бодалёва неоднократно подчеркивалась мысль о том, что общение вплетено в канву человеческой жизни, что оно «является одним из основных условий жизнедеятельности человечества, любой общности людей и отдельного человека, ядром их бытия». На данное положение концепции А. А. Бодалёва обратила внимание участница круглого стола В. А. Лабунская (заведующая кафедрой социальной психологии). В своем выступлении она привела ряд сформулированных А. А. Бодалёвым положений, развиваемых современной психологией. В частности, В. А. Лабунская напомнила участникам круглого стола о том, что в одной из главных работ А. А. Бодалёва, «Личность и общение», представлен наиболее востребованный современной психологией подход – изучение эффектов, тренировок, сбоев, достижений в процессе общения сквозь призму интегральных личностных образований. В рамках этого подхода рассматривается способность к общению, как непрерывно формирующаяся, развивающаяся, трансформирующаяся на протяжении всей жизни человека, констатируется, что развитие способности к общению определено социокультурными контекстами. В. А. Лабунская отметила также, что в течение многолетней научной деятельности А. А. Бодалёв уделял особое внимание изучению «повседневного общения», «продуктивного», «трудного» общения,

акцентировал внимание на том, что «штатность – нештатность» ситуаций общения для партнеров зависит от большого количества факторов и варьируется в широком диапазоне. Особое место в научном творчестве А. А. Бодалёва занимает построение типологии общения, выделение такого типа, как общение с воображаемыми партнерами (для верующих, с точки зрения А. А. Бодалёва, – это может быть общение с Богом).

Многие современные исследователи обращаются к изучению того, что было определено А. А. Бодалёвым как «коммуникативное ядро личности». Так, Е. Д. Бреус (доцент кафедры социальной психологии), изучая много лет успешное и трудное общение, отметила в своем выступлении, что наибольшую чувствительность партнеры проявляют в отношении тех групп характеристик каждого из них, которые в большей степени нарушают субъект-субъектный уровень общения, личностное равенство, иными словами, – ценностное отношение к партнеру, которое занимает центральное место в структуре «коммуникативного ядра личности». С точки зрения Е. Д. Бреус, нарушение личностного равенства (неценностное отношение к партнеру) выступает в качестве пускового механизма затруднений в общении. Ее работы подтверждают, что качество «коммуникативного ядра личности» является фундаментальной основой общения независимо от социально-демографических характеристик партнеров, их национальной и профессиональной принадлежности, статусно-ролевой позиции. Е. Д. Бреус отметила также практическую ценность идей А. А. Бодалёва, особенно утверждение о важности направленности на положительные качества в другом человеке. В настоящее время это положение лежит в основе организации работы различных тренинговых групп.

Профессор В. И. Пищик, рассматривая проблему межпоколенного общения, также отметила значимость идей А. А. Бодалёва для развития этого направления современной психологии. В своем выступлении она сослалась на высказывание А. А. Бодалёва о том, что «образ человека, понимание его личности, отношение, которое он к себе вызывает, обращение с ним у людей, относящихся к различным поколениям, живущих в различных общественно-исторических условиях и в разные исторические эпохи, представляющих различные общественные классы, наряду с чертами сходства, всегда несут в себе и отличия» (Личность и общение, с. 93). В работах В. И. Пищик положение «о сходстве и отличиях» людей, принадлежащих к одному поколению, находит свое подтверждение и объясняет возникновение многих проблем в процессе внутривоколенного и межпоколенного общения.

О большом вкладе А. А. Бодалёва в развитии российской психологии жизненного пути говорила участница круглого стола – В. Д. Альперович

(старший преподаватель кафедры социальной психологии). Она отметила, что в работах А. А. Бодалёва уделяется много внимания трактовке феномена «событие». С точки зрения А. А. Бодалёва, «в иных случаях ситуация, которая возникает в жизни человека, может иметь ничтожно малые последствия для него..., но в его сознании... поступках и деяниях может отразиться как очень для него значимая и получить в его субъективном мире, образно говоря, статус большого события» (Личность и общение, с. 66). В. Д. Альперович в своем исследовании выявила те значимые жизненные события, которые трансформируют представления о Враге и Друге, тем самым на эмпирическом уровне продемонстрировала актуальность идей А. А. Бодалева для понимания роли значимых событий в изменении круга общения, а также важность для практической психологии такого феномена, как «человек – событие».

На основе теоретических идей А. А. Бодалёва выстраивает свое исследование социально-психологических функций подарка в деловом общении Л. В. Попова (преподаватель кафедры социальной психологии). В своем выступлении она предложила рассматривать подарок как выражение отношения, как форму обращения к Другому, как «радостное событие», отражающее ценностно-смысловое взаимодействие в процессе общения.

С различных сторон в рамках круглого стола обсуждалась проблема соотношения внешнего и внутреннего, которая была поставлена А. А. Бодалёвым в процессе изучения социально-перцептивной стороны общения. Так, Г. В. Сериков (доцент кафедры социальной психологии), ссылаясь на работы А. А. Бодалёва, предложил оригинальный подход к изучению соотношения внешнего и внутреннего, души и тела в их «естественном» и «неестественном» взаимодействии. Основные идеи своего выступления Г. В. Сериков иллюстрировал примерами описания героев литературных произведений. Следуя современным взглядам, он рассматривал показатели экспрессии, выразительного поведения как видимые фрагменты «внешнего тела» литературного героя, свидетельствующие о его «преображении», а также те события, ситуации, которые приводят к изменениям его «внутреннего тела». Г. В. Сериков заключил, что трансформации «внутреннего тела», которые вызывают изменения «внешнего тела», обусловлены утратой или приобретением; необратимыми, губительными нарушениями или жизнеутверждающими преобразованиями; переоценкой ценностей, что приводит к усилению субъектных качеств.

С позиции психологии социального познания представила проблему соотношения внешнего и внутреннего в своем выступлении Д. В. Погонцева (доцент кафедры социальной психологии). Она подчеркнула на примере изучения представлений о красивой женщине противоречивую природу

внешней и внутренней красоты, отметив, следуя одному из утверждений А. А. Бодалёва, что представления о человеке обусловлены индивидуальным опытом, образами искусства, системой различных знаний.

Рассматривая восприятие возраста (своего и другого человека) как частный случай социальной перцепции, Т. А. Шкурко (доцент кафедры социальной психологии) заметила, что в работах А. А. Бодалёва сделан вывод о том, что возраст представлен воспринимающему его субъекту в различных компонентах внешнего облика: в физическом внешнем облике, в выразительном поведении, во внешнем оформлении облика. Она констатировала также тот факт, что в современной психологии еще недостаточно данных о соотношении внешнего и внутреннего в конструировании возрастных этапов, сведений о «вкладе» каждого из компонентов внешнего облика в создание «возрастного конструкта», сведений о том, как соотношение внешнего и внутреннего определяет оценку возраста, какие особенности субъекта восприятия влияют на идентификацию партнера с той или иной возрастной группой. В своем сообщении Т. А. Шкурко привела данные выполненного ею эмпирического исследования, позволяющие утверждать, что в процессе конструирования возраста партнера субъект восприятия включает в этот конструкт устойчивые характеристики оформления внешнего облика, особенности лица. Перспектива изучения восприятия возраста, с точки зрения Т. А. Шкурко, может заключаться в применении теоретико-эмпирической модели социальной перцепции, разработанной А. А. Бодалёвым, в основе которой лежит положение о взаимовлиянии характеристик объекта и субъекта восприятия и оценки.

Завершая выступления участников круглого стола, Д. В. Воронцов (доцент кафедры социальной психологии) отметил, что концепция А. А. Бодалёва органично вписывается в современный тренд развития европейских и североамериканских социально-психологических исследований общения, появившихся в середине XX века. Д. В. Воронцов подчеркнул, что идеи Алексея Александровича созвучны основополагающим концепциям западных авторов, которые объединяются в рамках социально-конструктивистской парадигмы. Прежде всего, с точки зрения Д. В. Воронцова, существует тесная связь ряда идей А. А. Бодалёва с концепцией перформативности Дж. Батлер. В своем выступлении он отметил, что из общего понимания сущности и роли общения в жизни личности можно сделать вывод, который сформулировал А. А. Бодалёв, а, именно, вывод о том, что в общении *проявляется* сущность человека, которая познается другими людьми. Вместе с этим, можно сделать также вывод, который зафиксирован Дж. Батлер: сущность личности не проявляется,

а создается в общении в соответствии с актуально доминирующими правилами распознавания и понимания (интерпретации) этой сущности. Данный факт заставляет задуматься над тем, насколько далеко за пределы эпистемологической аксиомы психологической науки советского периода, когда создавалась концепция, выходит ее фактическое содержание? Не содержит ли эта концепция взрывающих аксиому базовых положений – субъектности личности как целостного, устойчивого комплекса характеристик и отношений? Ставя эти вопросы и отвечая на них, Д. В. Воронцов высказал предположение, что именно по этой причине концепция А. А. Бодалёва по прошествии полувека после ее создания по-прежнему воспринимается нами очень «свежо» и актуально.

Подводя итоги, ведущая круглого стола – В. А. Лабунская отметила, что внимание участников круглого стола было сосредоточено на обсуждении ряда проблем, поставленных в работах А. А. Бодалёва. Прежде всего, обсуждался с позиций современной психологии ряд положений созданной А. А. Бодалёвым концепции общения, подходы к поставленной им проблеме взаимосвязи внешнего и внутреннего, трактовки и применение введенного им понятия «коммуникативное ядро» личности, возможности интерпретации с позиций конструктивистского подхода описанных А. А. Бодалёвым социально-перцептивных феноменов, а также направления применения ситуативно-событийного подхода с целью анализа трансформаций представлений о Другом. Участники круглого стола могли убедиться в том, что в пространстве современной психологии не затерялись идеи А. А. Бодалёва, наоборот, они приобретают новые смыслы, становятся платформой для дискуссий, базой для развития новых подходов к пониманию общения.

КОНКУРСЫ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ АКАДЕМИИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Академия психологии и педагогики ЮФУ
приглашает принять участие в конкурсах студенческих проектов
в 2015 году:**

1. Всероссийский конкурс студенческих проектов «Психологи в литературе» в рамках VI Фестиваля науки Юга России Южного федерального университета.

Сроки: с 01 апреля по 25 сентября 2015 г.; прием работ до 31 мая 2015 г.

Конкурсная работа: Эссе, Видео- или компьютерная презентация (к работе прилагается заявление о согласии на обработку персональных данных, заявка, скан-копия справки с места учебы).

Адрес: работа высылается на электронный адрес организационного комитета iabakaeva@sfedu.ru с указанием в теме письма «Работа на конкурс «Психологи в литературе».

Контактные телефоны:

Академия психологии и педагогики (деканат)

+7 (863) 230-32-07, +7 (863) 230-32-27

Бакаева Ирина Александровна – тел. 89185145407

Гаврилова Анна Валерьевна – тел. 89081783780.

2. Всероссийский конкурс студенческих проектов «Психология в образовании» в рамках VI Фестиваля науки Юга России Южного федерального университета.

Сроки: с 01 апреля по 25 сентября 2015 г.; прием работ до 31 мая 2015 г.

Конкурсная работа состоит из двух компонентов:

- задания по педагогической психологии, которые отражают понимание участником основных понятий и разделов педагогической психологии, а также владение психологическим анализом обучающих технологий. Задание состоит из 10 задач, с возрастающим уровнем сложности;
- видеоролик или презентация, посвященная одной из психологических профессиональных проблем педагогов.

(К работе прилагается заявление о согласии на обработку персональных данных, заявка, скан-копия справки с места учебы).

Задания размещаются 1 апреля в группе «ВКонтакте» Всероссийский конкурс «Психология в образовании» <http://vk.com/club88608178> в разделе Документы, и на сайте Академии психологии и педагогики ЮФУ. Критерии оценивания заданий для публичного доступа будут выложены в Документах в группе «ВКонтакте» Всероссийский конкурс «Психология в образовании» <http://vk.com/club88608178>.

Адрес: работа высылается на электронный адрес: **anichka01@rambler.ru** с указанием в теме письма «Работа на конкурс «Психология в образовании»».

Контактные телефоны:

Академия психологии и педагогики (деканат)
+7 (863) 230-32-07, +7 (863) 230-32-27
Гаврилова Анна Валерьевна – тел. 89081783780.

3. Всероссийский конкурс студенческих проектов по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья «Особое детство» в рамках VI Фестиваля науки Юга России Южного федерального университета.

Сроки: с 01 апреля по 25 сентября 2015 г.; прием работ до 15 мая 2015 г.

Конкурсная работа: Творческая самопрезентация на тему «Моя будущая профессия»; Презентация проекта на тему «Особое детство».

Адрес: работа высылается на электронный адрес организационного комитета gordikovaiv@yandex.ru. с указанием в теме письма «Работа на конкурс».

Контактные телефоны:

Академия психологии и педагогики (деканат)
+7(863)230-32-07, +7(863)230-32-27
Дроздова Ирина Ивановна – тел. +79034304998
Гордикова Ирина Васильевна – тел. +79885323231.

4. Региональный этап Всероссийского конкурса студенческих проектов «Психологи в Великой Отечественной войне»

Сроки: с 01 апреля по 25 сентября 2015 г.; прием работ до 20 мая 2015 г.

Конкурсная работа: Эссе, Видео- или компьютерная презентация (к работе прилагается заявление о согласии на обработку персональных данных, заявка, скан-копия справки с места учебы).

Адрес: работа высылается на электронный адрес организационного комитета iabakaeva@sfedu.ru с указанием в теме письма «Работа на конкурс «Психологи в Великой Отечественной войне».

Контактные телефоны:

Академия психологии и педагогики (деканат)

+7(863)230-32-07, +7(863)230-32-27

Бакаева Ирина Александровна – тел. 89185145407.

Участие в Конкурсах бесплатное.

Победители Конкурсов будут награждены дипломами и отмечены ценными подарками на торжественном открытии **VI Фестиваля науки Юга России 10–11 октября 2015 г.** в конгрессно-выставочном центре КВЦ «ВертолЭкспо».

Каждый участник Конкурсов получает Свидетельство участника Конкурса.

Победители и призеры – выпускники бакалавриата будут иметь преимущество при поступлении на все направления магистратуры АПП.

Итоги конкурсов будут представлены после 1 сентября 2015 г. на сайте Академии психологии и педагогики <http://app.sfedu.ru>

С информацией о Конкурсах и месте проведения можно ознакомиться на сайте <http://app.sfedu.ru> и сайте VI Фестиваля науки Юга России Южного федерального университета <http://festivalnauki.sfedu.ru/>

Приглашаем к сотрудничеству!

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И МОТИВАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Жданько Анна Павловна

Автор статьи исходит из предположения, что смыслообразующая деятельность студентов на занятиях по английскому языку – это мощный инструмент развития мотивации и личности. В статье мы доказываем то, что движущей силой смыслообразования является обмен ценностями педагога и его учащихся. Раскрывается сущность механизмов воздействия на смысловую сферу студентов. Показан алгоритм кодирования смысловой сферы учащихся, приводящий к определенной модели поведения. Первый этап кодирования заключается в поиске дополнительных мотивов. На втором этапе выбирается словесно-визуальный образ для установления личностно-смысловых связей. Также в статье подчеркивается важность интегрированного английского, что повышает значимость изучения иностранного языка, профильного предмета и приводит к образованию новых смыслов. В этом случае устанавливается взаимосвязь личностных смыслов и содержания образования. Благодаря этому содержание образования инициирует развитие студентов и повышает их успеваемость. В статье описаны методы, которые мы использовали для активизации смыслообразования. Мы применяли метод эвристического прогнозирования, аналитический метод, метод «мозгового штурма». Метод эвристического прогнозирования позволяет предвидеть события посредством анализа прошлого и настоящего опыта. Аналитический метод позволяет выявлять взаимосвязь объекта и факторов, влияющих на него. Метод «мозгового штурма» позволяет получить большое количество продуктивных идей. В статье описаны особенности психологического развития возрастной группы респондентов, учет которых способствует достижению цели исследования. В статье мы доказали большую значимость смыслообразующей деятельности студентов для их личностного развития.

Ключевые слова: личность, развитие, смыслообразование, личностные смыслы, смыслообразующие связи, мотивация, психологические особенности, уроки английского, воздействие, смысловая сфера.

По справедливому мнению многих психологов и педагогов, содержание учебного процесса должно быть насыщено личностно значимыми смыслами, т. е. представлять интерес, ценность для самих учащихся. Личностно-смысловой характер содержания учебной деятельности успешно решает проблемы эффективного усвоения знаний, развития личности, формирования положительного отношения к учебному предмету [1, 16]. Необходимо установить смысловые связи между личным опытом учащихся и учебным материалом для того, чтобы изучаемый материал стал значимым для учащихся и был усвоен.

Так, например, в ходе работы над творческим проектом по английскому языку по теме «Leisure» («Досуг») были установлены смысловые связи между личным опытом учащихся и учебным материалом по теме, что усилило интерес учащихся к изучаемой теме, позволило раскрыть творческий потенциал учащихся, более глубоко усвоить учебный материал, выявить интересы и ценности учащихся. Творческий проект выявил разносторонний характер интересов учащихся. Студенты с удовольствием обсуждали свои увлечения, их пользу и значение в своей жизни. Положительные эмоции способствовали смыслообразующей деятельности учащихся, ведь смыслу присуща пристрастность [9].

Ценностные приоритеты человека раскрывают многие мотивы и цели его жизнедеятельности. Знание ценностей учащихся позволяет эффективно корректировать и развивать личность студентов. Смысл обучения – в обмене ценностями [3]. Регуляция смыслообразования учащихся может осуществляться с применением механизмов смыслотехнического воздействия. У Д. А. Леонтьева подробно описаны механизмы смыслотехнического воздействия [11]. Так, например, если у учащихся слабая мотивация к изучению иностранного языка, мы разработали и применяем следующую смыслотехническую схему для повышения мотивации:

1. Подключаем дополнительные мотивы изучения иностранного языка (знание английского пригодится при трудоустройстве, мотив соревнования, изучение английского в интеграции с профилем и т. д.).

2. Выбираем точный словесно-визуальный образ для установления смысловых связей. Например, на студентов, обучающихся по направлению «автомобилестроение», оказывают воздействие следующие образы: перспективная работа для специалистов со знанием английского на совместных предприятиях «Nissan Motor Company». Данная схема проходит кодирование и превращается в факты поведения [10].

На занятиях по иностранному языку, если иностранный язык не является профилем, смыслообразующей деятельности учащихся способствует интеграция иностранного языка в профильные дисциплины. Например, достаточно эффективно изучение иностранного языка на основе автомобилестроения, экономики,

менеджмента. Иностранный язык начинает в такой ситуации работать на профиль, помогая студентам осознать реальную значимость материала [2].

Вот пример интегрированного занятия по английскому языку на основе автомобилестроения. На занятии применялись технологии личностно-смыслового развития учащихся. Тема занятия: «The Car of the Future» («Автомобиль будущего»). Занятие было направлено на реализацию следующих задач: развитие мотивации учащихся; развитие критического мышления учащихся; творческую самореализацию учащихся; развитие навыков иноязычной коммуникативной компетенции; закрепление лексико-грамматического материала по разделу «Устройство автомобиля».

Учащиеся выполняли проектную работу поэтапно:

1. What will be the car fuel of the future? (Какое топливо для автомобилей будет использоваться в будущем?)
2. Find out the pros and cons about gasoline, diesel, hydrogen, electric power (Выделите плюсы и минусы бензина, дизельного топлива, водорода, электрической энергии).
3. Complete your results with fuel options chart (Дополните ваши результаты информацией из таблицы 1).

Таблица 1.

Pros and Cons of Fuels

<i>gasoline</i>		<i>diesel</i>		<i>hydrogen</i>		<i>electric power</i>	
<i>pros</i>	<i>cons</i>	<i>pros</i>	<i>cons</i>	<i>pros</i>	<i>cons</i>	<i>pros</i>	<i>cons</i>
accessible	expensive	produces less CO	NOx oxides of nitrogen are bad	no pollution	highly explosive	lower permille fuel costs	costs more than equivalent gas cars
easy to buy	less efficient	cheaper than gas		superior fuel	expensive technology	lower maintenance costs	added cost of in-home charge
	polluter	clean diesel or biodiesel		no smell	difficult to collect	powertrain is under warranty for longer than most gas engines	typical range of only 75 to 100 miles
	smells	gas stations exist		inexpensive material	new engine /car	can be more fun to drive than gas cars because electric power has continuous torque	popularity has made availability of public charging stations a challenge in some areas
		efficient		plentiful			
				efficient			

4. What will the car of the future look like? (Как будет выглядеть машина будущего?)

Вышеперечисленные задания студенты выполняли вначале индивидуально, затем в ходе групповой дискуссии учащиеся дополняли свои выводы, находили новые решения. Задания носили проблемно-творческий характер и были направлены на развитие критического мышления. Задания развивают навыки прогнозирования, так необходимые для жизни в 21 в.

Прогнозирование – это способность предвидеть какие-либо явления, посредством анализа прошлого и настоящего опыта. При прогнозировании мы использовали аналитический метод, метод «коллективной генерации идей», метод эвристического прогнозирования [19]. У каждого из вышеперечисленных методов есть свои преимущества.

Аналитический метод позволяет выявить взаимосвязь объекта прогнозирования и факторов, влияющих на него. Так, при проектировании автомобиля будущего, учащиеся учитывали распространенность того или иного вида топлива, его стоимость, его влияние на экологию, затраты на создание нового двигателя и частей автомобиля при условии использования нового вида топлива, внешний вид кузова в зависимости от скорости автомобиля, состояния дорог и т. д.

Метод «коллективной генерации идей», или метод «мозгового штурма» позволяет обработать индивидуальные независимые идеи и получить большое количество новых продуктивных идей [14, 20]. В ходе «мозгового штурма» была получена как общеизвестная информация, так и новые ценные идеи. К достоинствам метода «мозгового штурма» также можно отнести наличие комфортного психологического климата, способствующего активизации воображения, генерированию идей [15].

Суть метода эвристического прогнозирования заключается в построении и дальнейшем усечении «дерева поиска» [12]. Достоинством данного метода является то, что он может применяться для прогнозирования любых явлений, независимо от их природы и уровня знаний о предмете исследования.

Таким образом, задачи развития критического мышления, мотивации, самореализации учащихся были успешно осуществлены с помощью технологии личностно-смыслового развития, где мыслительная деятельность студентов была источником развития учащихся [5, 18]. Приведем еще один пример занятия по английскому языку со студентами первого курса с применением технологии личностно-смыслового развития. Тема занятия: «People's Character and Personality» («Характер людей и личность»). Занятие было направлено на реализацию следующих задач: развитие навыков самоанализа учащихся; развитие критического мышления учащихся; развитие мотивации учащихся;

корректировка развития личности учащихся; тренировка и закрепление лексико-грамматического материала по теме.

Занятие было составлено с учетом возрастных психолого-педагогических особенностей развития студентов. Студенты относятся к юношескому возрастному периоду. В этом возрасте проявляется большая избирательность к учебным предметам, вызванная желанием получить хорошую профессию [7]. Юноши и девушки продолжают открывать в себе какие-то новые качества. По нашему мнению, задача преподавателя – помочь студентам открыть и развить в себе положительные качества. Также у молодых людей возникает острая потребность в эмоциональном контакте, общении.

Первое задание на занятии было направлено на саморефлексию и развитие навыков перевода. Задания, направленные на саморефлексию, способствуют становлению и развитию смысловой сферы, т. е. смыслообразованию [8]. Студентам было предложено перевести и пройти англоязычный тест, выявляющий тип личности – идентификатор типов Майерс-Бриггс. Студенты прошли тестирование на английском языке. Далее учащиеся проанализировали результаты тестирования, которые были представлены в виде аутентичных англоязычных текстов. Анализ включал в себя выявление своих сильных и слабых сторон, и с учетом этого прогнозирование способов корректировки своего поведения, мировоззрения, с целью достижения благополучия в личной и профессиональной сфере. Иными словами, студенты активно извлекали смыслы из предложенного материала [11, 13]. Также присутствовал момент смыслотворчества, когда учащиеся открывали для себя новые смыслы. С занятия студенты ушли с установкой на дальнейший поиск решений поставленной проблемы, что, по мнению многих ученых, способствует более успешному достижению целей и задач занятия [6].

Таким образом, смыслообразующая деятельность учащихся на занятиях по английскому языку способствовала личностно-смысловому развитию учащихся, развитию мотивации, реализации принципов межпредметной интеграции, диалогового, рефлексивного, текстосозидающего обучения.

Литература

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Книга 1. Методология и технологии обучения: в поисках развивающего ресурса. – М.: КРЕДО, 2013. – 162 с.
2. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Книга 2. Образовательные технологии: новые ракурсы. – М.: КРЕДО, 2013. – 122 с.
3. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Книга 3. От классической дидактики – к дидактической инноватике. – М.: КРЕДО, 2013. – 134 с.

4. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Фоменко В. Т.* Новодидактика. Книга 4. Структурная дидактика как направление современной педагогики. – М.: КРЕДО, 2013. – 152 с.
5. *Абакумова И. В.* Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 480 с.
6. *Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
7. *Донцов Д., Сенкевич Л.* Психологические особенности, социально-психологические закономерности и специфика развития личности в юношеском возрасте // Российский научный журнал. – 2013. – № 1 (32). – С. 198–207.
8. *Ермаков П. Н., Лабунская В. А.* Психология личности. – М.: Эксмо, 2007. – 656 с.
9. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
10. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
11. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
12. *Amabile T. M., Barsade S. G., Mueller J. S., Staw B. M.* Affect and creativity at work // Administrative Science Quarterly. – 2005. – Vol. 50. – no. 3. – pp. 367–403.
13. *Amabile T. M., Hennessey B. A.* Creativity // Annual Review of Psychology. – 2010. – no. 61. – pp. 569–598.
14. *Boroditsky L.* Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // Cognitive Psychology. – 2001. – no. 43. – pp. 1–22.
15. *Browne M. N., Keely S. M.* Asking the right questions: A guide to critical thinking. – Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice-Hall, 2009. – 212 p.
16. *Cameron J., Banko K. M., Pierce W. D.* The pervasive negative effects of rewards on intrinsic motivation: The myth continues // The Behavior Analyst. – 2001. – Vol. 24. – no. 1. – pp. 1–44.
17. *Cattell R. B.* Personality structure and the new fifth edition of the 16 PF // Educational and Psychological Measurement. – 1995. – Vol. 55. – pp. 926–937.
18. *Chomsky N.* Language and mind. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 209 p.
19. *Collins A. M., Loftus E. F.* A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological Review. – 1975. – Vol. 82. – no. 6. – pp. 407–428.
20. *Zhang L.* Does student-teacher thinking style match/mismatch matter in students' achievement? // Educational psychology. – 2006. – Vol. 26. – no. 3. – pp. 395–409.

УДК 159.9.072.43

ВОЗРАСТ РЕБЕНКА КАК МОДУС ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Кириленко Ирина Николаевна

В статье представлен анализ возраста в качестве модуса детско-родительских отношений. Такая позиция предполагает рассмотрение возраста ребенка как фактора изменения особенностей детско-родительских отношений. Как известно, на детско-родительские отношения при поступлении ребенка в школу начинают влиять и новые условия его жизни. Как возникновение, так и разрешение кризисов детско-родительских отношений связано с их постоянным изменением с течением возраста ребенка и неизбежным отделением ребенка от родителей. Таким образом, детско-родительские отношения получают определенную специфику своего развития в зависимости от возраста их субъектов. Автором анализируются классические исследования, посвященные проблематике развития ребенка и переживанию возрастных кризисов. Вместе с тем автор обращается к современным социальным реалиям, влияющим на поведение ребенка и векторы детско-родительских отношений, которые рассматриваются с точки зрения оценочно-эмоционального компонента, развития игровой и социальной активности ребенка. Автор делает значимый вывод о том, что кризис дошкольного развития может проходить в достаточно мягкой форме. Фактором, определяющим особенности протекания кризиса, являются детско-родительские отношения. Наличие психологической поддержки ребенка, эмоциональной близости с ним, проявление искреннего интереса к успехам и неудачам ребенка, забота и внимание со стороны родителей – способствуют тому, что переживание кризиса становится максимально «безболезненным». Это гармонизирует детско-родительские отношения и позитивно влияет на развитие семьи как социального института. Соответственно, в современных условиях требуется новый подход к оптимизации личностного развития ребенка.

Это становится возможным при рассмотрении возраста ребенка как фактора, определяющего тип, характер и специфику детско-родительских отношений.

Ключевые слова: *детско-родительские отношения, возраст, эмоции, кризис, кризисные явления, ситуативно-деловое общение, «семизвездье симптомов», социальные роли, семья, взаимодействие.*

Новые возможности для развития детско-родительских отношений открываются в период раннего детства ребенка. Важным событием с конца первого года жизни становится постепенное обретение ребенком навыков самостоятельного передвижения. Е. О. Смирнова, изучая детско-родительские отношения, среди их особенностей назвала свойственную им способность к изменению в зависимости от возраста ребенка [7]. Во взаимодействии с родителями у него начинает складываться ситуативно-деловое общение. Данная форма общения представляет собой практическое, деловое сотрудничество родителей и ребенка по поводу действий с предметами. Согласно Д. Б. Эльконину, в этом возрасте взрослый для ребенка – образец для подражания, руководитель, контролер, источник эмоциональной поддержки [9]. Для укрепления детско-родительских отношений со стороны родителей важны внимательность и понимание ребенка. Именно такое общение составляет основу детско-родительского взаимодействия вплоть до 3 лет. В раннем детстве контакт родителей и ребенка приобретает опосредованность предметом и действием с ним. Родители воспринимаются ребенком, прежде всего, как соучастники предметной и игровой деятельности. Для ребенка родители так же значимы, как образец для подражания, как источник оценки знаний и умений, а также его эмоциональной поддержки, подкрепления достижений. Значительное внимание в исследованиях детско-родительских отношений уделяется рассмотрению их эмоционально-оценочной стороны. При этом, в частности, доказано, что детско-родительские отношения характеризуются сильными эмоциональными проявлениями со сторон детей и родителей [6]. Для укрепления детско-родительских отношений со стороны родителей важны внимательность и понимание ребенка. Со стороны ребенка данные отношения поддерживаются: активным использованием речи; действиями по привлечению к себе внимания; требованиями соучастия взрослого в его делах; открытостью, любовью, эмоциональным откликом на ласку; чуткостью к оценкам родителей и стремлением к перестройке своего поведения в зависимости от их поведения.

Взросление ребенка сопровождается изменениями детско-родительских отношений, которые подвергаются влиянию свойственного раннему возрасту обособления личных желаний и обнаружения взрослого в качестве важнейшего лица ситуации.

В этот период жизни ребенок впервые оценивает родителей, и эта оценка не всегда оказывается в пользу последних. Внутренней необходимостью для ребенка становится противопоставление себя родителям. Благодаря этому у него начинает формироваться воля, проявления автономии (независимости, самостоятельности), снижается потребность в опеке со стороны родителей, появляется стремление делать собственный выбор. Феномен «Я

сам» знаменует психологическое отделение ребенка от родителей и распад прежней ситуации социального развития.

Уже к трем годам ребенок приобретает способность отделять себя от окружающих, воспринимать себя в качестве субъекта действия и проводить сравнение с другими людьми. Первый кризис в построении детско-родительских отношений находится в непосредственной связи с кризисом развития личности трех лет.

Л. С. Выготскому принадлежит описание особенностей, которые он представил как «семизвездье симптомов», переживаемого ребенком кризиса [3]:

- негативизм ребенка проявляется через стремление сделать что-то вопреки предложению взрослого, даже вразрез с собственным желанием; негативная реакция возникает в ответ на предложение, идущее от взрослого;
- упрямство обнаруживается в стремлении ребенка настоять на чем-то только потому, что он этого потребовал, отстаивается свое первоначальное решение;
- строптивость, свойственная в этот период ребенку, направляется им в целом против норм воспитания, образа жизни, сложившегося до трех лет;
- своеволие реализуется через стремление все делать самостоятельно, воплощать инициативу собственного действия;
- протест–бунт состоит в том, что ребенок входит в состояние войны и конфликта практически со всеми окружающими;
- симптом обесценивания проявляется в том, что ребенок ругает, дразнит и обзывает родителей;
- деспотизм ребенка заключается в его требовании к родителям делать все то, что он требует.

Возрастной кризис 3-х лет может рассматриваться в качестве первого кризиса детско-родительских отношений.

Наш опрос родителей, дети которых переступили возраст 3 года жизни (N = 750), показал, что кризисность этого периода пережила значительная часть респондентов (n = 560), однако их оценка силы кризиса оценивается по-разному. Из них по 7-балльной шкале:

- высоким баллом его оценили 148 испытуемых;
- средним баллом – 306 испытуемых;
- низким баллом – 306 испытуемых.

Ключевыми характеристиками данного кризиса детско-родительских отношений по итогам беседы с родителями назовем следующие позиции сторон:

- желание ребенка перевести детско-родительские отношения на новый уровень их развития, в котором ему предоставляется больше

самостоятельности от родителей и более значительная роль в построении этих отношений;

- стремление родителей сохранить опеку над ребенком, оградить его от опасностей, передать собственный опыт поведения.

Полученные нами результаты совпадают с научными выводами, сделанными В. Н. Голубевым относительно юношеского возраста, но вполне применимыми уже к периоду раннего детства [4]. В возрасте 3 лет обнаруживаются процессы явного взросления ребенка. Для родителей – это достаточно «драматичный» период внутрисемейной жизни. Как отмечает исследователь, они не в состоянии быстро приспособиться к произошедшим в детях переменам и перестроить свое поведение в соответствии с новой социально-психологической ситуацией общения. Это фиксируется детьми. В результате дети пытаются достичь автономии в рамках семейной структуры, а родители еще не готовы им ее предоставить. Это делает взаимоотношения между детьми возраста 3 лет и их родителями потенциально конфликтными. Родители в значительной части это понимают. Опрошенные нами родители сошлись во мнении, что в этот период требуется значительная перестройка детско-родительских отношений. В рамках их гармонизации и содействия развития ребенка родители призваны дать ему большую самостоятельность, а также возможность понять различие между «хочу» и «должен». Кризисные явления развития личности 3 года жизни протекают значительно мягче, если детско-родительские отношения выстраиваются на относительно демократической основе.

Окончание периода раннего детства характеризуется смещением интересов ребенка к миру «общественных взрослых». Отношение к взрослому начинает выстраиваться на основе вычленения присущей ему социальной роли («мама вообще», «папа вообще», воспитатель детского сада, водитель маршрутки, врач и т. д.). Всякий взрослый, включая родителей, теперь воспринимается ребенком как носитель конкретных образцов действий и устанавливаемых социальных отношений (мягкости и строгости, руководства и подчинения, справедливости и несправедливости). В свою очередь, подобные изменения не могут не сказаться на особенностях построения родителями отношений со своим ребенком. Они получают возможность устанавливать в отношении с ребенком более четкие требования, снижать опеку над ним, наделять определенными обязанностями.

В основе построения детско-родительских отношений в семьях с ребенком дошкольного возраста, продолжающегося с 3 до 6 лет, можно назвать новую ситуацию его развития, связанную с выходом за рамки семьи, окружения близких для него людей. В дошкольном возрасте детско-родительские отношения поддерживаются свойственной ребенку потребностью в общении

с взрослым, углубляемой его стремлением к сопереживанию и взаимопониманию. Более того, выстраивая отношения в семье, ребенок стремится достичь во взаимодействии с родителями общности взглядов. Развитию взаимоотношений с родителями способствует обогащение его речи выразительными жестами, эмоциями, вокализациями. Расширившиеся речевые возможности ребенка позволяют ему не только обогатить круг своего общения, но и значительно углубить обсуждаемую с другими людьми проблематику. Согласно М. И. Лисиной, в немалой степени этому способствует оформление у ребенка дошкольного возраста двух новых форм общения – внеситуативно-познавательного и внеситуативно-личностного [5]. На поднимаемые им вопросы относительно самого широкого круга проблем он требует серьезного отношения родителей, а к себе – уважения. Отсутствие требуемого по отношению к себе поведения со стороны родителей рождает у него повышенную обидчивость, которая негативно отражается на построении детско-родительских отношений.

Развитию навыков построения взаимодействия не только с родителями, но и с другими взрослыми и сверстниками, способствует освоение ребенком дошкольного возраста игровой деятельности. Осваивая и погружаясь в игру, ребенок получает возможность:

- разобраться в сфере человеческих отношений, смыслов и задач деятельности;
- развить у себя стремления к общественно значимой и оцениваемой деятельности;
- активизировать оформление произвольности поведения и психических процессов, а также идеального плана сознания;
- преодолеть эгоцентризм своего познания;
- становления эмоциональной саморегуляции поведения;
- стимулировать развитие своей речи.

Значимой для нашего исследования особенностью рассматривается возрастание ценности для дошкольника своих сверстников как субъектов взаимодействия. Если в начале дошкольного возраста (3–4 года) ровесник оставался для ребенка прежде всего участником совместной практической деятельности, то уже к 5–7 годам в глазах ребенка он приобретает индивидуальность, становится значимым лицом общения, обгоняет взрослого по частоте взаимодействия. В результате к нему начинает проявляться личностное отношение. Особенно ценными качествами сверстников дошкольник называет мягкость, внимание, эмоциональную отзывчивость, уравновешенность. В качестве объективных условий, поддерживающих дружеские контакты со сверстниками, для дошкольника выступают: проживание по соседству, посещение одной группы детского сада, одних спортивных занятий и пр.

Возрастание значимости для дошкольника отношений со сверстниками не означает исчезновение значимости для него отношений с родителями. Так же, как и для раннего детства, для дошкольного детства характерны:

- преувеличение силы и могущества родителя, вера в его неограниченные возможности, достижения;
- преувеличение знаний, компетентности и мудрости родителя [1].

В этот период детско-родительские отношения могут способствовать следующим изменениям ребенка:

- построению им абриса картины мира; для этого ребенок задает родителям многочисленные вопросы, позволяющие ему объяснить и упорядочить в его воображении окружающий мир;
- формированию широкого спектра мотивов поведения и их иерархии;
- приобретению мотивами характера обобщенных намерений, которые начинают осознаваться ребенком;
- усвоению им начальных этических интенций;
- образованию зачатков произвольного поведения, складывающегося под влиянием ориентирующих образцов, поступающих со стороны родителей;
- развитию самосознания и самооценки, позволяющих, в том числе, оценивать собственные умения, реализовывать практическую деятельность;
- приобретению начальных умений ориентироваться в собственных чувствах и переживаниях;
- появлению рассудительности ребенка;
- осознанию им правил, как некоторых установлений, которые необходимо обязательно исполнять.

На родителей в данном периоде жизни ребенка возлагается необходимость вдумчивого ответа на вопросы ребенка, предоставления ему достаточного спектра образцов поведения и тактичного управления его поведением.

Не всегда семьи способны установить детско-родительские отношения, позитивно отражающиеся на ребенке. О. Г. Хайбуллина, изучавшая особенности детско-родительских отношений в семьях, где воспитывается дошкольник, пришла к выводу, что в них преобладает тип родительского отношения «Симбиоз» [8]. Такой тип отношений характеризуется тем, что матери не устанавливают психологическую дистанцию между собой и ребенком, стараются всегда быть ближе к нему, удовлетворять его основные разумные потребности, оградить от неприятностей. При этом они постоянно ощущают тревогу за ребенка, ребенок им кажется маленьким и беззащитным. Подобные детско-родительские отношения, как указывает исследователь, формируют у детей дошкольного возраста восприятие семьи и семейных отношений как тревожных.

Завершение дошкольного возраста, как установлено в возрастной психологии, связано с возникновением кризиса развития личности ребенка,

проявляющегося в утрате им детской непосредственности. Одновременно обнаруживаются некоторые кризисные проявления в функционировании детско-родительских отношений.

В отличие от кризиса детско-родительских отношений 3-х лет, кризис дошкольного детства, как показал опрос родителей (N = 750), переживается ими значительно легче.

Кризисным этот период назвали 398 человек. Из них:

- только 36 родителей отнесли рубеж дошкольного детства к уровню высококризисного периода в детско-родительских отношениях;
- 194 человека – к среднекризисному периоду;
- 168 человек вообще не рассматривают этот период жизни ребенка в качестве кризисного, приводящего к изменениям в детско-родительских отношениях.

Вместе с тем опрос родителей показал, что на построении детско-родительских отношений отражаются следующие особенности поведения ребенка этого возраста:

- возникновение паузы, которая разделяет обращение к ребенку и появление с его стороны ответной реакции;
- появление элементов оспаривания ребенком необходимости выполнить родительскую просьбу, или ее исполнение отсрочивается во времени;
- проявление непослушания в виде отказов от привычных дел и обязанностей;
- желание скрытой хитростью нарушить сложившиеся правила;
- демонстрация своей «взрослости» через манерничанье и всяческое ее подчеркивание;
- обострение внимания ребенка к своему внешнему облику и одежде, появление стремления не выглядеть «как маленький».

Крайними формами кризиса дошкольного возраста могут выступить проявляющиеся в отношениях с взрослыми упрямство ребенка, его требовательность, капризы, постоянные напоминания об обещаниях, обостренная реакция на критику, ожидание похвалы со стороны взрослых за любую мелочь, незначительные действия ребенка.

Итак, мы делаем вывод, согласно которому кризис дошкольного возраста, в целом, проходит в достаточно мягкой форме и не наносит существенного урона построению детско-родительских отношений. Дошкольник продолжает сохранять заинтересованность в отношениях с родителями, стремится их расширить и укрепить. В беседы с родителями он стремится ввести новые темы, позволяющие ему расширить представления о мире и о своем месте в нем. В этот период ребенок нуждается в том, чтобы родители разъяснили ему причины выдвигаемых перед ним требований и напоминали о сделанных

поручениях. Важно также, чтобы они поддерживали прилагаемые им усилия похвалой и уверенностью в его способностях, давали возможность выполнения самостоятельных действий.

Наличие родительской поддержки обеспечивает сохранение человеком физического и психического здоровья, создает ощущение благополучия и удовлетворенности жизнью, тогда как ее отсутствие приводит к снижению качества жизни и к трудностям при преодолении сложных ситуаций, даже при наличии других ресурсов совладания [10]. По мнению Дж. Боулби, условием здорового психоэмоционального развития, помимо автономии от родителей, является сохранение с ними эмоциональной близости [2].

Литература

1. *Алексеева А. С., Меновщиков В. Ю.* Семейная психотерапия в центре психологической помощи. – М.: Изд-во НИИ семьи, 1998.
2. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., Академический проект, 2004.
3. *Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб.: Союз, 1997. – 96 с.
4. *Голубев В. Н., Девярых С. Ю.* Особенности детско-родительских отношений в старшем юношеском возрасте // Известия Смоленского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 293–302.
5. *Лисина М. И.* Общение, личность и психика ребенка. Под ред. А. Г. Рузской; вст. ст. А. Г. Рузской. 2-е изд. – М.: Изд-во Московского психологического социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 384 с.
6. *Смирнова Е. О.* Особенности общения и отношения к сверстникам у дошкольников, растущих без семьи // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2002. – № 2. – С. 19–25.
7. *Смирнова Е. О., Соколова М. В.* Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. – 2007. – № 2. – С. 57–68.
8. *Хайбуллина О. Г.* Особенности детско-родительских отношений в семьях детей дошкольного возраста // Вестник института семьи. – 2010. – № 5. – С. 95–100.
9. *Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2004. – № 1. – С. 68–78.
10. *Lunsky Y., Benson B. A.* Perceived Social Support and Mental Retardation: A Social-Cognitive Approach // Cognitive Therapy and Research. – 2001. – Vol. 25. – № 1.

УДК 159.99

СЕМЬЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И АСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Реан Артур Александрович

Рассматриваются вопросы взаимосвязи социальных установок и асоциального поведения детей и подростков. Анализируется вопрос о взаимосвязи установки и социального поведения в связи с такими факторами, как сила/слабость, четкость/амбивалентность установки, а также влияние фактора ситуации. Рассматриваются результаты эмпирических исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи на выборах старшеклассников и студентов. Семья рассматривается как фактор, одновременно обуславливающий как формирование социальных установок, так и самого асоциального поведения. Анализируются современные подходы и результаты эмпирических исследований условий, при которых социальные установки личности непосредственно влияют на асоциальное поведение, а при которых нет. Обсуждаются вопросы влияния на асоциальное поведение детей и подростков структурной и психологической деформации семьи. Подчеркивается, что в плане детерминации асоциального поведения несовершеннолетних приоритет принадлежит психосоциальной деформации семьи. Показано, какие стили родительского воспитания и при каких условиях непосредственно влияют на формирование агрессивного поведения. Отмечается, что недостаточный надзор за ребенком является более важным фактором делинквентности, чем неблагоприятное социально-экономическое положение. Анализируются результаты эмпирических исследований, из которых следует, что важным условием развития социально отклоняющегося поведения является не только негативное социальное научение, но и фрустрация, возникающая при отсутствии родительской любви. Показано, что центральное место в системе отношений детей и подростков принадлежит матери. Установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Подчеркивается, что взаимоотношения между родителями и ребенком, характеризующиеся непоследовательностью, так же как и высокая конфликтность, наиболее значительно способствуют научению ребенка агрессии как способу разрешения межличностных конфликтов.

Ключевые слова: агрессия, асоциальное поведение, делинквентность, нейротичная экстраверсия, принцип агрегации, семья, социализация, социальные установки, спланированное поведение.

Традиционно принято говорить о семье как факторе защиты развивающейся личности. Но в контексте настоящей работы хотелось бы также акцентировать внимание на возможных деструктивных влияниях семьи на развитие личности и рассмотреть семью как фактор риска социально девиантного поведения и развития личности. К семьям с психосоциальными нарушениями следует относить семьи с проблемами алкоголизации и наркомании, асоциальными ценностями, противоправным поведением, с высоким уровнем конфликтности, семьи, практикующие агрессивное поведение и насилие над ребенком, семьи с эмоциональной депривацией ребенка. Многие семейные нарушения коррелируют с асоциальным поведением подростков, что подтверждается данными статистики и специальных исследований.

В большинстве случаев за любым асоциальным поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира, искаженные, асоциальные установки. Конечно, современной психологии известно, что между установками личности и ее поведением нет абсолютной зависимости. Однако радикальные выводы об отсутствии связи установки с поведением, и соответственно, о невозможности прогнозировать поведение на основе установок личности, которые появились после известного эксперимента Р. Ла Пьера (La Pier, 1934), к настоящему времени претерпели существенные изменения и уже не являются столь радикальными и однозначными, что следует из работ М. Хьюстона, В. Штребе [21], Д. Майерса [12], Г. М. Андреевой [1], А. Л. Свенцицкого [17] и др. В настоящее время считается доказанным, что важным условием соответствия установки и поведения является то, чтобы установка личности была достаточно сильной и четкой. Несоответствие же чаще всего наблюдается в случаях, когда установка является слабой или амбивалентной, или и той, и той одновременно. Важную роль, конечно, играет и фактор ситуации. В тех случаях, когда ситуация оказывает сильное давление на личность, имеющаяся установка может и не сработать. Как установлено в работах Д. Майерса [12], М. Хьюстона, В. Штребе [21], одним из важных положений современной психологии установки является определение принципа агрегации: воздействие установки на поведение становится более четким и очевидным, когда мы рассматриваем личность и поведение в целом, а не какой-либо отдельный поступок. Иллюстрацией этого принципа, например, являются результаты следующего исследования. Как оказалось, имеющаяся установка на сохранение окружающей среды в городе своего проживания коррелировала, но слабо, с *отдельными* актами поведения жителей, участвующих в эксперименте: подписать одно из воззваний против выхлопных газов, выйти в конкретный день на уборку мусора, привлечь друга к такой работе и т. п. Но *совокупная* оценка «экологического» поведения по 16 позициям (которые соответствовали различным актам поведения), как показано

в работах R. H. Weigel & L. S. Newman, М. Хьюстона, В. Штребе [21], уже дает высокую ($p \leq 0,001$) корреляцию между установкой и поведением.

Таким образом, из всего этого следует только то, что определенные установки не всегда выражаются в соответствующем поведении. Чаще по причине того, что действуют определенные сдерживающие факторы. Некоторые авторы насчитывают до 40 различных факторов, осложняющих связь в паре установка–поведение, на что обращают внимание, например, Д. Майерс [12], Н. Триандис. Вместе с тем, если определенное асоциальное поведение имеет место быть, то за ним стоят и соответствующие установки личности, обуславливающие готовность личности к такому асоциальному поведению. Исключения составляют лишь случаи непредумышленного, случайного делинквентного поступка или поступка под сильным ситуационным давлением. Подчеркнем принципиальный момент – именно поступка, а не систематического девиантного, делинквентного поведения личности. Или, как было замечено Ральфом Уолдо Эмерсоном (Ralph Waldo Emerson) еще в 1841 г.: «Любое действие рождается от мысли».

В этом контексте, результаты некоторых исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи не могут не настаивать. Так, в одном из таких исследований старшеклассников попросили отметить те поговорки, которые наиболее точно отражают их жизненную позицию (в списке предлагалось 40 пословиц и поговорок, из которых ребята должны были отметить лишь 10, наиболее близких им). Выборочную совокупность составили более 1700 человек в возрасте 14–17 лет из всех районов одной из областей центральной России. Выборка была репрезентативной по половому, возрастному и социальному составу старшеклассников.

Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, точнее всего характеризующие жизненную позицию старшеклассников. «В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорки...»: «Что наша честь, если нечего есть?» (93 %); «Работа – не волк, в лес не убежит» (93 %); «От трудов праведных не нажить палат каменных» (93 %); «С волками жить – по-волчьи выть» (83 %); «Стыд – не дым, глаза не выест» (81 %); «Своя рубашка ближе к телу» (79 %); «Скупость – не глупость» (76 %); «Не делай добра – не получишь зла» (73 %); «Говоришь правду – теряешь дружбу» (67 %); «Две собаки грызутся – третья не лезь» (48 %)... Обращает на себя внимание и то, что значительная часть достаточно известных пословиц и поговорок русского народа, в которых выражается традиционная социальность, не получили массовой поддержки у старшеклассников и оказались по количеству их отметивших на последних позициях: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (9 %); «Правда – в огне не горит и в воде не тонет» (3 %); «Где родился – там и пригодился» (3 %); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи» (2 %); «Родина – мать, умей

за нее постоять» (2 %); «Чужое добро впрок не пойдет» (2 %); и всего по одному человеку – «Бедность – не порок»; «Не в деньгах счастье» (М. Коротких, 2009) [11].

Практически абсолютно такие же результаты были получены и на выборке студентов. Различия, да и то совсем небольшие, были лишь в числовых показателях процентов, но никак не касались самой иерархии ценностей, предпочтений, жизненных позиций. Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, точнее всего характеризующие жизненную позицию студентов. «В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорки...»: «От трудов праведных не нажить палат каменных» (89 %); «Что наша честь, если нечего есть?» (83 %); «Своя рубашка ближе к телу» (73 %); «Работа – не волк, в лес не убежит» (73 %); «С волками жить – по-волчьи выть» (71 %); «Стыд – не дым, глаза не выест» (69 %); «Скупость – не глупость» (66 %); «Не делай добра – не получишь зла» (63 %); «Говоришь правду – теряешь дружбу» (61 %); «Две собаки грызутся – третья не лезь» (58 %). Значительная часть достаточно известных пословиц и поговорок, выражающих традиционную социальность русского человека, не получили поддержки студентов и оказались по количеству их отметивших на последних позициях: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (12 %); «Правда – в огне не горит и в воде не тонет» (6 %); «Где родился – там и пригодился» (5 %); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалея» (1 %); «Родина – мать, умей за нее постоять» (1 %); «Чужое добро впрок не пойдет» (1 %); «Бедность – не порок» (2 человека); и один человек – «Не в деньгах счастье» (И. Булатников, 2009) [7].

Это, несомненно, не только тревожные, но и шокирующие результаты. Несколько позволяет сгладить шок, пожалуй, то обстоятельство, что по теории установки наиболее сильно и прямо определяют только спонтанное поведение личности. С так называемым продуманным или спланированным поведением, к счастью, дело обстоит несколько сложнее. Теория спланированного поведения – I. Ajzen [24], I. Ajzen & M. Fishbein [25] – утверждает, что спланированное, преднамеренное поведение точнее и лучше всего определяют не один, а три фактора (или составляющие): установки личности по отношению к конкретному поведению, к субъективным нормам, к возможностям контроля своих действий. Первый фактор связан с утверждением, что для прогноза поведения личности важна не общая установка, а конкретная установка, т. е. конкретное отношение человека к поступку, о котором он думает. Второй фактор позиционирует то, что для успешного предсказания конкретного поведения человека необходимо знать субъективные нормы – т. е. его представления о том, как близкие ему люди воспримут, отнесутся к планируемому поступку. И, наконец, третий фактор связан с представлением человека о легкости, с которой он может совершить тот или иной поступок.

Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт подчеркивают, что если человеку кажется, что поступок совершить трудно, то тогда намерение совершить такой поступок серьезно ослабевает; если же человек считает, что определенный поступок совершить легко, то тогда возникает сильное желание именно так и поступить.

Таким образом, представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, побуждаемому вышеуказанными негативными установками, снижает вероятность его осуществления. Но, с другой стороны, дело осложняется тем, что сами эти установки возникают все-таки не из пустоты, а формируются, в частности, в самой семье, в процессе семейной социализации. А, следовательно, они могут отражать и соответствовать установкам, господствующим в семье, у родителей и близких. Но в этом случае, в соответствии с теорией спланированного поведения, реализация поступков, которые соответствуют вышеуказанным негативным установкам, облегчается, становится более вероятной.

Долгое время считалось, что социально отклоняющееся развитие личности связано со структурной деформацией семьи, под которой понимается просто неполная семья – отсутствие одного из родителей (чаще отца). Статистические данные по преступности несовершеннолетних, полученные в разных странах мира, подтверждали этот вывод. Однако в 60–70-е гг. обнаружилась другая тенденция. Сначала разница между полными и неполными семьями по количеству «выдаваемых» ими подростков–правонарушителей стала неуклонно сокращаться, а затем и практически полностью исчезла. В настоящее время считается, что основным фактором негативного влияния семьи на развитие личности является не структурная, а психосоциальная деформация семьи. И это общемировая тенденция.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что структурная деформация семьи все-таки крайне нежелательна. Она вносит значительный вклад в развитие социальных девиаций личности, особенно если круг этих девиаций не сводит только к противоправному поведению. Да и по вкладу в делинквентность данные различных исследований все-таки достаточно противоречивы. Так, по данным одного из российских исследований в структурно деформированной (то есть неполной) семье проживает около 50 % подростков–делинквентов. А, значит, вторая половина имеет полную семью. А вот проблемы с различными проявлениями психосоциальной деформации семьи, как установлено в работе В. В. Королева [10], оказываются характерными для более 70 % процентов подростков–правонарушителей.

В целом же, когда мы говорим о разном вкладе в развитие асоциальности несовершеннолетних психосоциальной деформации и собственно структурной деформации семьи, надо отдавать себе отчет в том, что это не

изолированно полярные категории. Психосоциальная деформация – понятие более широкое, чем структурная деформация. Ведь психосоциальная деформация может быть присуща как полной, так и неполной семье.

Связь между воспитанием ребенка в неполной семье и делинквентностью в значительной мере усложняется наличием многих других факторов. Например, вполне очевидно, существует зависимость между разводом и социально-экономическим статусом семьи. Но, как подчеркивается в работах R. J. Sampson & W. J. Wilson, К. Бартола [5], обобщение данных многочисленных исследований четко показывает, что бедность является одним из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность как среди юношей, так и среди девушек. Бедность влияет на семью по разным направлениям, одним из которых является возможное изменение поведения родителей. Так, стресс, обусловленный бедностью, как показано в работах W. R. Hammond & B. R. Yung, К. Бартола [5], уменьшает способность родителей осуществлять благоприятное и непротиворечивое воспитание.

Недостаточный надзор за ребенком, характерный для т. н. безучастного стиля воспитания, присущ семьям как с высоким, так и с низким социальным статусом, как полным, так и неполным семьям. А вместе с тем, именно недостаточный надзор, как было установлено во многих исследованиях, значимо коррелирует с делинквентностью и с агрессией, о чем убедительно говорят S. Cerncovich & P. C. Giorgano, Р. Блэжборн [6]. Более того, в исследованиях W. J. Wilson (1987) было показано, что плохой контроль со стороны матерей является более важным фактором в различении делинквентов и неделинквентов, чем неблагоприятное социально-экономическое положение или даже криминальность родителей [6].

Важнейшим механизмом негативного влияния семьи на развитие личности является социализация в семье по отклоняющемуся типу. Асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться по механизму научения и подражания, если именно такие ценности и нормы являются доминирующими в данной семье. При этом закрепление социально отклоняющегося развития, как показано в работах А. Бандуры [3], А. Бандуры, Р. Уолтерса [4], Р. Бэрона, Д. Ричардсон [8] и др., может идти тремя путями: за счет прямого декларирования асоциальных ценностей и норм, и подчеркивания «что только так и можно достичь успеха»; за счет проявления асоциального поведения при непосредственном взаимодействии родителей с ребенком; за счет наблюдения ребенком в реальном поведении родителей социально отклоняющейся направленности, даже если на речевом уровне ими декларируется приверженность просоциальному поведению и просоциальной шкале ценностей.

Формирование просоциального поведения личности связано не только с механизмами отсутствия подкрепления или активного наказания за асоциальное поведение, но и обязательно (и может быть, даже в первую очередь) с активным социальным научением просоциальным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности. Ведь как установлено в исследовании L. Keltikangas-Jarvinen, P. Kangas [28], наиболее выраженные различия между детьми с деструктивным и конструктивным социальным поведением обнаруживаются не в личностном предпочтении деструктивных альтернатив, а в незнании конструктивных решений. Таким образом, процесс социализации конструктивного поведения включает приобретение системы знаний и социальных навыков, а также воспитание системы личностных диспозиций, установок, на основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Другим важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности является эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Так называемый безучастный, или игнорирующий тип воспитания, при котором дети становятся «ловцами, искателями внимания», наиболее сильно связан с последующей делинквентностью. В некоторых исследованиях, о чем, например, пишет Р. Блэкторн [6], было установлено, что 84 % детей, бывших «ловцами внимания» в восьмилетнем возрасте, в 14 лет имели дело с полицией. Существует огромное число исследований, которые убедительно показывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители–ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся развитием личности. Установлено, например, что если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки в оценках родителей, или если ребенок не ощущает родительской поддержки и опеки, то вероятность противоправного поведения существенно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, проявляется агрессивность по отношению к собственным родителям.

Важнейшим условием эффективной социализации и предупреждения становления отклоняющихся форм поведения является развитие мотивации привязанности, посредством которой у ребенка появляется необходимость в интересе, внимании и одобрении окружающих, и в первую очередь – собственных родителей. В качестве вторичного подкрепления привязанность затем может обуславливать приспособление ребенка к социальным требованиям и запретам, т. е. к просоциальному поведению. В этой связи следует подчеркнуть, что важным условием развития социально отклоняющегося

поведения является не только социальное научение как таковое, но и фрустрация, возникающая при отсутствии родительской любви и при постоянном применении наказаний со стороны либо одного, либо обоих родителей.

Особое место в системе отношений детей и подростков, конечно, принадлежит матери. Так, в одном исследовании А. А. Реана и М. Ю. Санниковой [16], было показано, что в системе отношений подростка к социальному окружению (в том числе определялось и отношение к отцу, а также к сверстникам) именно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и нормам) у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в исследовании, негативное отношение к собственной матери является важным показателем общего неблагоприятного развития личности.

В последние годы выявляется устойчивая тенденция снижения роли отца, его значимости и влияния на воспитание и становление личности ребенка. Так, в фундаментальном исследовании под названием «Семья и родительство в современной России» было установлено, что доля тех, кто назвал отца значимым лицом, оказавшим в процессе взросления на личность наибольшее влияние, снизилась с 41,1 % (в старшей возрастной группе 40–44 года) до 31,8 % (в молодежной группе 16–19 лет).

Чем слабее становилась фигура отца, тем более укреплялась в сознании респондентов фигура матери. В молодежной группе (16–19 лет) доля тех, кто оценивал роль матери как самую значительную, составила 73,3 %, в то время как в старшей возрастной группе (40–44 года) – таких было 61,9 % [18].

На роль отца в родительской семье влияет не только возраст, но и другие показатели.

Например, уровень достатка. В бедных семьях влияние отца отметили только 26,8 % опрошенных, в семьях со средними или высокими стандартами жизни – 40,7 %. Таким образом, восприятие отца в значительной степени зависит от того, насколько успешно он справляется с ролью кормильца семьи.

Респонденты с высшим образованием оценивали роль отца выше, чем респонденты со средним образованием (36,6 % и 42,2 % соответственно). Однако эти различия оказались незначимыми [18].

На сегодняшний день пожалуй уже не вызывает сомнения, что между строгостью наказания родителями своих детей и уровнем агрессивности детей существует положительная зависимость.

Эта зависимость, как оказалось, распространяется и на случаи, когда наказание является реакцией родителей на агрессивное поведение ребенка. То есть используется в качестве воспитательной меры, направленной на снижение агрессивности и формирование неагрессивного поведения ребенка.

В одном эксперименте изучалось агрессивное поведение детей-третьеклассников в связи особенностями стратегий родительского наказания (L. D. Eron et al., 1963). К первому уровню реагирования (который, строго говоря, и наказанием-то назвать нельзя) относили просьбы вести себя по-другому и поощрения за изменение поведения. Ко второму уровню наказаний (умеренные наказания) относили словесное порицание, выговоры, брань. К третьему уровню наказаний (строгие наказания) относили физическое воздействие, шлепки, подзатыльники. В результате исследования было обнаружено, что те дети, которые подвергались со стороны родителей строгим наказаниям, проявляли в поведении большую агрессию, и соответственно, характеризовались одноклассниками как агрессивные.

В другом исследовании R. B. Felson, N. Russo [27] было показано также, что вмешательство родителей при агрессии между братьями-сестрами может на самом деле оказывать обратное действие и стимулировать развитие агрессии. Нейтральная позиция родителей, как следует из этого исследования, оказывается предпочтительной. Самой неэффективной стратегией оказывается вмешательство родителей в форме наказания старших сибсов, т. к. в этом случае уровень как вербальной, так и физической агрессии в отношениях между братьями-сестрами оказывается наиболее высоким. Сходные результаты были получены и в других исследованиях, таких например, как исследование G. Patterson [29].

Обобщение результатов подобных исследований приводит специалистов к формулированию предложения относиться к агрессии между сибсами особым образом – игнорировать ее, не реагировать на агрессивное взаимодействие братьев-сестер. Однако такой вывод представляется все-таки слишком радикальным. Иногда не реагировать на агрессию во взаимодействии братьев-сестер родителям просто невозможно, а подчас и прямо вредно и небезопасно. В ряде ситуаций (например, когда агрессивное взаимодействие между сибсами уже не является редким исключительным случаем) нейтральная позиция родителей может только способствовать дальнейшей эскалации агрессии. Более того, такая позиция может создавать благоприятные условия для социального научения агрессии, закреплению ее как устойчивого поведенческого паттерна личности, что имеет уже долгосрочные негативные последствия.

В исследовании, о котором мы говорили выше, изучались лишь две альтернативы реагирования родителей на агрессию между братьями–сестрами: (1) *нейтральная* позиция, т. е. игнорирование фактов агрессии и (2) *наказание* детей (в одном варианте – старших, в другом – младших). Очевидно, при такой суженной альтернативе нейтральная позиция действительно оказывается относительно (и только относительно) лучшей. Однако возможны и другие, альтернативные способы родительского реагирования на агрессию между сибсами, которые не были здесь предметом изучения. Одним из таких способов реагирования является обсуждение возникшей проблемы, осуществление переговорного процесса, научение на конкретном примере возникшего конфликта конструктивным, неагрессивным способом его разрешения. Ведь, как экспериментально доказано в других исследованиях, агрессивные дети отличаются от неагрессивных в первую очередь именно слабым знанием конструктивных (альтернативных агрессивным) способов разрешения конфликтов.

Наиболее полной моделью неэффективных родительских приемов дисциплинирования, которая очень влиятельна в данной области исследований, считается теория «принудительного семейного процесса» Дж. Р. Паттерсона (G. R. Patterson, 1982; G. R. Patterson, J. B. Reid, T. J. Dishion, 1992; Д. Коннор [9]). Эта модель исходит из того, что обмены жесткими и, что особенно важно, непоследовательными, несогласующимися действиями между родителями и ребенком в конфликтах по вопросам дисциплины приводят к агрессии или асоциальному поведению ребенка. Взаимоотношения между родителями и ребенком, характеризующиеся непоследовательностью – сначала слабость, затем жесткость – так же, как и высокая конфликтность, наиболее значительно способствуют научению ребенка агрессии как способу урегулирования межличностных конфликтов.

В этой связи, интересным представляется тот факт, что лучшим прогностическим признаком задержания за правонарушения в возрасте 10–13 лет оказалась «недисциплинированность» в более раннем возрасте. По-другому дело обстоит в более старшем возрасте. Осуждение за правонарушения в возрасте 17–20 лет точнее всего прогнозируется, как оказалось, по таким факторам, как агрессивность в возрасте 12–14 лет и уровень нейротичной экстраверсии в возрасте 16 лет, – как показано в работе А. Фернхем, П. Хейвен [20].

В современной психологической науке, в рамках одной из наиболее авторитетных концепций личности, автором которой является А. Маслоу, принято считать, что потребность в любви и уважении является одной из фундаментальных потребностей личности. И она входит в пятерку основных, базовых потребностей человека, наряду с потребностями выживания – т. е. физиологическими и потребностью в безопасности.

В связи с этим, обратим внимание на следующие чрезвычайно важные, на наш взгляд, обстоятельства. В 60-е гг. в США приобрело популярность течение, связанное с таким воспитанием, когда родители минимально вмешиваются в жизнь ребенка, предоставляя ему максимальную свободу в принятии решений и, собственно, в жизни. Предполагалось, что это есть выражение уважения личности ребенка, вроде как либерально-демократический подход в практике воспитания. Однако психологические исследования, проведенные спустя годы, показали, что именно дети из этих семей имели во взрослой жизни больше проблем. И, что особенно показательно, – именно дети, выросшие в этих семьях, как подчеркивают П. Массен, Дж. Конджер и др., отмечали наибольшую неудовлетворенность своим семейным детством [13].

То есть оказалось, что предоставленная родителями свобода в конце концов воспринималась не как особое доверие и уважение к личности ребенка, а как недостаток или даже отсутствие родительской любви и заботы.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1988.
2. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. – М., 2002.
3. Бандура А. Теория социального научения. – СПб., 2000.
4. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М., 2000.
5. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб., М., 2004.
6. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. – СПб., 2004.
7. Булатников И. Е. Развитие социальной ответственности личности: место и роль семьи / Процветающая Россия – будущее твоей семьи (Материалы проекта по гранту Президента РФ). – Курск, 2009. – С. 252–264.
8. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1997.
9. Коннор Д. Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков. – М., СПб., 2005.
10. Королев В. В. Психические отклонения у подростков–правонарушителей. – М., 1992.
11. Коротких М. Н. Развитие гражданского самосознания юношества в совместной деятельности семьи и школы: векторы перемен / Процветающая Россия – будущее твоей семьи (Материалы проекта по гранту Президента РФ). – Курск, 2009. – С. 135–147.
12. Майерс Д. Социальная психология. – СПб., 1997.
13. Массен П., Конджер Дж., Каган Дж., Хьюстон А. Развитие личности ребенка. – М., 1987.

14. Реан А. А. Детская агрессия / Психология человека от рождения до смерти. Под ред. А. А. Реана. – СПб., 2006. – С. 305–312.
15. Реан А. А. Подростковая агрессия / Психология подростка. Под ред. А. А. Реана. – СПб., 2007. – С. 324–337.
16. Реан А. А. Психология личности. – СПб., 2013.
17. Свенцицкий А. Л. Социальная психология. – М., 2003.
18. Семья и родительство в современной России. – М., 2009.
19. Семья: психология, педагогика социальная работа. Под ред. А. А. Реана. – М., 2010.
20. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. – СПб., 2001.
21. Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход. – М., 2004.
22. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2007.
23. Эмерсон Р. У. Нравственная философия. Опыты. – М., 2001.
24. Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planned behavior // Action-control: from cognition to behavior. – 1985. – pp. 11–39.
25. Ajzen I. & Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. – NJ., 1980.
26. Eron L. D., Walder L. O., Toigo R., Lefkowitz M. M. Social class, parental punishment for aggression and child aggression // Child Development. – 1963. – 34. – pp. 849–867.
27. Felson R. B., Russo N. Parental punishment and sibling aggression // Social Psychology Quarterly. – 1988. – 51. – pp. 11–18.
28. Keltikangas-Jarvinen L., Kangas P. Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children // Aggr. Behav. – 1988. – no. 4. – pp. 255–264.
29. Patterson G. R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // Child Development. – 1984. – 55. – pp. 1299–1307.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.432

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОТКЛИКОВ НА СЛОВЕСНЫЕ СТИМУЛЫ СЕКУЛЯРНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

**Акопов Гарник Владимирович
Ихсанова Светлана Геннадьевна
Рулина Татьяна Константиновна**

Работа выполнена в рамках государственного заказа на исследование «Социальная психология религиозного (конфессионального), этно-национального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России», заявка № 1028, код темы по рубрикации ГРНТИ 15.41.00

Статья посвящена проблеме религиозного сознания в современной России. Религиозное сознание понимается как аппарат категорий, отражающих систему религиозных и церковных традиций. Для его изучения используется ассоциативный эксперимент, который дает возможность выявить смысловые связи между изучаемыми категориями и на их основе построить семантические поля.

В исследовании использована классическая схема ассоциативного эксперимента, основанного на предъявлении заранее отобранных слов-стимулов, вызывающих вербальную реакцию испытуемых. Тематическое содержание стимульного ряда позволило получить вербальные отклики, выражающие семантическое и эмоциональное отношение участников исследования к таким понятиям, как «вера», «милосердие», «созерцание», «деяние» и др. Такая стимуляция затронула глубинные пласты национального сознания россиян.

Эмпирическая часть работы представляет собой два фрагмента масштабного исследования сознания, выполняемого на факультете психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. В одном показаны ассоциативные структуры религиозного сознания пожилых сельских жителей с глубокими религиозными корнями. В другом – семантические поля понятий «созерцание», «деяние», «общение», полученные на выборке студентов. Сравнительный анализ результатов позволяет прийти к непротиворечивым выводам о механизмах изменения семантических полей. Одним из таких

механизмов является гиперсобытие – значимый факт действительности, оказывающий влияние на осознание связанных с ним категорий.

В статье поднят вопрос о взаимопроникновении феноменов религиозного сознания и созерцания. Полученные результаты, а также их качественный и количественный анализ свидетельствуют о том, что сознание современного человека не связывает непосредственно религиозные категории и феноменологические категории созерцания. Этот факт говорит о внерелигиозном характере созерцания и позволяет рассматривать категорию созерцания как самостоятельную научную единицу.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, семантическое пространство, рецептивный эксперимент, религиозное сознание, созерцание, секуляризация, гиперсобытие.

Идеологическая униполярзация мира последних десятилетий, а также многообразные эффекты современной глобализации [1] существенно обострили проблему экстремизма и радикализма в сферах этнокультурных и конфессиональных отношений. В этом контексте необычайно повысилась чувствительность соответствующих групп населения к релевантным языковым, образно-знаковым и символическим обозначениям, – будь то карикатуры исламского содержания или неосторожные высказывания некоторых представителей Церкви.

Как отмечает Г. М. Андреева, язык является не только инструментом коммуникации, но и важнейшим средством социального познания и конструирования социального мира [3]. Роль языка, как в отражении мира, так и в его порождении сближает методологические позиции социального конструкционизма и отечественной психологии: «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, – пишет А. Р. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [7].

Аффективно-когнитивные состояния непримиримости, нетерпимости, негативизма, вербальной и иной агрессии, как известно, весьма синкретичны и не поддаются сознательной рациональной регуляции. Поэтому обращение к возможностям СМИ, основанным на закономерностях функционирования

языкового сознания [5, 6, 8, 11], представляется недостаточным. Важен также учет предсознательных механизмов восприятия, оценки и понимания субъектом тех или иных лингвистических объектов и соответствующих дискурсов.

Ассоциативные методы вошли в экспериментальную психологию в конце XIX в. Термин «ассоциативный эксперимент» утвердился в психологии для обозначения одного из видов проективного метода изучения мотивации личности, использовавшегося в начале XX в. одновременно К. Г. Юнгом, М. Вертгеймером и Д. Кляйном. Метод вызова ответных ассоциаций в психологии известен со времен В. Вундта и Ф. Гальтона, однако именно К. Г. Юнгу принадлежат открытие и доказательство феномена, лежащего в основе всех проективных методик, а именно возможности посредством косвенного воздействия на значимые области переживания и поведения человека выявлять заметные флуктуации в результатах деятельности. К. Г. Юнг показал таким образом, что бессознательные переживания личности доступны объективной диагностике.

В собственно юнгианском толковании ассоциативный эксперимент понимается как метод выявления комплексов с помощью измерения времени реакции и интерпретации ответов на задаваемые экспериментатором слова-раздражители. К признакам комплексов относятся замедленное время реакции и субъективно своеобразное качество ответов, возникающих тогда, когда слова-раздражители затрагивают комплексы, которые испытуемый желает утаить, или которые им не осознаются.

Разнообразные варианты ассоциативного теста применялись для выявления чувства вины (детекторы лжи М. Вертгеймера и А. Р. Лурия), асоциальных вытесненных влечений (Дж. Брунер, Р. Лазарус, Л. Постмен, Ч. Эриксен и др.), для отграничения психической нормы от патологии (Г. Кент и А. Розанов). Тесты незаконченных предложений и рассказов также нередко считают ведущими свое происхождение от ассоциативного теста К. Г. Юнга. Ассоциативный эксперимент был усовершенствован впоследствии А. Р. Лурия, который установил, что словесный опыт, если он сопровождается также двигательными реакциями, значительно расширяет возможности распознавания аффективных реакций испытуемого.

В настоящее время ассоциативный эксперимент широко применяется как в психологии, так и в смежных науках. В социальной психологии ассоциативный эксперимент применяется для определения уровня сплоченности групп, выявления в них лидера, а также для определения индивидуальных различий в имплицитном знании («имплицитный ассоциативный тест» [12]). Ассоциативный эксперимент используется в психолингвистике для исследования субъективных семантических полей, а также характера семантических связей между словами внутри семантического поля.

Процедура ассоциативного эксперимента может в значительной степени варьироваться в зависимости от задач и теоретического подхода исследования, но в общих чертах состоит в следующем: испытуемому предъявляют слово или набор слов и предлагают ответить первыми приходящими в голову словами. На данный момент разработано несколько основных вариантов ассоциативного эксперимента: «свободный» ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому не дается никаких ограничений на словесные реакции; «направленный» ассоциативный эксперимент, когда испытуемому предлагается назвать только слова определенного грамматического класса (например, подобрать прилагательные к существительным); «цепочный» ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому необходимо реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями (например, назвать в течение 20 секунд 10 различных слов или словосочетаний).

В исследовательских целях ассоциативный эксперимент может проводиться с большим количеством испытуемых, и на основе данных ими ассоциаций составляется таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости пары слов считается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень сходства объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций.

Одним из вариантов анализа результатов ассоциативного эксперимента является выявление ассоциативного поля. Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов. В ассоциативных полях слова, близкие по значению, объединяются в группы. Каждое ассоциативное поле имеет ядро и периферию. Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, многократно повторяющиеся ассоциаты. Менее частотные реакции относятся к периферийной зоне поля.

Ассоциативное поле слова раскрывает все многообразие смысловых возможностей слова и отражает знания информантов о языковых свойствах слов-стимулов и особенностях их реализации в речевой практике. Кроме того, значительную часть ассоциативного поля слова представляют реакции, в которых содержится информация экстралингвистического характера и проявляется творческая активность респондента, в сознании которого актуализируются различные тематические, ситуативные или культурно обусловленные представления об обозначаемых стимулами явлениях.

В когнитивных исследованиях используется также рецептивный эксперимент, под которым понимается экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка [9]. Близок к рецептивной методике экспериментальный прием, в рамках которого испытуемому предлагается закончить фразу, построенную по схеме «А – это В»,

например: «вера – это...», «церковь – это...». Данный прием представляет собой разновидность направленного ассоциативного эксперимента и позволяет получить информацию о восприятии и понимании фиксированного слова, категории или концепта.

В данном исследовании ассоциативные реакции на ряд специально подобранных словесных стимулов изучались в двух принципиально разных (по критерию вовлеченности в «глобализационное» пространство) социальных группах – студентов и сельских жителей. Сельскую выборку составили постоянно живущие в отдаленной от большого города местности лица среднего и пожилого возрастов, разных уровня образования и рода деятельности. Стимульный набор слов для последовательно проводимого рецептивного эксперимента включал следующие: человек (наиболее привычно употребляемое слово), милосердие (редко встречаемое в повседневной речи), нужда, вера (часть выборки составили староверы), благо, церковь (незадолго до исследования в селе было принято решение о строительстве церкви), обряд. Порядок слов случайным образом варьировался.

Наибольшее количество рецептивных откликов (17) получено на слово «церковь», причем вся совокупность ответов может быть разделена на три категории:

1. Определяющие – Бог, вера, религия, храм, дом Божий, дом, место очищения.
2. Внешне-атрибутивные – батюшка, поп, купол, крест, икона, свеча.
3. Субъективно-атрибутивные – душа, совесть, молитва, достояние народа.

Следующее по численности откликов (15) стимульное слово «обряд» близко по смысловому содержанию и структуре первому («церковь»), что, видимо, связано с произошедшим сельским «гиперсобытием» (10) – решением о строительстве церкви. Собственно определяющими рецептивными откликами к словесному стимулу «обряд» стали такие слова, как «ритуал», «обычай», «традиции», «праздник», «действие», «правила», «соблюдение». К группе атрибутируемых откликов мы отнесли слова «таинство», «посвящение», «крещение», «жертвоприношение», «колдовство», «свадьба», а также субъективно-атрибутивные – «вера» и «молитва».

В среднюю по численной представленности рецептивных откликов двойку словесных стимулов попали «благо» (14) и «человек» (13). В обоих случаях так же выявлена триадная структура определяющих, объектно и субъективно атрибутирующих откликов: благо (благополучие, добро, радость, счастье – здоровье, достаток, польза, комфорт, деньги – народ, дети, помощь); человек (существо, личность, люди, творец – родители, дети, семья, родственники, друг – жизнь, радость, мыслитель, разумный).

В группу с относительно малой численностью ассоциативных откликов попали слова «нужда» (10), «милосердие» (10) и «вера» (9). Для этих трех понятий, менее представленных в актуальном сознании сельчан в сравнении с описанными выше, выявляется то же структурное единообразие: нужда (потребность, необходимость, недостаток, отсутствие – бедствие, нищета, голод, болезнь – еда, деньги); милосердие (гуманность, добро, доброта, помощь – жалость, сочувствие, сострадание, сердечность, любовь – церковь, милостыня); вера (Бог, святыня, религия – мир, имя – уверенность, доверие, надежда, любовь).

Отметим тематическую «переключку» рецептивных и ассоциативных откликов в связи с доминантным по событийной актуальности и частотности словом-стимулом (гиперстимулом) «церковь». Вместе с тем непосредственно связанное с ним по смыслу стимульное слово «вера» вызвало минимальное в сравнении с другими количество откликов, структурная группировка которых также весьма показательна. Если в структурах рецептивных откликов на словесные стимулы «церковь» и «вера» определяющие отклики очень близки (Бог, религия и др.), то в составах субъективных атрибуций обнаруживается существенная разница: для гиперстимула «церковь» это такие отклики, как «душа», «совесть», «молитва»; для семантически связанного с ним словесного стимула «вера» – отклики иного смыслового ряда (уверенность, доверие, надежда, любовь). Таким образом, можно заключить, что в актуальном сознании исследуемой группы (отчасти в «предсознании» или в языковом бессознательном) слова «церковь» и «вера» занимают несовпадающие территории ассоциативных полей, бифурцируя от религиозной к секулярной семантике.

В рамках единого языкового пространства представляет интерес проверка выявленных тенденций на контрастной по месту проживания и роду занятий выборке и, соответственно, с иным стимульным материалом, связанным отчасти с религиозной тематикой, но непосредственно – с определенным гиперсобытием также локального масштаба. В серии экспериментов участвовали студенты–филологи выпускного курса факультета иностранных языков. В связи с тем, что на базе вуза прошла всероссийская конференция по проблеме созерцания, в минимальный перечень слов-стимулов были включены слова «созерцание», «деяние» и «общение». «Деяние» как архаичная форма слова «действие» было избрано для сближения соответствующих форм этих слов. Вполне нейтральным в этом контексте является третий словесный стимул – «общение», непосредственно связанный с профессиональной направленностью обучения студентов. Дополнительно в другой группе исследовалась специфика рецептивных откликов студентов, профессионально овладевающих английским языком, на английские эквиваленты выбранных словесных стимулов – *contemplation, deed, communication*.

Полученные ответы позволили выявить специфику восприятия, понимания и определения испытуемыми исследуемых пар словесных стимулов. Специфика межязыкового плана вызвана влиянием английской литературы, которую учащиеся усвоили на занятиях по лингвострановедению и лингвокультурологии страны изучаемого языка, по теории межкультурной коммуникации, а также на практических занятиях по английскому языку. В результате, усвоив английские слова, они осмыслили их в соответствии с аутентичными особенностями их семантики, т. е. несколько иначе, чем их русские эквиваленты. Это отразилось на толкованиях, представленных в откликах испытуемых.

В определениях слова «contemplation» заметна неразрывная связь внешнего наблюдения и внутреннего осмысления, что характерно и для русского слова «созерцание», но в ответах на английском языке отсутствует эстетическое понимание созерцания, отмеченное в ответах на русском языке. Кроме того, положительная эмоциональная окраска созерцания отмечена многими испытуемыми, давшими ответы на русском языке; но из всех испытуемых, отвечавших на английском языке, лишь один указал на удовольствие, получаемое от созерцания. В английских толкованиях акцент сделан на рациональном, интеллектуальном аспекте созерцания, а в русских – на эмоционально-духовном. Стимульное слово «созерцание», претендующее, на наш взгляд, на особый статус (гиперстимул) в связи с достаточно широко освещавшейся в вузе конференцией по соответствующим тематике, не вызвало в откликах студентов релевантных смысловых отражений помимо означенных выше.

В определениях слова «deed» большинством студентов отмечены «значительность», «благотворность», «героизм» деяния (черта, которая встречается только в одном ответе на русском языке). В целом, в ответах на английском языке деяние оценено положительно, а в русских ответах оно охарактеризовано нейтрально. Следует также отметить, что на ответы испытуемых повлияло второе значение слова deed – «юридически оформленное соглашение по поводу собственности или прав», – которого нет у русского слова «деяние». Во всех определениях не встречается ни одного значения, связанного с религиозной тематикой, как и для гиперстимула «созерцание».

При процентном равенстве рецептивных ответов на однозначные стимулы русского и английского языков, структуры (объединенные по смыслу группы ответов) ассоциативных полей оказались существенно различающимися. Для слова «общение» – это четыре типа дефиниций с использованием респондентами в качестве исходных таких определяющих категорий, как «обмен» или «передача» (информации, знания), «взаимодействие», «разговор» («беседа», «диалог») и «коммуникация». Последняя категория наиболее частотна.

Ассоциативное поле концепта «communication» у студентов аналогичного профиля (английский язык) содержит вдвое больше структурных составляющих; три из них, за исключением коммуникативного определения, совпадают с русскоязычным спектром. Пять других дефиниций в англоязычном спектре можно, в свою очередь, разделить на три подгруппы, а именно определения через категории: 1) речи (устной или письменной), рассказывания (друг другу новостей); 2) единения (или связи между людьми), пересылки сообщений (современные средства связи); 3) средств транспорта и связи между регионами.

В толкованиях слова «communication», в отличие от русского «общение», прослеживается второе значение этого английского слова – «транспортная связь». Оно имеется и у русского слова «сообщение» (ср. Министерство путей сообщения), но в русском языке оно устарело и сохранилось лишь в составе некоторых клише; вероятно, поэтому в ответах русских студентов оно не фигурирует.

Результаты, полученные в исследовании с участием студенческих групп, позволяют заключить, что в процессе лингвистического образования формируется языковое сознание и, отчасти, бессознательное, соответствующее национальной ментальности носителей осваиваемого языка [12]. В контексте же всего нашего исследования в целом важно отметить, что общий вид деятельности (изучение иностранного языка), так же, как и общее место проживания в предыдущей части эксперимента, в значительной мере нивелирует индивидуальные различия в сфере имплицитного знания.

Обобщенный анализ двух экспериментальных серий, на первый взгляд лишь косвенно связанных между собой, позволяет, тем не менее, получить непротиворечивые и взаимодополняющие выводы. Прежде всего, обе серии указывают на наличие объективных факторов, приводящих к формированию имплицитного группового знания, – в нашем исследовании это территория проживания и вид деятельности. Именно это знание проявляется в структуре и содержании ассоциативных полей, которые таким образом выполняют функцию групповой интеграции.

Второе значительное наблюдение касается того факта, что любое гиперсобытие, как бы оно ни интерпретировалось на индивидуальном уровне, вызывает сходные процессы активизации семантических полей у всех членов группы, так или иначе причастных к этому событию. Можно заметить, что слово, наиболее точно отражающее смысл гиперсобытия, становится гиперстимулом и занимает «ядерную» позицию в центре ассоциативно-семантического поля.

И, наконец, стоит обратить особое внимание на обнаруженный в ходе исследования факт, связанный со сравнительным анализом результатов,

полученных в двух экспериментальных сериях, а именно: семантическое поле религиозного сознания сельских жителей не пересекается с семантической триадой «созерцание-деяние-общение» горожан студенческого возраста. Такой результат можно объяснить лишь тем, что феномен созерцания не принадлежит религиозному сознанию, а имеет более универсальный характер и базовую психическую природу.

Литература

1. *Акопов Г. В.* Глобализация и самоопределение личности в современном обществе / Профессиональное и личностное самоопределение молодежи современной России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. А. В. Капцов. – Самара, 2013. – С. 3–8.
2. *Акопов Г. В., Савицкий В. М., Шейнин И. Р.* Лингво-психологическое исследование ассоциативных полей концептов «созерцание», «деяние» и «общение» / Современные концепции научных исследований: сборник научных работ V международной научно-практической конференции, № 5, ч. 4. – М., 2014. – С. 136–139.
3. *Андреева Г. М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М., 2009.
4. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИЯ РАН, 1999. – С. 17.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и сознание. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
6. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира / Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16–21.
7. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 37.
8. *Марковина И. Ю., Данилова Е. В.* Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода / Языковое сознание и образы мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 119.
9. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика // URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/>
10. *Шкуратов В. А.* Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. – Ростов н/Д: Наррадигма, 2006. – 400 с.
11. Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999.
12. *Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K.* Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 74. – no. 6. – pp. 1464–1480.

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ИНДЕКСОМ ЖИЗНЕННОГО СТИЛЯ

Пономарев Вадим Петрович

В данной статье представлены данные исследования особенностей правосознания у бакалавров разной профессиональной направленности на основе анализа их отношения к правовой регламентации жизни как определенной личностной ценности. В качестве теоретической основы работы рассматривается современная общепсихологическая теория смысла и смыслообразования. Это позволяет выявить новые аспекты правосознания для исследования и дополнить его традиционные трактовки. Правосознание, которое зачастую в научной литературе определяют как форму общественного сознания, в реальности обобщает представление конкретного человека о том, что является законным, а что нет, и по сути является его индивидуальным, личностным смыслом, раскрывающимся при осознании правовых основ существования в реальном жизненном мире. С помощью специально разработанной анкеты было проведено эмпирическое исследование, которое позволило выявить уровни развития правосознания у респондентов: низкий (респондент плохо информирован по вопросам правовой регламентации своей жизни и не понимает, для чего ему необходимы знания, связанные с правом и законодательством), средний (респондент понимает межличностные формы смысла, заключенные в предложенных для оценки правовых нормах и положениях, может интерпретировать их значение для своей собственной жизни), высокий (понимает значение правовых норм и законодательства как для жизни всего общества, так и для себя лично, может наделить их личностно-смысловыми интерпретациями, соотносить их с различными жизненными контекстами, выделить их общие и специфические характеристики, а самое главное, определить их ценность для своего индивидуального жизненного мира). Далее была проведена психометрическая диагностика с использованием методики «Индекс жизненного стиля». Было выявлено, что уровень правосознания связан с определенными защитными механизмами личности. Для психологов с высоким уровнем развития правосознания наиболее выраженным выступает механизм замещения, а для юристов – рационализация.

Ключевые слова: личность, ценности, смысловая сфера, правосознание, смысл, смыслообразование, механизмы защиты, поведенческие стратегии, замещение, отрицание, рационализация.

Введение

Правосознание на протяжении многих десятилетий привлекает внимание ученых-гуманитариев. В современной научной литературе представлено достаточно большое количество исследований, посвященных изучению проблем, связанных с формированием правосознания у молодого поколения. Это и достаточно солидные теоретические работы А. С. Гречина (2001), Ю. К. Погребной (2011), Е. В. Уваркина (2004), анализирующие проблему правосознания в контексте философских, социологических и правовых наук, и практико-ориентированные работы, ставящие своей целью создать методический арсенал средств для эмпирического изучения данного феномена как конструкта психологической природы [6].

Правосознание рассматривается как совокупность взглядов, ценностных ориентаций, выражающих личностные установки, актуализирующие отношения людей к конкретным законам и к правосудию в целом. По сути, это вера человека в то, что законодательная система, позиционируемая государством как система определенных прав и обязанностей человека по отношению к обществу, государству, окружающим людям, является его личностной ценностью и основанием для определенных стратегий поведения. Правосознание, которое зачастую в научной литературе определяют как форму общественного сознания, в реальности обобщает представление конкретного человека о том, что является законным, а что нет, и по сути является его индивидуальным, личностным смыслом, раскрывающимся при осознании правовых основ существования в реальном жизненном мире. В традиционных учебниках по общей и юридической психологии, чаще всего при определении психологической составляющей правосознания, говорится, что психологическую основу этой области сознания составляют привычки, чувства, эмоции людей в отношении правовых явлений. Однако такая трактовка не соответствует современным психологическим интерпретациям, в частности теории смысла и смыслообразования. С точки зрения именно этого современного научного подхода, правосознание не просто включает знание действующего права, его принципов и требований, окрашенных определенным оценочным отношением (по принципу хорошо/плохо), но и обязательно отражает уровень личностной «пристрастности» к правовой регламентации своей собственной жизни, отражает уровень насыщенности личностным смыслом тех аспектов поведения, которые регулируются существующими правовыми нормами. Конституция, законодательство страны, правовые акты и нормативы есть не просто совокупность значений, которые человек постигает на протяжении всего жизненного пути, они потенциально являются внеличностными формами существования смысла как интенции

к тому, что индивид может в процессе постижения их содержания раскрыть «смысл для себя», переводя его из потенциальной в актуализированную зону познаваемого.

Методы исследования: анализ современных трактовок правосознания в контексте различных научных подходов, интерпретация правосознания как компонента смысловой сферы личности, анкетирование, контент-анализ, методика «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчика, Г. Келлермана, Г. Конте (1979) в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой (2007)).

Основное содержание исследования

Рассматривая механизмы формирования и актуализации правосознания на личностном уровне, важно акцентировать внимание на двух значимых аспектах данной проблемы.

Во-первых, необходимо понимать, как именно функционирует механизм смыслообразования при формировании правовых ценностей как смысловых образований. Исходным условием возникновения смысла, согласно современной общетеоретической интерпретации, источником смыслообразования является жизненный мир человека, заметно отличающийся от «общего» мира, не включенного в орбиту жизнедеятельности индивидуума. В соприкосновении «внешнего мира», в качестве компонента которого как раз и необходимо рассматривать воздействие нормативно-правовой регламентации жизни, и жизненного мира индивида происходит личностная актуализация, порождающая, в свою очередь, ситуативные смыслы, питающие и обогащающие систему «становящихся» ценностей – это актуальная зона смыслообразования. Наряду с ней, имеются и потенциальные зоны: потенциальная зона жизненного мира (ресурсы объективной действительности, не попавшей в орбиту жизненного мира) и потенциальная зона становления и развития устойчивых смысловых образований (активно не задействованные ресурсы сознания).

Взаимодействие смыслов личности и жизненного мира, возникновение личностных смыслов в одном смысловом континууме, порождают все более сложные смысловые уровни в развитии – от относительно простых личностных смыслов и смысловых установок до устойчивых смысловых образований (смысловые диспозиции, конструкты, ценности) [9], которые остаются с человеком на всю дальнейшую жизнь. Если внешнее воздействие, в качестве которого можно рассматривать познание человеком правовых основ жизни, вызывает смысловую актуализацию, то можно предположить, что они оказывают существенное влияние на становление и развитие человека, в ситуациях постижения принципов и требований права [1, 9].

В качестве ведущего смыслообразующего механизма при этом выступает диалог, понимаемый в психологии смыслообразования широко, по-бахтински, как диалог культур, как технология воздействия на ценностно-смысловые образования личности – как диалог личностных ценностей и ценностей внешнего мира, осуществляемый вместе с тем в узкой точке индивидуального сознания человека как субъекта, активно осваивающего правовые основы жизни. Внутренняя борьба влечений и осознанной целесообразности, выбор эмоционального и рационального, желаний и рассудочной деятельности – за всем этим «пульсирует» диалог таких смысловых образований, которые присущи различным этажам психики индивидуума и которые могут актуализировать его ценностные приоритеты, в частности в ситуациях, когда человек сталкивается с нормативно-правовой регламентацией жизни [2].

Можно выделить составные части целостного процесса выведения правовых норм на ценностно-смысловой уровень и описать соответствующую динамику смыслообразования: смысловая дивергенция (смысловой выбор) – раскрытие смысла (понимание) – реализация смысла (инициация реального действия) – смысловой след (переживание, установка для восприятия последующей информации) [2].

Во-вторых, надо понимать, что выведение правовых норм на смысловой уровень имеет свою специфику. В отличие от целого ряда других ценностных отношений, правосознание как компонент личностного развития не может возникнуть мгновенно. Механизм замыкания жизненных отношений, подробно описанный Д. А. Леонтьевым (1999), здесь не работает. Сутью замыкания является встреча субъекта с объектом или явлением, результатом которой становится неожиданное спонтанное обретение этим объектом весомого жизненного смысла, т. е. важного места в жизни субъекта, но правосознание не возникает одновременно. Не сработает здесь и механизм индукции, когда человек пытается заставить себя оценочно относиться к тому, что не порождает смысла (по выражению Д. А. Леонтьева, механизм «стерпится-слюбится»). То, что можно реально рассматривать как инициации развития правосознания, лежит в плоскости пролонгированного воздействия на ценностную сферу субъекта восприятия. Это, прежде всего, идентификация с определенной социальной группой или общностью в процессе социогенеза, что приводит к присвоению смысловых ориентаций, характеризующих правовую культуру и законодательные требования данной социальной общности. При запуске механизма идентификации формируются т. н. высшие смыслы (патриотизм, гражданские ценности, ценности культуры, правосознание) – как априорно существующая смысловая инстанция, включающая мировоззрение, смысл

жизни, самоотношение. Здесь, на этом уровне смыслового развития, новый смысл не возникает, а уже существующий смысл переходит в новую форму существования или на новый носитель. «Смысловые структуры этого уровня не наполняются смыслом из какой-либо еще более высокой смыслообразующей инстанции – такой инстанции нет» [9, с. 354]. Именно эти ведущие смысловые ориентиры «становятся в дальнейшем смыслообразующими основаниями жизнедеятельности» [9, с. 356], именно на этом смысловом поле индивидуального сознания познающего происходят индивидуально-неповторимые акты смыслопорождения. Через систему личностных ценностей человек, используя все механизмы порождения смыслов, приходит к «полаганию смыслов» – когда смысл постигаемого содержания раскрывается через «особый экзистенциальный акт, в котором субъект своим сознательным и ответственным решением устанавливает значимость чего-либо в своей жизни» [9, с. 354]. Если такой механизм запущен, то можно говорить о «смысловом консонансе» как поле, в котором ценности, позиционируемые обществом и государством как позитивные, становятся ценностями познающего и осмысливающего их субъекта.

Однако, в качестве иницирующего фактора для личностного «присвоения» ценностей права могут послужить не только ситуации, когда нормативно-правовое регулирование вызывает позитивное принятие, но и ситуации, когда установки познающего приходят в противоречие с тем, что предлагает правовая система или законодательство (ситуации «смыслового диссонанса»). Возникает эффект «столкновения» смыслов, которое происходит при встрече субъекта – носителя внутреннего смыслового мира – с другими смысловыми мирами. «Перед субъектом встает проблема сопоставления разных вариантов осмысления действительности, которые могут различаться по степени полноты, разработанности, а также содержательно, и характеризоваться разной степенью противоречивости. Столкновение с иным смысловым миром приводит к осознанию относительности своего, и результатом взаимодействия двух смысловых миров может являться либо обогащение смыслового мира субъекта, либо его более или менее радикальные перестройки, связанные не только с обретением новых смыслов, но и с разрушением старых» [9, с. 36].

Анализ правосознания в контексте современной теории смысла и смыслообразования позволяет выявить связь между уровнем развития правосознания и уровнем развития смысловых образований личности. Эта проблема и определила цель данного исследования. Для выявления уровней развития правосознания студентов разной профессиональной направленности (в исследовании принимали участие 238 бакалавра старших

курсов (3–4) разных факультетов ЮФУ: физики, биологи, филологи, психологи, юристы) была разработана специальная анкета, ориентированная на выявление уровней правовой информированности и ценностно-смысловых установок при оценке правовых норм поведения. Данная анкета позволила выявить три уровня развития правосознания у студентов: низкий (респондент плохо информирован по вопросам правовой регламентации своей жизни и не понимает, для чего ему необходимы знания, связанные с правом и законодательством), средний (респондент понимает межличностные формы смысла, заключенные в предложенных для оценки правовых нормах и положениях, может интерпретировать их значение для своей собственной жизни), высокий (понимает значение правовых норм и законодательства как для жизни всего общества, так и для себя лично, может наделить их личностно-смысловыми интерпретациями, соотнести их с различными жизненными контекстами, выделить их общие и специфические характеристики, а самое главное, определить их ценность для своего индивидуального жизненного мира). Ответы бакалавров были проанализированы методом контент-анализа. Полученные результаты представлены в Таблице 1:

Таблица 1

Уровни развития правосознания у студентов разной профессиональной направленности

№	Специальность	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1	физики	12 %	88 %	-
2	биологи	15 %	74 %	11 %
3	филологи	-	63 %	37 %
4	психологи	7 %	61 %	32 %
5	юристы	-	74 %	26 %

Бакалавры естественнонаучных специальностей относятся к праву и законодательству более отчужденно, чем гуманитарии, которые при интерпретации вопросов, связанных с этими областями жизни, в большей степени наделяют их определенным ценностным отношением. Почти треть филологов и психологов считают, что правосознание является важнейшей составляющей не только для регламентации взаимодействия человека с окружающими, но и для рефлексии самого себя как носителя духовно-нравственных черт. В их представлении право неразрывно связано с моралью и зачастую является социальным ориентиром для человека при оценке и понимании сущности тех или иных событий. Будущие профессиональные юристы в меньшей степени склонны к трактовке права как нравственного

регулятора поведения человека. При этом, они, в отличие от бакалавров других специальностей, рассматривают законодательство не как совокупность неизменно-устойчивых положений, определяющих нравственные устои общественных взаимоотношений, а как нечто динамически развивающееся, – то, что не просто отражает изменения, происходящие в жизни общества и государства, но и может существенно влиять на специфику формирования общественных приоритетов. Определяя свое отношение к праву как определенной ценности, они, главным образом, выделяют его значимость не столько для себя лично, сколько рефлексируют его ценность как межличностную форму существования смысла в контексте культуры и общественных норм жизни общества.

На следующем этапе исследования был проведен сравнительный анализ по уже сформированным группам. С использованием специализированной диагностики (методика Р. Плутчика, Г. Келлермана, Г. Конте (1979) в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой (2007)) были выявлены различия у студентов с разным уровнем развития правосознания по индексу жизненного стиля как целостной личностной характеристики, которая отражает специфику оценочной и поведенческой динамики через систему психологических защит. Опросник включает 97 утверждений, требующих ответа по типу «верно/неверно». Измеряются восемь видов защитных механизмов: вытеснение, отрицание, замещение, компенсация, реактивное образование, проекция, интеллектуализация (рационализация) и регрессия. Каждому из этих защитных механизмов соответствуют от 10 до 14 утверждений, описывающих личностные реакции человека, возникающие в различных ситуациях. Данная методика основана на концептуальном положении, согласно которому механизмы защиты можно рассматривать как важную характеристику смысловой сферы личности. На основе ответов строится профиль защитной структуры «Я» обследуемого, которая позволяет определенным образом описать поведение человека в ситуациях, требующих оценочных действий. Данная методика позволяет выявить готовность человека поступать по типу определенной поведенческой стратегии: игнорирование, отчуждение, присвоение.

Подсчет «сырых» баллов позволил выявить определенные шкалы «эго-защит», которые доминировали в разных профессиональных группах и группах с разным уровнем развития правосознания (рис. 1).

Заключение

Только в двух профессиональных группах психологов и юристов были выделены наиболее характерные для них механизмы защит. Для психологов – это замещение, которое зачастую в психологии характеризуется как

механизм переноса, при котором недостижимая цель (например, изменение законодательства, неудовлетворительная система правоприменения в обществе, коррупция и т. д.) замещается более приемлемыми. Этот механизм инициирует активные поведенческие реакции. Корреляционный анализ показал, что существует определенная связь между ($p < 0,01$) уровнем правосознания и стремлением к использованию переноса как механизма защиты. Этот механизм наиболее характерен для студентов с высоким уровнем развития правосознания, которые рассматривают правовые и законодательные нормы жизни как личностную ценность. Эти студенты рефлексируют, что часть проблем, связанных с воплощением этих идей в реальной жизни, им неподвластны, но они готовы к активным формам продвижения своих правосознательных ценностей (отстаивание прав человека, продвижение общегражданских ценностей, оказание психологической помощи и т. д.). Их поведенческую стратегию в отношении права как компонента общественного сознания можно характеризовать как стратегию присвоения.

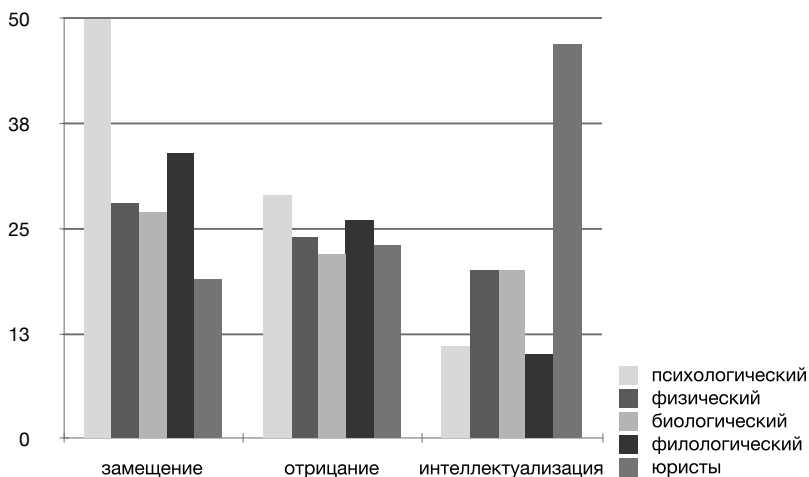

Рисунок 1. Распределение «эго-защит» по группам профессиональной направленности

Студенты естественнонаучных специальностей и филологи ориентированы на механизм отрицания, при котором основные поведенческие стратегии – игнорирование и отчуждение. В особенностях их правосознания это проявляется тенденцией рассматривать правовые аспекты жизни как то, что не является существенной частью их жизненного мира.

Бакалавры–юристы с высоким уровнем развития правосознания в основном показали превалирование интеллектуализации (рационализация), при котором важным компонентом поведения становится поиск причин и мотивов своих поступков во внешней среде. Это отражается в особенностях их правосознания. Они верят в то, что проблемы общества и государства возможно решить через совершенствование законодательства, и готовы сами активно работать в этом направлении.

Литература

1. *Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Савин В. А.* Диалог культур как смыслотехнология формирования установок толерантного сознания и поведения студентов вуза // *Российский психологический журнал.* – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 46–59.
2. *Абакумова И. В.* Смысл как научная категория и влияние его концептуальных интерпретаций на теорию образования и обучения // *Научная мысль Кавказа.* – 2002. – № 13. – С. 142–146.
3. *Байниязов Р. С.* Правосознание: Психологические аспекты // *Правоведение.* – 1998. – № 3. – С. 16–21.
4. *Васильев В. Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 608 с.
5. *Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (Пособие для психологов и врачей). – СПб.: Изд-во СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. – 50 с.
6. *Веденкин Н. А.* О необходимости диагностики уровня развития правосознания личности кандидата на службу в органы внутренних дел // *Вопросы психологии экстремальных ситуаций.* – 2011. – № 2.
7. *Гулевич О. А.* Структура правосознания и поведение в правовой сфере // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* – 2009. – № 5 (7).
8. *Ильин О. Ю.* Правосознание: постнеклассическое правопонимание и личностная проекция: дисс. ... канд. филос. наук. – Тверь: Тверской государственный технический университет, 2011. – 198 с.
9. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. Природа, строение, динамика смысловой реальности. – М.: СМЫСЛ, 2003. – 487 с.
10. *Ростова Е. Н.* Самосознание личности и представление о смысле своей жизни у взрослых // *Северо-Кавказский психологический вестник.* – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 45–48.
11. *Смирнов В. Н.* Юридическая психология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 319 с.
12. *Ясюкова Л. А.* Правосознание: диагностика и закономерности развития // *Прикладная психология.* – 2000. – № 4. – С. 1–13.

13. *Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju.* Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth // The 13th European Congress of Psychology. – 2013.
14. *Halpern D.* Moral Values, Social Trust and Inequality // British Journal of Criminology. – 2001. – Vol. 41. – pp. 236–251.
15. *Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V.* Life-sense Strategies as a Motivational-Dynamic Characteristic of a Person // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 86. – pp. 35–41.
16. *Leung K.* Social Axioms. The Search for Universal Dimensions of General Beliefs about how the World Functions // J. of Cross-Cultural psychology. – 2002. – Vol. 33. – pp. 286–302.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.91

УГРОЗА ЖИЗНИ КАК ПРЕДИКТОР ВЫБОРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ, УРОВНЯ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛЕЧЕНИЮ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У ВЗРОСЛЫХ ПАЦИЕНТОВ С МУКОВИСЦИДОЗОМ

Абросимов Илья Николаевич

Данная работа посвящена изучению клинико-психологических аспектов муковисцидоза, тяжелого хронического наследственного заболевания с высокой вероятностью летального исхода, заключающегося в нарушении функционирования всех экзокринных желез организма и развитии сопутствующих обструктивных и воспалительных процессов. Актуальность и новизна исследования обусловлены отсутствием на данный момент в отечественной литературе данных, описывающих клинико-психологические аспекты этого заболевания во взрослом возрасте. При этом муковисцидоз, несмотря на достижения медицины, остается неизлечимым и одним из самых распространенных среди наследственных заболеваний, полноценное лечение которого требует психологического сопровождения и реабилитации пациентов с учетом нозологических особенностей. В ходе исследования вся выборка взрослых пациентов с муковисцидозом ($n = 86$) была разделена на две подгруппы по показателю выраженности восприятия болезни как угрозы жизни и здоровью. Группа 1 ($n = 46$) – пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как умеренную угрозу жизни и здоровью; группа 2 ($n = 40$) – пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью. В выделенных подгруппах сравнивались показатели выбора стратегий совладающего поведения, уровня приверженности лечению и качества жизни. Удалось установить, что в группе пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу, показатели изучаемых параметров указывают на меньшую адаптацию к заболеванию, чем в группе пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью. Таким образом, восприятие муковисцидоза как угрозы жизни и здоровью является важным фактором, который необходимо учитывать при разработке психологического сопровождения, реализации задач социализации и общего ведения данных пациентов.

Ключевые слова: *орфанные заболевания, муковисцидоз, муковисцидоз взрослых, восприятие болезни, угроза жизни, совладающее поведение, копинг-стратегии, приверженность лечению, качество жизни, психодиагностика.*

Введение

Муковисцидоз является самым распространенным среди наследственных заболеваний, при этом относится к категории орфанных (0,002–0,008 % среди россиян), и вследствие этого – малоизученным. Муковисцидоз – системное наследственное заболевание, обусловленное генной мутацией и характеризующееся нарушением функций желез внешней секреции [1, 2]. Симптоматика муковисцидоза полимодальна, однако в первую очередь поражаются дыхательная система и ЖКТ; часто коморбидными оказываются развитие сахарного диабета, цирроза печени, хронические инфекционные, воспалительные и обструктивные заболевания легких, снижение индекса массы тела [3].

Изначально муковисцидоз рассматривался как детская патология, однако в России в 2005 г. доля взрослых больных выросла более чем на 30 % и составила 50 % от всех больных. При этом средний возраст пациентов с муковисцидозом в России составляет 10,97 лет, а средняя продолжительность жизни достигает 27 лет, при показателях 18,25 лет и 38 лет соответственно в развитых странах. Таким образом, становится очевидной тенденция трансформации данного заболевания из педиатрического заболевания в хроническое с тяжелым течением и высокой вероятностью летального исхода у взрослых [1].

Однако с возрастом прогрессирует и заболевание, что требует применения комплексного интенсивного лечения, включающего как фармакотерапевтические, так и немедикаментозные методы лечения, требующего больших усилий, как со стороны пациента, так и лечащего врача. Требующее больших усилий лечение муковисцидоза, направленное в целом на купирование имеющейся обширной симптоматики, не снижает показателей смертности среди больных и оказывает непосредственное влияние на качество их жизни [2].

А. Ф. Неретина и соавторы отмечают, что «ограничение жизнедеятельности больных муковисцидозом представляет важную медико-социальную, психолого-педагогическую и экономическую проблему. Весьма важную роль в решении этих проблем имеет ранняя и долговременная реабилитация этого сложного контингента пациентов, поскольку от эффективности реабилитации во многом зависит дальнейшее течение болезни и, как следствие, уровень качества жизни пациентов» [4, с. 61–63].

Особую важность в реабилитации взрослых пациентов с муковисцидозом приобретает учет клинико-психологического аспекта и важность их

психологического сопровождения. Однако на данный момент в России практически отсутствуют исследования муковисцидоза клинико-психологической направленности, что и обуславливает **актуальность данной работы**.

В современной зарубежной (E. Broadbent, 2006; H. Leventhal, 2001) и отечественной (В. В. Николаева, 2009; А. Ш. Тхостов, 2002; А. Ш. Тхостов, А. С. Нелюбина, 2009) клинической психологии большое внимание уделяется изучению роли личностного реагирования на болезнь пациента в ходе его лечения, и его внутренней картине болезни в частности [5, 6, 7]. **Целью работы** явилось изучение субъективного восприятия болезни как угрозы жизни и здоровью, и его соотношение с совладающим (копинг-) поведением, приверженностью лечению и качеством жизни у взрослых пациентов с муковисцидозом.

Задачи исследования: 1) описание субъективного восприятия болезни у взрослых пациентов с муковисцидозом; 2) сопоставление угрозы жизни и здоровью с выбором стратегий совладающего (копинг-) поведения взрослых пациентов с муковисцидозом; 3) сопоставление угрозы жизни и здоровью с уровнем приверженности лечению взрослых пациентов с муковисцидозом; 4) сопоставление угрозы жизни и здоровью с уровнем качества жизни взрослых пациентов с муковисцидозом.

Материалы и методы. В основу данной работы легли результаты исследования группы из 86 взрослых больных с муковисцидозом (шифр по МКБ-10 – E84.0), мужского (38 человек, 44,18 %) и женского (48 человек, 55,82 %) пола, проходящих плановое стационарное (61 человек, 70,93 %) и амбулаторное (25 человек, 29,07 %) лечение в лаборатории муковисцидоза при НИИ пульмонологии МЗ РФ на базе ГКБ № 57 (ДЗ г. Москва), в возрасте от 18 до 35 лет, средний возраст в группе составил $23,7 \pm 4,8$ лет. Для исследования применялся следующий пакет психодиагностических методик: 1) «Краткий опросник восприятия болезни» (E. Broadbent, J. Main, K. J. Petrie, J. Weinman, 2006; русскоязычная версия для пациентов с муковисцидозом В. М. Ялтонского, 2010); 2) Опросник «Совладающее поведение при муковисцидозе» (J. Abbot, M. Djdd, L. Gee, K. Webb, 2001; русскоязычная версия В. М. Ялтонского, 2010); 3) Опросник «Качество жизни при муковисцидозе» (J. Abbott, S. P. Conway, L. Gee et al., 2010; русскоязычная версия В. М. Ялтонского, 2010); 4) «Опросник самостоятельной помощи при муковисцидозе» (CF-RAQ L. T. Masterson, 2007; русскоязычная версия В. М. Ялтонского, 2010).

Результаты исследования субъективного восприятия болезни

На основе показателей шкалы «Общее восприятие болезни как угрозы» методики «Краткий опросник восприятия болезни», вся выборка пациентов с муковисцидозом была разделена на две группы: группа 1 ($n = 46$) – пациенты

с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как умеренную угрозу жизни и здоровью (средний показатель по шкале – 34,9 %); группа 2 (n = 40) – пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью (средний показатель по шкале – 56,67 %).

Структура субъективного восприятия болезни в выделенных группах различалась (рис. 1). Взрослые больные муковисцидозом с восприятием болезни как умеренной угрозы жизни и здоровью расценивают последствия своего заболевания как менее тяжелые ($4,90 \pm 1,85$ балла, $P = 0,011$), контролируют свое заболевание ($8,10 \pm 1,91$ балла, $P = 0,008$), хуже ощущают свое заболевание и его симптомы (идентифицируют заболевание) ($5,30 \pm 2,36$ балла, $P = 0,043$), менее озабочены своим заболеванием ($3,90 \pm 1,73$ балла, $P = 0,005$), слабее эмоционально реагируют на него ($2,30 \pm 2,06$ балла, $P = 0,001$), чем пациенты, воспринимающие свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью. В структуре их субъективного восприятия болезни на первый план выступает очень высокое понимание своего заболевания ($9,21 \pm 1,63$ балла).

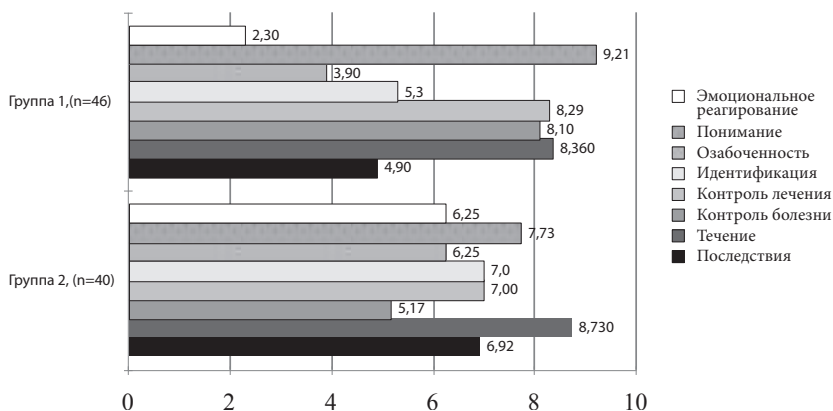

Рисунок 1. Результаты сравнительного исследования структуры восприятия болезни в группах пациентов с различной степенью восприятия болезни как угрозы (в баллах)

Взрослые пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью, определяют последствия своего заболевания как более тяжелые ($6,92 \pm 1,31$ балла, $P = 0,011$), обладают более низким контролем над заболеванием ($5,17 \pm 2,41$ балла, $P = 0,008$), лучше идентифицируют свое заболевание (определяют симптомы,

связанные с ним) ($7,00 \pm 1,56$ балла, $P = 0,043$), более озабочены своим заболеванием ($6,25 \pm 1,66$ балла, $P = 0,005$), и вследствие этого обладают более сильным эмоциональным реагированием ($6,25 \pm 1,54$ балла, $P = 0,001$). При этом ведущую роль в структуре субъективного восприятия болезни данных пациентов играет осознание хронического течения и неизлечимости муковисцидоза.

Полученные результаты соотносятся с данными ряда авторов (Л. С. Богданова, 2013; В. М. Ялтонский, 2011; В. М. Ялтонский, Л. В. Дияжева, 2012) и позволяют говорить о наличии в структуре когнитивного уровня внутренней картины болезни пациентов с муковисцидозом двух различных типов восприятия болезни: восприятие имеющегося заболевания как умеренной угрозы жизни и здоровью и восприятие болезни как выраженной угрозы жизни и здоровью. При этом тип восприятия собственного заболевания детерминирован различными показателями его компонентов, таких как: восприятие последствий болезни, восприятие дальнейшего течения болезни, восприятие возможного контроля болезни, восприятие возможного контроля лечения, идентификация болезни, озабоченность болезнью, понимание болезни, эмоциональное реагирование на болезнь. Данная структура субъективного восприятия подробно описана Г. Левенталем и соавт. (1974) в рамках модели репрезентаций заболевания [12].

Каждый из типов восприятия собственного заболевания имеет как положительные, так и отрицательные аспекты по отношению к адаптации к своему заболеванию и совладанию с ним.

Результаты исследования выбора стратегий совладающего (копинг-) поведения в группах с различным восприятием болезни

Исследование интенсивности используемых копинг-стратегий в группах с разным восприятием болезни позволило обнаружить различия в изучаемых группах (табл. 1). Взрослые пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как умеренную угрозу жизни и здоровью, статистически значимо ($P = 0,047$) чаще используют высокоадаптивную стратегию «Оптимистическое принятие» ($75,67 \pm 10,61$ % из 100), чем пациенты с восприятием болезни как выраженной угрозы жизни и здоровью ($67,36 \pm 18,35$ % из 100). Однако взрослые пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью, статистически значимо чаще ($P = 0,037$) используют малоадаптивную стратегию «Избегание» ($64,11 \pm 13,26$ % из 100), чем пациенты с восприятием болезни как умеренной угрозы жизни и здоровью ($40,73 \pm 15,24$ % из 100).

Таблица 1.

**Результаты сравнительного исследования
интенсивности использования специфических стратегий
совладающего с муковисцидозом поведения в группах пациентов
с различным восприятием болезни (в %)**

<i>Копинг-стратегии</i>	<i>Среднее значение по всей выборке</i>	<i>Группа 1, (n = 46)</i>	<i>Группа 2, (n = 40)</i>	<i>Значимость различий</i>
	<i>Me±SD, %</i>			
Оптимистическое принятие	70,71 ± 14,23	75,67 ± 10,61	67,36 ± 18,35	P=0,047
Надежда	48,86 ± 23,74	54,33 ± 18,16	46,82 ± 27,56	-
Отвлечение	34,95 ± 19,02	28,27 ± 19,56	41,11 ± 16,78	-
Избегание	51,33 ± 26,02	40,73 ± 15,24	64,11 ± 13,26	P=0,037

На основании полученных данных было установлено, что в группах с различным восприятием болезни интенсивность использования высоко- и малоадаптивных стратегий совладания с муковисцидозом неодинакова. Субъективное восприятие болезни как умеренной угрозы жизни и здоровью чаще является детерминирующим фактором для более адаптивного реагирования на болезнь и выбора более эффективных стратегий совладающего с муковисцидозом поведения. Восприятие своего заболевания как выраженной угрозы жизни и здоровью взрослыми пациентами с муковисцидозом отражается на возрастании амбивалентности в структуре совладающего с муковисцидозом поведения: они стремятся к оптимистическому принятию своего заболевания и к избеганию его одновременно. Данный подход преимущественно направлен на избегание негативных переживаний, детерминированных заболеванием, но является малоадаптивным по отношению к его преодолению.

Результаты исследования уровня приверженности лечению в группах с различным восприятием болезни

При исследовании уровня приверженности лечению в группах больных муковисцидозом с различным восприятием болезни были получены следующие результаты.

В структуре приверженности лечению взрослых пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как умеренную угрозу жизни и здоровью (группа 1) на первый план выступают: прием витаминов (77,8 %) и ферментов поджелудочной железы (панкреатических) (60 %), и ингаляции при помощи небулайзера (84 %) – среди методов фармакотерапии,

и дыхательная гимнастика (кинезиотерапия) (72 %) – среди немедикаментозных форм.

Пациенты, воспринимающие муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью (группа 2), наиболее привержены таким методам фармакотерапии, как прием антибиотиков внутрь через рот (перорально) (88,6 %) и ингаляции при помощи небулайзера (73,8 %). При этом пациенты из данной группы статистически значимо менее привержены, чем пациенты из группы 1, таким видам лечения, как: прием пищевых добавок ($P = 0,045$), дыхательная гимнастика (кинезиотерапия) ($P = 0,049$), ингаляции при помощи небулайзера ($P = 0,045$), и статистически значимо более привержены приему антибиотиков перорально ($P = 0,030$).

Таким образом, взрослые пациенты с муковисцидозом, воспринимающие свое заболевание как умеренную угрозу жизни и здоровью, привержены более широкому спектру методов лечения, не ограничиваясь только методами фармакотерапии, но и применяя немедикаментозные формы лечения. При этом больные, воспринимающие муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, привержены менее широкому спектру применяемых методов лечения (фармакотерапия), среди которых ведущим является прием антибиотиков перорально. Возможно данное распределение результатов обусловлено тем, что пациенты из данной группы, на фоне выраженного восприятия муковисцидоза как угрозы жизни и здоровью, считают именно прием лекарственных средств как имеющий наибольший эффект, а также купирующий имеющиеся и предотвращающий появление новых симптомов метод лечения.

Результаты исследования уровня качества жизни в группах с различным восприятием болезни

Наибольшему негативному влиянию болезни у взрослых пациентов с муковисцидозом подвержены следующие сферы качества жизни: обремененность симптомами ($47,8 \pm 7,65$ из 100 баллов), занимающие значительную часть времени лечебные процедуры ($51,37 \pm 9,16$ из 100 баллов), озабоченность будущим ($46,21 \pm 8,30$ из 100 баллов), проблемы восприятия образа собственного тела и его деформаций ($49,32 \pm 6,94$ из 100 баллов), переживания о карьере ($54,7$ из 100 баллов). Менее подвержены влиянию болезни – социальное ($70,7$ из 100 баллов), эмоциональное ($69,8$ из 100 баллов) и физическое ($66,8$ из 100 баллов) функционирование, межличностные отношения ($61,5$ из 100 баллов). Полученные результаты согласуются с данными, полученными в ходе клинико-анамнестического интервью, проведенного с каждым пациентом перед началом исследования. Взрослые больные муковисцидозом в большинстве случаев

демонстрировали свою коммуникативную компетентность, эмоциональный фон испытуемых был стабилен, с преобладанием положительных эмоций. Однако также полученные результаты могут указывать и на неадекватную оценку больными состояния своего здоровья, которая может негативно влиять на ход лечения (в частности, на приверженность лечению), и которая может являться мишенью в проводимой с ними психокоррекционной работе.

В группе 1 болезнь оказывает менее интенсивное воздействие на такие сферы, как: физическое (74,29, $p = 0,047$), социальное (81,50, $p = 0,023$) и эмоциональное функционирование (85,79, $p = 0,003$). Данная категория больных менее озабочена своим будущим (63,57, $p = 0,041$), также заболевание менее влияет на их межличностные отношения (75,57, $p = 0,001$). Наряду с этим, у больных группы 2 такие аспекты, как физическое (64,00, $p = 0,047$), социальное (65,00, $p = 0,023$) и эмоциональное функционирование (63,20, $p = 0,003$) более подвержены негативному влиянию болезни. В связи с наличием у них заболевания, данная категория больных более озабочена своим будущим (45,40, $p = 0,041$) и ощущает затруднения в межличностных отношениях (52,57, $p = 0,001$). Таким образом, качество жизни пациентов, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу, значительно ниже по сравнению с пациентами, воспринимающими свое заболевание как умеренную угрозу жизни.

Выводы

1. В структуре субъективного восприятия своего заболевания взрослыми пациентами с муковисцидозом можно выделить две тенденции: восприятие муковисцидоза как умеренной угрозы жизни и здоровью и восприятие муковисцидоза как выраженной угрозы жизни и здоровью.
2. Пациенты, воспринимающие муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, чаще выбирают малоадаптивные копинг-стратегии «Отвлечение» и «Избегание», направленные в первую очередь на снижение эмоционального напряжения, но не на преодоление заболевания, по сравнению с пациентами, воспринимающими муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью.
3. Уровень приверженности лечению выше, а спектр ее шире в группе пациентов с восприятием муковисцидоза как умеренной угрозы жизни и здоровью. В то время как пациенты, воспринимающие муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, имеют более низкие показатели приверженности и предпочитают лишь методы фармакологического лечения.
4. Показатели качества жизни у пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью, значительно выше по сравнению

с пациентами, воспринимающими свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью.

5. Угроза жизни и здоровью является важным фактором, играющим роль (предиктора) в обуславливании выбора стратегий совладающего (копинг-) поведения, уровня приверженности лечению и качества жизни у взрослых пациентов с муковисцидозом. Учет данного фактора при разработке стратегий психологического сопровождения, реабилитации и социализации взрослых пациентов с муковисцидозом может рассматриваться как способ повышения оптимизации лечения данной категории больных в целом.

Литература

1. *Амелина Е. Л., Черняк А. В., Чучалин А. Г.* Муковисцидоз взрослых – особенности ведения // Пульмонология. – 2006. – С. 30–39.
2. *Каширская Н. Ю., Толстова В. Д., Капранов Н. И.* Муковисцидоз – национальная приоритетная программа в Российской Федерации // Педиатрия. – 2008. – Т. 87. – № 4. – С. 6–14.
3. *Красовский С. А., Амелина Е. Л.* Тактика ведения взрослых больных муковисцидозом // Клиницист. – 2006. – № 1. – С. 33–37.
4. *Неретина А. Ф., Леднёва В. С., Петрова И. В.* Комплексная реабилитация больных муковисцидозом / Сборник тезисов XI национального конгресса «Муковисцидоз у детей и взрослых. Взгляд в будущее». 24–25 мая 2013 года. – М.: Медико-генетический научный центр РАМН. – 2013. – С. 61–63.
5. *Николаева В. В.* Внутренняя картина болезни: исторический экскурс / Психосоматика: телесность и культура: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект. – 2009. – С. 103–115.
6. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
7. *Тхостов А. Ш., Нелюбина А. С.* Обыденные представления как фактор, опосредующий поведение в ситуации болезни // Вестник Томского гос. университета. Сер. Психология. – 2008. – № 317. – С. 243–245.
8. *Ялтонский В. М.* Внутренняя картина болезни и совладающее поведение при заболеваниях внутренних органов: новый теоретический подход / Сборник научных трудов «Актуальные вопросы диагностики и лечения психосоматических заболеваний». Под ред. Р. Г. Аксенфельд. – Ярославль, 2011. – С. 115–122.
9. *Ялтонский В. М., Дияжева Л. В.* Внутренняя картина болезни подростков больных муковисцидозом. / Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. с межд. уч. «Клиническая психология в здравоохранении и образовании». – М.: Изд-во ГБОУ ВПО МГМСУ, 2012. – С. 236–240.

10. *Abbott J., Dodd M., Gee L., Webb A. K.* Ways of Coping with Cystic Fibrosis: Implications for Treatment Adherence // *Disability and Rehabilitation*. – 2001. – no. 8. – pp. 315–324.
11. *Broadbent E., Petrie K. J., Main J., Weinman J.* The Brief Illness Perception Questionnaire (BIPQ) // *J. of Psychosomatic Research*. – 2006. – no. 60. – pp. 631–637.
12. *Leventhal E. A., Cameron L.* Representations, Procedures and Affect in Illness Self-Regulation: A Perceptual-Cognitive Model. – Mahwah: Erlbaum, 2001. – pp. 19–47.
13. *Masterson T., Wildman B. G., Newberry B., Omlor G., Bryson E., Kukay A.* Compliance in Cystic Fibrosis: An Examination of Infection Control Guidelines // *Pediatric Pulmonology*. – 2008. – no. 43. – pp. 435–442.

УДК 159.91

ПСИХОСОМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА, БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ ОРГАНОВ ДЫХАНИЯ

***Русановская Галина Федоровна
Камаев Игорь Александрович
Шпрыков Александр Сергеевич***

Проведена оценка психосоматического статуса среди 175 женщин репродуктивного возраста. Основную группу составили 93 женщины в возрасте 18–44 года, больные активным туберкулезом органов дыхания, получавшие лечение в одном из противотуберкулезных учреждений Нижегородской области в 2013 г.; группу сравнения составили 82 практически здоровые женщины соответствующего возраста. Для оценки психоэмоционального состояния проводилось тестирование по методике теста «САН» (самочувствие, активность, настроение), для оценки личностных особенностей – тестирование по методике «Самооценка личности» (О. И. Мотков), для оценки межличностных отношений – тестирование по методике теста Лири.

Доказано, что заболевание туберкулезом органов дыхания данной категории пациенток оказывает значительное негативное влияние на их психоэмоциональное состояние, вызывая неудовлетворительное самочувствие (оценено наиболее низко), низкую активность, плохое настроение. В процессе длительного лечения у женщин нарастает усталость. Общая самооценка личности исследуемой группы женщин находится на среднем уровне, что свидетельствует о ее адекватности, но значение показателя является пограничным с низким уровнем самооценки.

Личностными особенностями женщин являются наличие непокладистого, неуравновешенного, негармоничного характера с отсутствием чувства меры в желаниях и поведении. Наименее им присущи – доброжелательность, искренность, правдивость, отзывчивость, самостоятельность, общительность, оптимизм, уверенность, жизнестойкость, креативность (оценена наиболее низко). Поведение женщин является адаптивным, что свидетельствует о гармоничности их личности. Основными типами межличностных отношений женщин, больных туберкулезом, являются, с одной стороны, «дружелюбный» и «альтруистический», с другой стороны – «зависимый». Поэтому необходимо разрабатывать мероприятия по организации психологической помощи больным активным туберкулезом органов дыхания женщинам репродуктивного возраста и новые подходы в профилактике

этого заболевания с опорой на установленные психологические факторы риска возникновения туберкулезного процесса и его рецидивов.

Ключевые слова: *туберкулез, органы дыхания, женщины, репродуктивный возраст, психосоматическая характеристика, психологическая помощь.*

Введение

Психосоматика – медико-психологическое направление, изучающее влияние психологических факторов на возникновение и течение соматических заболеваний. Соматопсихическое направление в отечественной медицине было заложено трудами С. С. Корсакова, П. Б. Ганнушкина, В. А. Гиляревского, И. К. Краснушкина, М. Я. Мудрова, Р. А. Лурия [9, 10]. К сожалению, следует признать, что психосоматика, достаточно разработанная на теоретическом уровне, пока не приобрела популярности в отечественном здравоохранении и медленно внедряется в медицинскую практику.

Использование психосоматических характеристик пациентов при различных, в том числе инфекционных, заболеваниях позволяет глубоко осмыслить как причины патологических процессов, так и пути их «преодоления». Сегодня такой подход становится особо востребованным в лечении туберкулеза – болезни, давно именуемой социальной [8, с. 25–32; 13, с. 47–51].

Заболевание туберкулезом органов дыхания у женщин фертильного возраста (18–44 лет) выступает как психотравмирующий фактор и обуславливает специфические эмоциональные реакции, поведение, и способствует изменению мировоззрения и отношения к действительности. Госпитализация, необходимость длительного лечения, страх за свое здоровье и здоровье близких (детей, супруга, родителей, родственников, знакомых, коллег и т. д.) в связи с наличием контакта переживаются как тяжелый стресс, связанный с резким изменением привычного стиля жизни, социального статуса, ограничениями семейного и межличностного общения, зависимостью от медицинского персонала, и сопровождаются стойкими негативными эмоциональными реакциями [11, с. 71–72; 12, с. 88–89; 14, с. 31–37; 15, с. 22–37; 19, с. 375–380; 20, с. 620–654; 21, с. 830–837; 22, с. 51–79]. Понимание условий формирования специфических особенностей черт личности, психоэмоционального состояния и системы взаимоотношений с окружением данной категории пациентов позволят адекватно оценить сущность нарушений их адаптации в социальной среде [16, с. 34–36; 18, с. 20–23]. Решение поставленных исследовательских задач возможно при применении адекватного набора психологических методик [1, с. 6–10; 3, с. 3–6; 4, с. 56–60; 5, с. 30–34; 6, с. 16–19; 7, с. 38–40; 17, с. 47–50].

Цель исследования: изучить особенности психосоматического статуса женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания.

Материалы и методы

Проведено комплексное медико-психологическое исследование по определению особенностей психосоматического статуса женщин репродуктивного возраста, больных активным туберкулезом органов дыхания.

Сбор данных осуществлялся путем тестирования с соблюдением принципов добровольности и анонимности. Респондентам разъясняли цели проведения тестирования и правила заполнения опросника, после чего тестируемый самостоятельно заполнял опросник.

Объектом исследования явились 93 женщины в возрасте 18–44 лет, больные активным туберкулезом органов дыхания, получавшие противотуберкулезную химиотерапию в одном из противотуберкулезных учреждений Нижегородской области в 2013 г.; группу сравнения составили 82 практически здоровые женщины соответствующего возраста.

Для определения психоэмоционального состояния вышеуказанного контингента была использована методика тестирования «САН» (самочувствие, активность, настроение), направленная на дифференциальную самооценку пациентками своего функционального состояния.

Личностные особенности больных с данной нозологией были выявлены с использованием методики «Самооценка личности» (О. И. Мотков), которая позволила изучить общий уровень самооценки позитивного развития личности, отдельных ее факторов и качеств, а также степень ее адекватности. Псевдовысоким уровнем выраженности самооценки являлся диапазон от 4,51–4,71 балла до максимальной границы 5,00 баллов, низким – диапазон 1,00–2,90.

Для определения характерных особенностей межличностного взаимодействия больных туберкулезом органов дыхания женщин репродуктивного возраста с их социальным окружением (супругом, родителями, соседями, коллегами по работе и т. д.), а также характерных стратегий поведения в конфликте была использована методика теста Лири. Электронная база данных исследования была создана с помощью СУБД Microsoft Office Excel 2007. Статистическая обработка осуществлялась с помощью специализированного пакета прикладных программ SPSS 17.0. Для описательной статистики рассчитывались средние значения (M) и относительные показатели (P , в %) в виде $M \pm m$ и $P \pm m$, где m – ошибка средней величины или относительного показателя. Также использовались критерий хи-квадрат Пирсона или точный тест Фишера, U -тест Манна–Уитни, критерий Краскела–Уоллиса, критерий корреляции R Спирмена [2]. Критический порог статистической значимости определили на уровне $p < 0,05$.

Обе сравниваемые группы больных туберкулезом органов дыхания и здоровых лиц были одинаковы по возрастному составу. Средний возраст

в основной группе составил $30,3 \pm 0,6$ лет, в группе сравнения – $30,8 \pm 0,4$ лет ($p = 0,656$ по тесту Манна–Уитни).

Впервые выявленный туберкулезный процесс был зарегистрирован у $68,8 \pm 2,8$ % женщин основной группы, рецидив заболевания – $6,4 \pm 5,1$ %, туберкулез хронического течения – $24,7 \pm 4,2$ %.

В анализируемой группе наиболее часто регистрировалась инфильтративная форма туберкулеза ($49,4 \pm 4,6$ %), «малые» формы туберкулеза (очаговая, туберкулезный плеврит, туберкулома) – $34,4 \pm 1,2$ % случаев, распространенные формы туберкулеза (диссеминированная, фиброзно-кавернозная) – в $16,1 \pm 3,4$ % случаев.

Несмотря на относительно благоприятную клиническую структуру, у $51,6 \pm 1,9$ % больных было обнаружено бактериовыделение, у $67,7 \pm 4,7$ % – деструктивные изменения в легочной ткани. В представленной группе женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, $62,3$ % получали только стационарное лечение, $32,3$ % – только амбулаторное, $5,4$ % – амбулаторное и стационарное.

Результаты и обсуждение

Результаты тестирования по определению психосоматического статуса, проведенного женщинам репродуктивного возраста, больным активным туберкулезом органов дыхания, показали следующее.

Параметры психоэмоционального состояния, факторы (аспекты) личности и показатели личностного профиля анализируемой группы больных были сопоставимы с аналогичными параметрами здоровых лиц контрольной группы.

Все параметры психоэмоционального состояния анализируемой группы больных были значительно снижены. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Показатели психоэмоционального состояния женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, и здоровых женщин (на основании теста САН – самочувствие, активность, настроение), баллы ($M \pm m$)

Шкала	осн. гр. $n = 93$	контр. гр. $n = 82$	p
Самочувствие	$3,67 \pm 0,05$	$5,71 \pm 0,06$	$< 0,0001^*$
Активность	$3,73 \pm 0,05$	$5,52 \pm 0,05$	$< 0,0001^*6$
Настроение	$3,82 \pm 0,06$	$5,76 \pm 0,06$	$< 0,0001^*6$
Интегральный показатель психоэмоционального состояния	$3,74 \pm 0,03$	$5,66 \pm 0,04$	$< 0,0001^*$

Примечание: * – различия статистически значимы ($p < 0,05$).

Так, оценка самочувствия в основной группе на 54,1 % ниже, чем в группе сравнения ($p < 0,001$), и свидетельствует о том, что у женщин, больных туберкулезом органов дыхания, работоспособность и выносливость ограничены состоянием здоровья; активность – на 48,6 % ниже, чем в группе сравнения ($p < 0,001$), и свидетельствует о том, что подвижность, деятельность, увлеченность, внимательность, желание работать в основной группе женщин значительно ограничены физическим состоянием здоровья, обусловленным основным заболеванием; настроение – на 52,6 % ниже, чем в группе сравнения ($p = 0,001$), и свидетельствует о том, что жизнерадостность, спокойствие, оптимистичность у женщин, больных туберкулезом органов дыхания, снижены.

Интегральный показатель психоэмоционального состояния женщин основной группы на 54,1 % ниже, чем в группе сравнения, что свидетельствует о неудовлетворительном самочувствии, низкой активности и плохом настроении, обусловленными заболеванием туберкулезом органов дыхания.

При сравнении значений шкал между собой в основной группе наиболее низко оценено самочувствие (3,67 балла), в группе сравнения – активность (5,52 балла). Кроме этого, следует отметить, что у женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, в процессе динамического наблюдения и проведения длительной противотуберкулезной химиотерапии нарастает усталость, о чем свидетельствуют наиболее низкие показатели самочувствия и активности по сравнению с настроением.

Факторы (аспекты) личности основной группы женщин были снижены умеренно (таблица 2).

Таблица 2.

Оценка личностных особенностей женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, и здоровых женщин (на основании методики «Самооценка личности» по О. И. Моткову), баллы ($M \pm m$)

Факторы (аспекты) личности	осн. гр. $n = 93$	контр. гр. $n = 82$	p
Нравственность	3,38 ± 0,05	3,84 ± 0,05	< 0,0001*
Воля	2,96 ± 0,05	3,41 ± 0,05	< 0,0001*
Самостоятельность и чувство реальности	3,04 ± 0,05	3,64 ± 0,05	< 0,0001*
Креативность	2,87 ± 0,05	3,32 ± 0,05	< 0,0001*
Гармоничность	2,95 ± 0,05	3,37 ± 0,05	< 0,00016
Экстраверсия	2,95 ± 0,05	3,52 ± 0,05	< 0,0001*
Общая самооценка позитивных аспектов личности (интегральный показатель личностных особенностей)	3,01 ± 0,02	3,50 ± 0,02	< 0,0001*

Примечание: * – различия статистически значимы ($p < 0,05$).

Так, оценка нравственности у женщин, больных туберкулезом органов дыхания, на 12,9 % ниже, чем у здоровых женщин ($p < 0,001$), что свидетельствует о том, что для женщин основной группы воспитанность (уважение к людям), доброжелательность, искренность, правдивость, отзывчивость (сочувствие, помощь другому) характерны в меньшей степени; воля – на 13,7 % ниже, чем в группе сравнения ($p < 0,001$), что свидетельствует о том, что жизнестойкость, настойчивость, сдержанность, собранность (неотвлекаемость) присущи им в меньшей степени; самостоятельность – на 21,3 % ниже, чем у здоровых женщин ($p < 0,001$), что указывает на более низкий уровень разумности (учета реальной ситуации), самокритичности (способности видеть у себя и плюсы, и минусы), самостоятельности (чаще – опора на себя), независимости суждений у женщин, больных туберкулезом; креативность – на 14,5 % ниже, чем в группе здоровых женщин ($p < 0,001$), что указывает на более низкую выраженность инициативности (выдвижения идей), увлеченности чем-то интересным, чувства красоты, творческой (оригинальности) в группе больных туберкулезом органов дыхания женщин; гармоничность – на 12,3 % ниже, чем у здоровых женщин ($p < 0,001$), что указывает на преобладание в основной группе женщин репродуктивного возраста неоплакивающего, неуравновешенного, негармоничного характера с отсутствием чувства меры в желаниях, поведении; экстраверсия – на 17,3 % ниже, чем в основной группе ($p < 0,001$), что указывает на более низкую выраженность активности, общительности, оптимизма, жизнерадостности (веры в лучшее), уверенности в основной группе женщин.

При сравнении значений факторов между собой в обеих группах наиболее низко оценена креативность (2,87 балла – в основной группе; 3,32 балла – в группе сравнения), наиболее высоко оценена в обеих группах нравственность (3,38 и 3,84 балла соответственно).

Уровни выраженности интегрального показателя общей самооценки позитивных аспектов личности в обеих группах находились на среднем уровне, что свидетельствует об адекватности самооценки анкетированных, но следует отметить, что в группе женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, значения показателя соответствуют нижней границе среднего уровня (3,0 балла) и являются пограничными с низким уровнем самооценки.

Показатели личностного профиля женщин основной группы также были снижены умеренно (рисунок 1). В обеих исследуемых группах женщин получены характеристики, не выходящие за пределы 8,0 баллов, что свидетельствует об их адаптивном поведении и гармоничности личности.

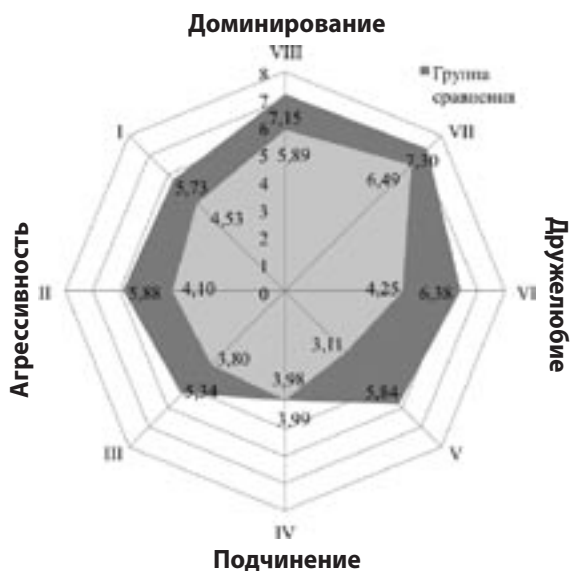

Рисунок 1. Психограмма женщин репродуктивного возраста, баллы

	Основная группа	Группа сравнения
<i>I (Авторитарный)</i>	4,53	5,73
<i>II (Эгоистичный)</i>	4,10	5,88
<i>III (Агрессивный)</i>	3,80	5,34
<i>IV (Подозрительный)</i>	3,98	3,99
<i>V (Подчиняемый)</i>	3,11	5,84
<i>VI (Зависимый)</i>	4,25	6,38
<i>VII (Дружелюбный)</i>	6,49	7,30
<i>VIII (Альтруистический)</i>	5,89	7,15

Параметр «дружелюбие» оценен наиболее высоко в обеих анализируемых группах женщин, и получены положительные значения результатов (основная группа – 4,14 балла, группа сравнения – 4,52 балла), что является показателем стремления личности женщин к установлению дружелюбных отношений и сотрудничеству с окружающими людьми. Наиболее низко оценен в обеих группах женщин параметр «доминирование», получены положительные его значения (основная группа – 2,65 балла, группа сравнения – 1,75 балла), что свидетельствует о выраженном стремлении женщин к лидерству в общении, к доминированию. Следует отметить, что в группе женщин, больных туберкулезом органов дыхания, количественное

значение показателя выше, чем у здоровых женщин, что свидетельствует о большей степени выраженности этой характеристики.

В обеих исследуемых группах преобладают VII (основная группа – 6,49 балла, группа сравнения – 7,30 балла ($p = 0,048$)), VIII (основная группа – 5,89 балла, группа сравнения – 7,15 балла ($p = 0,012$)), VI (основная группа – 4,25 балла, группа сравнения – 6,38 балла ($p < 0,0001$)) октанты, которые отражают преобладание комфортных установок межличностного взаимодействия, конгруэнтность в контактах с окружающими людьми (VII, VIII октанты), неуверенность в себе, податливость мнению окружающих, склонность к компромиссам (VI октант), но количественные их результаты свидетельствуют о меньшей степени их выраженности в основной группе женщин.

В группе женщин, больных туберкулезом, наиболее низко оценен V октант (3,11 балла ($p < 0,0001$)), что свидетельствует о неудовлетворенности собой и заниженной самооценке. В группе здоровых женщин наиболее низко оценен IV октант (3,99 балла ($p = 0,985$)), который характеризует женщин, находящихся в ситуации затянувшегося конфликта.

Преобладающими типами межличностных отношений в обеих группах женщин являются «дружелюбный» (основная группа – 6,49 балла, группа сравнения – 7,30 балла ($p = 0,048$)), характеризующий человека упорного, настойчивого, но не обязательно лидера; «альтруистический» (основная группа – 5,89 балла, группа сравнения – 7,15 балла ($p = 0,012$)), характеризующий человека, ответственного по отношению к другим людям, деликатного, мягкого, доброго, бескорыстного, отзывчивого, проявляющего эмоциональное отношение к людям в сострадании, симпатии, заботе, ласке, умеющего подбодрить и успокоить окружающих; «зависимый» (основная группа – 4,25 балла, группа сравнения – 6,38 балла ($p < 0,0001$)), характеризующий комфортного, вежливого, мягкого, доверчивого человека, ожидающего помощи и советов, склонного к восхищению окружающими людьми. Следует отметить, что количественные результаты типов межличностного взаимодействия у женщин основной группы ниже, чем в группе сравнения, что свидетельствует о меньшей степени их выраженности.

Таким образом, определяющими направлениями, по которым самостоятельно движется личность женщин репродуктивного возраста, больных туберкулезом органов дыхания, в целях самосовершенствования, учитываемая степень осознания имеющихся проблем, наличия внутриличностных ресурсов, являются: стремление к сотрудничеству с группой людей, дружелюбие, готовность помогать и сочувствовать окружающим, потребность в помощи и доверии со стороны близкого окружения.

Заключение

На основании анализа результатов тестирования, проведенного женщинам репродуктивного возраста, больным активным туберкулезом органов дыхания, выявлены следующие особенности их психосоматического статуса:

1. Заболевание туберкулезом органов дыхания данной категории пациенток оказывает значительное негативное влияние на их психоэмоциональное состояние, вызывая неудовлетворительное самочувствие, низкую активность, плохое настроение. Наибольшее негативное влияние туберкулез оказывает на самочувствие. В процессе длительного лечения у женщин нарастает усталость.

2. Общая самооценка личности исследуемой группы женщин находится на среднем уровне, что свидетельствует о ее адекватности, но значение показателя является пограничным с низким уровнем самооценки. Личностными особенностями женщин являлись наличие непокладистого, неуравновешенного, негармоничного характера с отсутствием чувства меры в желаниях и поведении. Наименее им присущи – доброжелательность, искренность, правдивость, отзывчивость, самостоятельность, общительность, оптимизм, уверенность, жизнестойкость, креативность (оценена наиболее низко).

3. Основными социальными ориентациями личности женщин, больных туберкулезом органов дыхания, являются, с одной стороны, дружелюбные и альтруистические отношения с окружающими людьми, с другой стороны – неуверенность и неудовлетворенность собой, заниженная самооценка, податливость к мнению окружающих, ожидание их помощи и советов.

Таким образом, результаты проведенного тестирования показали необходимость в разработке мероприятий по организации психологической помощи женщинам репродуктивного возраста, больным активным туберкулезом органов дыхания, и новых подходов в профилактике этого заболевания с опорой на установленные психологические факторы риска возникновения туберкулезного процесса и его рецидивов.

Литература

1. *Алексеева Л. П., Розанова Ю. К., Петровская М. В., Мартынова М. В.* Изучение нарушений личности и эмоционально-волевой сферы у лиц БОМЖ, больных туберкулезом // Туберкулез и болезни легких. – 2007. – № 11. – С. 6–10.
2. *Бююль А., Цёфель П.* SPSS: искусство обработки информации. Platinum Edition. Пер. с нем. – СПб.: ДиаСофтЮП, 2005. – 608 с.
3. *Волчегорский И. А., Новоселов П. Н., Астахова Т. В.* Нарушения эмоциональной сферы у больных инфильтративным туберкулезом легких // Туберкулез и болезни легких. – 2007. – № 11. – С. 3–6.

4. Волчегорский И. А., Новоселов П. Н., Дударова Т. П. Особенности аффективного статуса больных инфильтративным туберкулезом легких с множественной лекарственной устойчивостью *M. tuberculosis* // Туберкулез и болезни легких. – 2013. – № 5. – С. 56–60.
5. Зарбуев А. Н. Нервно-психическое состояние у заключенных, больных туберкулезом, в разных учреждениях пенитенциарной системы // Проблемы туберкулеза и болезней легких. – 2007. – № 12. – С. 30–34.
6. Золотова Н. В., Сиресина Н. Н., Стрельцов В. В. Исследование распространенности форм агрессии у больных впервые выявленным туберкулезом легких // Туберкулез и болезни легких. – 2007. – № 9. – С. 16–19.
7. Золотова Н. В., Ахтямова А. А. Оценка личностных особенностей больных туберкулезом органов дыхания подростков с учетом рентгенологических особенностей заболевания // Туберкулез и болезни легких. – 2014. – № 8. – С. 38–40.
8. Золотова Н. В., Ахтямова А. А., Стрельцов В. В., Баранова Г. В. Психологические факторы патогенеза туберкулеза органов дыхания у детей и подростков // Туберкулез и болезни легких. – 2013. – № 4. – С. 25–32.
9. Кулаков С. А. Основы психосоматики. – СПб.: Речь, 2005. – 228 с.
10. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. – Москва: Медицина, 2005. – 101 с.
11. Мордык А. В., Подкопаева Т. Г., Герасимов П. Н., Поркулевич Н. И. Формирование подходов к созданию программ психологической реабилитации детей в очагах туберкулезной инфекции // Туберкулез и болезни легких. – 2014. – № 8. – С. 71–72.
12. Попкова Г. Г., Силантьева В. А. Арт-терапия в психологической реабилитации детей, больных туберкулезом // Туберкулез и болезни легких. – 2014. – № 8. – С. 88–89.
13. Сиресина Н. Н., Стрельцов В. В., Столбун Ю. В., Сельцовский П. П. Психосоматическая характеристика больных туберкулезом легких // Туберкулез и болезни легких. – 2007. – № 10. – С. 47–51.
14. Стрельцов В. В., Баранова Г. В., Сиресина Н. Н., Столбун Ю. В., Васильева И. А. Возможности оптимизации психологического состояния больных туберкулезом легких в процессе индивидуальной психологической коррекции // Туберкулез и болезни легких. – 2012. – № 3. – С. 31–37.
15. Стрельцов В. В., Золотова Н. В., Баранова Г. В., Ахтямова А. А., Харитонова Н. Ю., Васильева И. А. Особенности оказания психологической помощи больным туберкулезом легких в фазе интенсивной химиотерапии (в условиях стационара) // Туберкулез и болезни легких. – 2014. – № 2. – С. 22–27.

16. Сухова Е. В. Необходимость психологической коррекции у больных туберкулезом легких // Проблемы туберкулеза и болезней легких. – 2004. – № 10. – С. 34–36.
17. Сухова Е. В. Степень удовлетворения личностных потребностей у больных туберкулезом легких // Проблемы туберкулеза и болезней легких. – 2005. – № 1. – С. 47–50.
18. Сухова Е. В., Сухов В. М., Корнев А. В. Особенности отношения к болезни больных туберкулезом легких // Туберкулез и болезней легких. – 2006. – № 5. – С. 20–23.
19. Janmeja A. K., Das S. K., Bhargava R., Chavan B. S. Psychotherapy improves compliance with tuberculosis treatment // *Respiration*. – 2005. – Vol. 72. – no. 4. – pp. 375–380.
20. Paul W., Andrev S. J., Anderson T. Jr. The bright side of being blue: Depression as an adaptation for analyzing complex problems // *Psychol. Rev.* – 2009. – Vol. 116. – no. 3. – pp. 620–654.
21. Rubin R. R., Knowler W. C., Ma Y. et. al. Depression symptoms and antidepressant medicine use in Diabetes Prevention Program partic-I pants // *Diabetes Care*. – 2005. – Vol. 28. – no. 4. – pp. 830–837.
22. Sweetlend A., Acha J., Guerra D. Enhancing adherence: the role of group psychotherapy in the treatment of multidrug-resistant tuberculosis in urban Peru / Cohen A., Keeinman A., Saraceno B. E., eds. *The world mental health casebook: social and mental health programs in low-income countries*. – New York: Kluwer Academic, 2002. – pp. 51–79.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

**ОСОБЕННОСТИ САОМОТНОШЕНИЯ
И САОМОЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК
ПРЕДИКТОРЫ ЕЕ ОБРАЗОВ ВРАГА****Альперович Валерия Дмитриевна**

Альперович Валерия Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, старший научный сотрудник Центра исследований проблем национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи, тема (№ 213.01-07-2014-15 ПЧБ) (проектная часть внутреннего гранта ЮФУ)

**Статья ретрагирована
article retracted**

04.10.2018

В статье затронута проблема влияния самоотношения личности на ее представления о враждебном человеке. Проблемой для дальнейшего стало влияние самоотношения и самооэффективности на особенности представлений личности о Враге. Цель данного исследования заключалась в выявлении различий представлений о Враге в связи с особенностями самоотношения личности и выраженностью ее самооэффективности. Предмет исследования составили социально-психологические характеристики представлений личности о Враге, особенности ее самоотношения, уровень выраженности ее самооэффективности. Применены качественные и количественные методы (тестирование, субъективное шкалирование, категориальный, частотный, кластерный анализ). Показано, что респонденты, воспринимающие Врага в качестве агрессора, манипулятора, носителя отрицательных качеств, обнаруживают низкие уровни выраженности самоуважения, ожидания положительного отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса и обладают, в основном, низким уровнем выраженности самооэффективности; респонденты, воспринимающие Врага в качестве когнитивно и ценностно чуждого им субъекта, недоброжелательно относящегося к ним, обнаруживают высокие уровни выраженности самоуважения, ожидания положительного отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса и обладают, в основном, высоким уровнем выраженности самооэффективности. Данные свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что социально-психологические характеристики представлений личности о Враге могут различаться в зависимости от особенностей ее самоотношения и уровня выраженности ее самооэффективности. Выводы по результатам исследования могут быть использованы в социально-психологическом

консультировании, при разработке программ тренингов толерантности в антитеррористической деятельности, решения конфликтов в разных сферах взаимодействия.

Ключевые слова: *представления, Враг, самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, отношение других, самоинтерес, самоэффективность.*

Актуальность изучения феноменов «Враг» и «Друг» в течение многих десятилетий обусловлена макроэкономическими трансформациями в разных странах, в т. ч. в современной России, усилением социальной нестабильности, обострением межэтнических и межкультурных конфликтов, плас

**Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018**

асе связанными факторами: столкновением интересов, усилением террористических угроз и обеспечения национальной безопасности как одного из приоритетных направлений государственной политики в России, переделом экономических ресурсов с производящими сменой места работы, уменьшением материального благосостояния. В последние десятилетия данные процессы в разных странах предопределили постановку в гуманитарных науках, в т. ч. психологии, проблемы взаимодетерминации собственной и другого познания. Другого в различных ипостасях: Друга/Врага, «своего»/«чужого», – конструирования его образа и развивающейся системы отношений человека с миром и другими людьми. В связи с тем, что в постиндустриальном обществе Я человека становится «протеевским» (Р. Дж. Лифтон) (текучим, неопределенным), увеличивается количество исследований, посвященных созданию и динамике образов Я, самоотношению. Самоотношение выступает необходимым звеном в саморегуляции личности, самоконтроле ее поведения, приобретающих особую значимость для нее в стрессогенных условиях социальной нестабильности. Самоотношение, по мнению ученых (Р. Бернс, И. С. Кон, С. Р. Пантеев, В. В. Столин, И. И. Чеснокова) [12, 14], формируется под влиянием Других людей и их оценок, связано с образом Я личности, влияет на такие социально-психологические характеристики и феномены, как копинг-стратегии, социально-психологический статус, мотивация достижения успеха. Конструирование образов Другого человека опосредствовано системой социальных категорий разной степени обобщенности («добро/зло», «Мы/Они», «успех/неуспех» и пр.), необходимых для процессов самоопределения личности. Последнее неотделимо от формирования и динамики самоотношения личности и, в свою очередь, в частности в контексте выбора профессионального пути и регуляции социальной жизнедеятельности в целом, от такого феномена, как «самоэффективность личности».

Социальными психологами отмечено, что в качестве субъекта межличностных отношений (Л. Гудков, Г. И. Козырев, В. Н. Мясичев) [4, 7] и субъек-

тов представлений (В. В. Знаков, Н. В. Чудова) [6, 16] Враг выступает членом иной группы с чуждыми убеждениями, отрицательными нравственными качествами, агрессивным, завистливым соперником, способным обмануть, предать, с непредсказуемым поведением. Враждебное отношение актуализируется во взаимодействии с другим человеком, воспринимаемым в качестве «чужого» (Ю. Э. Ширков, Т. А. Шкурко) [17, 18], «террориста» (Е. Д. Бреус, В. В. Знаков) [1, 6]. Авторами выявлены макрофакторы (общественная идеология, социально-экономическая ситуация в стране, влияние СМИ) (Т. П. Емельянова, W. Doise, J.-M. Seca) [5, 19, 20] и микрофакторы: система социальных идентичностей личности, социальная ситуация развития, референциальные группы, социальные личностные представления о себе и жизненные пути (В. А. Лабунская, В. Н. Мясищев, Д. Н. Тулинова) [10, 15], влияние жизненных событий (В. Д. Алперович), обуславливающие содержание представлений о Враге, тактико-тактичные посредственные личности отношения к себе и с другими людьми, воплощенные в ней. Изучаются взаимосвязи отношения к противнику (Врагу) и самооценки (В. М. Голянич, С. С. Грачев). Выявлено содержание феномена «самоотношения» как одномерного образования: сумма частей «самоценности», «интерпретации группной самооценки» (Р. Бернс, У. Джеймс, Ч. Кули), «чувства» (симпатии к себе, самоуверенности, самопринятия) (С. Л. Рубинштейн), установки (Д. Н. Узнадзе), устойчивой личностной черты (С. Куперсмит, М. Розенберг), социальной установки (И. С. Кон, Н. И. Сарджвеладзе), – и сложноструктурированного психического образования (С. Р. Пантлеев, В. В. Столин), в целом позитивного, негативного или конфликтного. Проанализирована структура самоотношения: выделен когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты (Н. И. Сарджвеладзе), исследуется самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес (близость к самому себе), ожидаемое отношение других, внутренние действия в адрес самого себя или готовность к таким действиям (С. Р. Пантлеев, В. В. Столин). Выявлены функции самоотношения в социальной жизнедеятельности субъекта: функция сигнализации о смысле Я (В. В. Столин), функции сохранения внутренней стабильности, саморегуляции (А. М. Колышко, Н. И. Сарджвеладзе) [8]. Исследованы взаимосвязи самоотношения с другими личностными феноменами, прежде всего с образом Я (И. С. Кон, С. Р. Пантлеев, В. В. Столин, И. И. Чеснокова), в т. ч. в ситуациях успешности/неуспешности. Выявлено содержание феномена «самоэффективность» как представление человека о собственной возможности быть продуктивным, уверенность в успешной самореализации (А. Бандура, Р. Л. Кричевский, Дж. Маддукс, М. Шеер) [9], виды самоэффективности: в деятельности и общении (А. Бандура), деятельностный, коммуникативный и личностный (М. И. Гайдар) [2]. Изучаются взаимосвязи самоэффективности с другими личностными феноменами, социально-

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

психологическими свойствами (карьерными ориентациями, самооценкой профессиональной деятельности, выбором копинг-стратегий поведения в межличностном конфликте, эмпатичностью, интернальностью, самопринятием, организаторскими способностями, коммуникативными свойствами, толерантностью), с самоотношением (М. И. Гайдар, Т. О. Гордеева, Е. А. Митицына, А. А. Погорелов) [3, 11, 13], образом Я (Р. Л. Кричевский). Изучается роль самооффективности в регуляции социальной жизнедеятельности субъекта (М. И. Гайдар, С. Н. Гончар, Е. А. Митицына, А. Ю. Патрикеева). Несмотря на то, что социальными психологами показано влияние системы отношений личности на ее образы Других людей разных категорий (Друг/Враг «за»/«против»), т. е. самооценки, отношения к Другому/Врагу, рассмотрены феномены «самоотношение», «самооффективность» (как некоторое представление о себе, отношение к себе, самооценка), взаимосвязи представлений личности о враге, ее самоотношения и самооффективности на эмпирическом уровне являются недостаточно изученными.

Исходя из затронутых работ и многих других, мы рассматриваем представления о Враге как динамичные когнитивно-эмоциональные образования, социально-психологические характеристики, которые личностные свойства, функции в общении, характеристики отношений, интерпретации поступков, приписываемые Другому человеку в качестве Врага. Вслед за В. В. Столиным и С. Р. Пантилеевым мы понимаем самоотношение как сложное образование, включающее психологические феномены разного уровня – общее, глобальное чувство «за» или «против» самого себя и более специфические параметры: самоуважение, аутосимпатию, самоинтерес (близость к самому себе), ожидаемое положительное отношение других и внутренние действия в адрес самого себя (или готовность к таким действиям). Вслед за Т. О. Гордеевой и Р. Л. Кричевским мы понимаем самооффективность как комплекс личностных особенностей, воплощенный в чувстве собственной компетентности в разных сферах деятельности и общении, убежденности в своей способности контролировать собственную жизнь.

В этой связи проблемой нашего исследования стало влияние самоотношения и самооффективности на особенности представлений личности о Враге. Цель исследования заключалась в выявлении различий представлений о Враге в связи с самоотношением личности и выраженностью самооффективности. Предмет исследования составили социально-психологические характеристики представлений личности о Враге, особенности ее самоотношения, уровень выраженности ее самооффективности. Сформулированы следующие гипотезы исследования: 1. Особенности самоотношения личности и уровень выраженности ее самооффективности могут быть взаимосвязаны. 2. Социально-психологические

характеристики представлений личности о Враге могут различаться в зависимости от особенностей ее самооотношения и уровня выраженности ее самоэффективности. Нами применены следующие методы исследования: тестирование, субъективное шкалирование, частотный анализ, кластерный анализ, категориальный анализ. В данном исследовании нами использованы: 1) Модифицированная методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге» (В. Д. Альперович, 2010); 2) Тест-опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева; 3) Шкала общей самоэффективности Р. Шварцера, М. Ерусалема.

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

Методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге» В. Д. Альперович, 2010, разработанная с использованием «Незаконченные предложения», применялась с целью определения социально-психологических характеристик представлений респондентов о Враге. Данная методика включает незаконченные предложения, направленные на выявление социально-психологических характеристик, включенных респондентами в представление о Враге в настоящий период жизни и в прошлый период жизни. Методика позволяет выявлять элементы в структуре представлений о Враге наподобие «агрессивный», «обманывает»), называемые респондентами, объединяемые исследователем в группы, затем обобщаемые по категориям образа Врага, разработанным в соответствии с конструктами Врага, предложенными различными авторами, в т. ч. Д. Н. Тулиновой [15]. В качестве эмпирического объекта исследования выступили 50 человек: 5 юношей, 45 девушек в возрасте 21–23 лет (студенты 4 курса факультета психологии Южного федерального университета г. Ростова-на-Дону). В сборе и обработке данных эмпирического исследования участвовала студентка Ю. Н. Гринькова, под руководством В. Д. Альперович. Выбор эмпирического объекта обусловлен целью и предметом исследования, а также данными о специфических особенностях этапа юности, на котором происходит развитие рефлексии, формулирование жизненной стратегии, построение системы ценностей, наиболее обобщенных, но потенциально реализуемых жизненных планов.

На первом этапе исследования выявлены социально-психологические характеристики представлений респондентов о Враге. На втором этапе исследования определен уровень выраженности самоэффективности участников исследования с различными социально-психологическими характеристиками представлений о Враге. На третьем этапе исследования установлены особенности самооотношения участников исследования с различными социально-психологическими характеристиками представлений о Враге. Структурный анализ представлений респондентов о Враге был выполнен посредством частотного анализа групп элементов представлений,

позволяющего определить «ядерные» и «периферические» группы элементов представлений о Враге.

У 36 % респондентов наиболее насыщенной является группа элементов «Вредность, насильственность, агрессивность действий» (52–75 % ответов каждого респондента), которая входит в категорию «Активный участник конфликтной интеракции». Эта группа респондентов воспринимает Врага главным образом как агрессора. Среди данных респондентов 77,8 % обладают низким уровнем самоэффективности, 11,1 % респондентов – высоким уровнем самоэффективности, 11,1 % респондентов – средним уровнем самоэффективности. У 50 % респондентов данной группы не выражено самоуважение, у 7,3 % респондентов оно выражено, у 42,2 % респондентов ярко выражено самоуважение. У 83,3 % респондентов данной группы не выражена аутосимпатия, у 11,1 % респондентов она выражена. 5,6 % участников исследования имеют ярко выраженную аутосимпатию, у 2,2 % респондентов не выражено ожидание положительного отношения других к себе, у 27,8 % респондентов ожидание положительного отношения других к себе выражено. У 72,2 % респондентов не выражен самоинтерес, у 6,7 % участников исследования он ярко выражен, у 11,1 % респондентов выражен самоинтерес.

У 26 % респондентов наиболее насыщенной является группа элементов «Различие ценностей, идеалов, мнений, интересов» (42–68 % ответов каждого респондента), которая соответствует категории «Субъект ценностной конфронтации». Эта группа респондентов воспринимает Врага по большей части как когнитивно и ценностно чуждого им субъекта. 69,2 % респондентов данной группы обладают средним уровнем самоэффективности, 23,1 % респондентов – низким уровнем самоэффективности, 7,7 % респондентов – высоким уровнем самоэффективности. У 61,5 % респондентов данной группы ярко выражено самоуважение, у 38,5 % участников исследования выражено самоуважение. У 61,5 % респондентов выражена аутосимпатия, у 30,8 % респондентов она ярко выражена, у 7,7 % участников исследования аутосимпатия не выражена. 76,9 % респондентов обнаруживают выраженное ожидание положительного отношения других к себе, 15,4 % респондентов – ярко выраженное ожидание положительного отношения других к себе. У 7,7 % участников исследования ожидание положительного отношения других к себе не выражено. 53,8 % респондентов имеют выраженный самоинтерес, у 38,5 % респондентов он ярко выражен, у 7,7 % участников исследования самоинтерес не выражен.

У 18 % респондентов наиболее насыщенной является группа элементов «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (38–54 % ответов каждого респондента), которой соответствует категория «Субъект враждебных отношений». Эта группа респондентов воспринимает Врага главным образом как человека, недоброжелательно относящегося к ним, к которому они так

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

же относятся. 77,8 % респондентов данной группы обнаруживают средний уровень самооффективности, 22,2 % участников исследования обладают низким уровнем самооффективности. У 44,4 % респондентов выражено самоуважение, у 33,3 % участников исследования оно ярко выражено, у 22,2 % респондентов не выражено самоуважение. У 44,4 % респондентов ярко выражена аутосимпатия, у 33,3 % респондентов она не выражена, у 22,2 % респондентов выражена аутосимпатия. У 88,9 % респондентов выражено ожидание положительного отношения других к себе, у 11,1 % респондентов ожидание положительного отношения других к себе выражено ярко. У 44,4 % участников исследования выражено яркий выраженный самоинтерес, у 33,3 % респондентов оно выражено, у 22,2 % респондентов не выражен самоинтерес.

У 12 % респондентов наиболее насыщенной является группа элементов «Предательство» (33–44 % ответов каждого респондента), которой соответствует категория «Субъект манипуляции». Эта группа респондентов воспринимает Врага главным образом как манипулятора, обманщика. 83,3 % респондентов данной группы обладают низким уровнем выраженности самооффективности, 16,7 % респондентов – средним уровнем выраженности самооффективности. У 83,3 % респондентов не выражено самоуважение, у 16,7 % участников исследования оно выражено ярко. У 100 % респондентов не выражена аутосимпатия. У 50 % респондентов ожидание положительного отношения других к себе не выражено, у 50 % участников исследования выражено ожидание положительного отношения других к себе. У 50 % респондентов самоинтерес не выражен, 50 % участников исследования имеют ярко выраженный самоинтерес.

У 8 % респондентов наиболее насыщенной является группа элементов «Социально неодобряемые качества Врага» (45–52 % ответов каждого респондента), соответствующая категории «Неприятный человек». Данная группа респондентов воспринимает Врага по большей части как носителя отрицательных личностных качеств. 100 % респондентов этой группы обладают низким уровнем самооффективности, у них не выражено самоуважение. У 100 % респондентов не выражена аутосимпатия. У 75 % респондентов не выражено ожидание положительного отношения других к себе. 25 % участников исследования обнаруживают выраженное ожидание положительного отношения других к себе. У 75 % респондентов не выражен самоинтерес, у 25 % участников исследования самоинтерес ярко выражен.

Результаты кластерного анализа респондентов, различающихся преобладающими группами элементов представлений о Враге, выраженностью самоуважения, ожидания положительного отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса, самооффективности, говорят о возможности

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

разделения участников исследования на подгруппы, различающиеся совокупностями особенностей представлений о Враге, самооотношения и самоэффективности.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. В рамках данной выборки обнаружены взаимосвязи между особенностями самооотношения личности и уровнем выраженности ее самоэффективности. Субъекты, демонстрирующие высокие уровни выраженности самоуважения, ожидания положительного отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса, обладают в основном высоким уровнем выраженности самоэффективности. Субъекты, демонстрирующие низкие уровни выраженности самоуважения, ожидания положительного отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса, обладают в основном низким уровнем выраженности самоэффективности. Выявлены различия социально-психологических характеристик представлений личности о Враге и о себе и особенно о том, как ее самооотношения и выраженностью ее самоэффективности. Субъекты, воспринимающие Врага в качестве агрессора, манипулятора, носителя отрицательных качеств, обнаруживают низкие уровни выраженности самоуважения, ожидания отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса и демонстрируют в основном низкий уровень выраженности самоэффективности. Субъекты, воспринимающие Врага в качестве когнитивно и ценностно чуждого им субъекта, недоброжелательно относящегося к ним, обнаруживают высокие уровни выраженности самоуважения, ожидания отношения других к себе, аутосимпатии и самоинтереса и демонстрируют в основном высокий уровень выраженности самоэффективности.

Результаты проведенного исследования говорят о том, что содержание представлений личности о Враге взаимосвязано с особенностями ее самооотношения и уровнем выраженности ее самоэффективности. Полученные данные подтверждают выводы различных авторов о влиянии системы отношений личности к себе и с другими людьми на особенности ее представлений о Другом человеке в разных категориях и свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы о том, что социально-психологические характеристики представлений личности о Враге могут различаться в зависимости от особенностей ее самооотношения и уровня выраженности ее самоэффективности. Тем не менее, для проверки общей и частной гипотез необходимо лонгитюдное исследование представлений о Враге, проведенное на большей выборке респондентов. Выводы по результатам исследования, основанные на полученных данных, могут быть использованы в социально-психологическом консультировании с целью коррекции отношений субъекта с окружающими людьми, при разработке программ тренингов толерантности, решения конфликтов в разных сферах взаимодействия.

Литература

1. Бреус Е. Д. Особенности представлений об экстремисте–террористе как трудном партнере общения у студенческой молодежи // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5. – С. 31–35.
2. Гайдар М. И. Личностная самооффективность студентов–психологов // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 75–77.
3. Гордеева Т. О., Шепелева Е. А. Тендерные различия в академической и социальной самооффективности и копинг-стратегиях у современных российских подростков // Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Сер. 14 Психология. – 2006. – № 3. – С. 78–85.
4. Козырев Г. И., Дельгадо Рита. «Враг» и «Образ врага» в культурно-социальной и социокультурной интеграции / Образ врага. – М.: Изд-во ОГИ, 2005. – С. 13–16.
5. Емельянов Т. И. Постструктурализм и культурные традиции в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 400 с.
6. Знаков В. В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов в России // Конгрессы психологии. – 2012. – № 2. – С. 23–35.
7. Козырев Г. И. «Враг» и «Образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 31–39.
8. Колышко А. М. Психология самоотношения. – Гродно: Изд-во ГрГУ, 2004. – 102 с.
9. Кричевский Р. Л. Самооффективность и акмеологический подход к исследованию личности // Акмеология. – 2001. – № 1. – С. 47–52.
10. Лабунская В. А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. – 2013. – № 3. – С. 52–64.
11. Митицина Е. А., Иванова Н. В. Карьерные ориентации специалистов с высоким уровнем самооффективности в профессиональной деятельности // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2008. – № 5. – С. 121–125.
12. Пантилеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 108 с.
13. Погорелов А. А. Самооффективность как предиктор эффективного и безопасного поведения личности // Известия Южного федерального университета. – 2012. – Т. 129. – № 4. – С. 140–145.
14. Столин В. В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 286 с.
15. Тулинова Д. Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2005. – 288 с.

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

16. Чудова Н. В. Влияние личностных характеристик субъекта на его представления об идеальном партнере по общению // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 28–37.
17. Ширков Ю. Э. Стратегии самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих»: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 29 с.
18. Шкурко Т. А. Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. – 2013. – № 4. – С. 81–94.
19. Deise W. Représentations sociales dans l'identité personnelle / La construction sociale de la personne. – Grenoble: Éditions L'Économica, 1999. – pp. 201–213.
20. Seca J.-M. Les représentations sociales. – Paris: Armand Colin, 2001. – 192 p.

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

УДК 159.9.072.43

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ К ДРУГИМ ЛЮДЯМ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ, ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ПО ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫМ ПАРАМЕТРАМ ПРОЖИВАНИЯ В ГОРОДЕ

**Шкурко Татьяна Алексеевна
Балакина Анна Андреевна**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке ЮФУ
(грант «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи», тема № 213.01–07-2014/15ПЧВГ (проектная часть внутреннего гранта ЮФУ))*

В статье систематизированы территориально-пространственно-временные факторы, влияющие на формирование отношений к другим людям, определено их дифференцированное влияние на выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов. В качестве детерминант особенностей отношений к другим людям в исследовании рассматриваются: место рождения (город проживания/другой город); район проживания (центр/периферия); тип проживания (частный дом, коттедж/многоквартирный дом); высота (этаж) проживания; длительность проживания в городе; наличие и количество переездов; тип переезда (своя область/свой регион/другой регион/другая страна); цель переезда. Эмпирическим объектом исследования выступили жители малого (Крымск) и большого (Ростов-на-Дону) городов Юга России, а также жители мегаполиса (Москва). В работе показано, что влияние территориально-пространственно-временных факторов на систему отношений к другим людям жителя города опосредовано типом города. Наибольшее влияние оказывают такие факторы, как: «место рождения», «тип проживания», «наличие/отсутствие переезда», «тип переезда», «длительность проживания». В работе продемонстрировано, что территориально-пространственно-временные факторы обуславливают в первую очередь отношения к другим людям жителей мегаполиса и большого города, и в меньшей степени влияют на отношения к другим людям жителей малого города.

Результаты и выводы исследования могут быть использованы при анализе, объяснении, прогнозировании общественных явлений на уровне городов различного типа (протестное движение, участие в митингах,

миграция населения); при организации мероприятий и акций в городской среде; при планировании и реализации предвыборных кампаний для разных целевых групп.

Ключевые слова: отношение, отношение к другим, виды отношений, факторы отношений, территориальные факторы, социально-психологические потребности, город, тип города, житель города, психология среды.

В психологии выделяют четыре группы факторов, опосредующих возникновение и динамику отношений личности (к себе, к другому, к миру) [22], которые относятся либо к «внутренней», либо к «внешней» детерминации. В последнее время исследователи рассматривают в качестве еще одного «внешнего» фактора формирования отношений субъекта территориально-пространственную организацию окружающей его среды [9, 12, 14, 15, 17, 20]. В ряде публикаций мы обращались к анализу влияния на отношения человека с другими людьми типа города (мегаполис/большой город/малый город) [2, 23, 24]. Данная статья посвящена доказательству гипотезы о том, что выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям жителей городов разного типа может быть обусловлена территориально-пространственно-временными параметрами проживания в городе. В современных исследованиях нами обнаружена зависимость отдельных видов отношений к другим людям от определенных территориально-пространственно-временных параметров проживания жителей города, при этом в социальной психологии отсутствует их комплексное изучение в качестве детерминант особенностей отношений к другим. Наиболее изучены, начиная с известных работ Э. Т. Холла [21], границы и зонирование городского пространства [1, 3, 4, 5, 7, 11, 15, 19]. Большое количество работ посвящено анализу таких параметров пространственного зонирования, как «центр/периферия». Центральная часть города характеризуется высокой концентрацией людей на относительно ограниченной территории. Многофункциональность центральной части города вызывает большой приток дневных и вечерних посетителей, создает условия для тесной пространственной близости жителей города, относящихся к различным социальным группам; содействует их взаимному контакту и общению; способствует автоматическому включению жителя центра города в ситуации наблюдения разнообразных повседневных интеракций других людей [8, 9, 17, 20, 26]. Ряд работ посвящен типу проживания городского жителя, который вносит свои характерные особенности в процесс социализации, в систему отношений с внешним миром и окружающими людьми [18, 19, 20, 25]. Исследователи обращаются также к пространственно-временным характеристикам проживания

в городе – таким, как длительность проживания в городе, наличие/отсутствие переезда [6, 12, 17].

Проведенный нами анализ показал, что территориально-пространственно-временные параметры проживания в городе оказывают существенное влияние на особенности отношений к другим жителям городов разного типа и выполняют ряд функций, среди которых центральное место занимают социально-психологические: коммуникативная, интегративная, социализирующая, информационно-обучающая, стратификационная, развивающая, функция удовлетворения социальных потребностей личности. Территориально-пространственно-временные параметры проживания в городе обуславливают форму и частоту социальных контактов жителей города в условиях повседневного взаимодействия, способствуют формированию территориальной идентичности, детерминируют процессы самовосприятия, самопрезентации и восприятия, оценки, категоризации другого человека, влияют на формирование типов и параметров отношений к другим людям.

В результате систематизации территориально-пространственно-временных факторов, влияющих на формирование отношений к другим людям, мы выделили следующие территориально-пространственные параметры проживания в городе: 1) место рождения (город проживания/другой город); 2) район проживания (центр/периферия); 3) тип проживания (изолированно от других (частный дом, коттедж)/вместе с другими (многоквартирный дом)); 4) высота (этаж) проживания. В качестве пространственно-временных параметров, образующих некий «пространственно-временной путь» личности, под которым мы понимаем систему пространственно-временных передвижений жителя города и специфику выбора им города проживания, нами рассматривались следующие характеристики: 1) длительность проживания в городе; 2) наличие и количество переездов; 3) тип переезда (своя область/свой регион/другой регион/другая страна); 4) цель переезда. В нашем исследовании мы обращаемся к предложенным В. А. Лабунской в концепции субъекта затрудненного общения базовым модальностям отношений человека к другим людям: доброжелательность, принятие, доверие, враждебность, манипулятивное отношение [10].

Методический инструментарий исследования составили следующие методы: 1. Авторская анкета «Территориально-пространственный путь личности», с помощью которой нами определялись территориально-пространственно-временные параметры, по которым производилась дифференциация жителей города. 2. Опросник межличностных отношений В. Шутца, адаптированный А. А. Рукавишниковым [16], позволяющий диагностировать выраженность социально-психологических потребностей жителя города (во включении,

в контроле, в любви на уровнях выраженного и требуемого от других поведения). 3. Блок методик, адаптированных Ю. А. Менджеричкой [10], диагностирующих интенсивность отношений жителей города к другим людям базовых модальностей: 1) «Шкала принятия других» Фейя; 2) «Шкала доброжелательности» Кэмпбелла; 3) «Шкала доверия» Розенберга; 4) «Шкала враждебности» Кука-Медлей (субшкалы «враждебность», «агрессия», «цинизм»); 5) «Шкала манипулятивного отношения» Банта. 4. Цветовой тест отношений А. М. Эткинды [13], использованный с целью диагностики следующих видов эмоциональных, частично неосознаваемых жителями городов отношений: отношения к обобщенному другому (категория «другой человек»); отношения к обобщенным другим, дифференцированным по признаку «свой/чужой» (категории «житель своего города», «житель чужого города», «коренные жители», «приезжие»); отношения к обобщенным другим, дифференцированным по критерию «близкий/далекий» (категории «семья», «родственники», «друзья», «соседи», «коллеги»); отношения к конкретным другим (категории «мать», «отец»). 5. Опросник диагностики основных типов межличностных отношений Тимоти Лири [13].

Эмпирическим объектом исследования выступили: жители Крымска (100 человек), жители Ростова-на-Дону (100 человек) и жители Москвы (120 человек) в возрасте от 21 до 37 лет. Всего в исследовании приняли участие 320 человек. К полученным данным были применены множественный и линейный регрессионные виды анализа, с помощью которых каждый из изученных показателей (выраженность социально-психологических потребностей, параметры и типы отношений к другим людям) проверялся на наличие и тип связи с группой выделенных территориально-пространственно-временных параметров. Регрессионный анализ был проведен отдельно по выборкам жителей мегаполиса, большого (Ростов-на-Дону) и малого (Крымск) городов, чтобы выявить специфику влияния выделенных параметров в зависимости от типа города (табл. 1).

Анализ взаимосвязей, полученных на выборке жителей мегаполиса, позволяет заключить, что среди жителей мегаполиса, чьим местом рождения не является Москва, выявлен достаточно высокий уровень потребности в контроле на уровне требуемого от других поведения (потребности в зависимости) ($p = 0,027$), а также покорно-застенчивого ($r = 0,229$, $p = 0,014$) и зависимо-послушного ($r = 0,272$, $p = 0,004$) типов отношений к другим людям. Среди жителей мегаполиса, проживающих в центральной части города, в большей степени выражены доброжелательность, потребности во включении ($r = 0,206$, $p = 0,035$) и в любви ($r = 0,207$, $p = 0,035$) на уровне выраженного поведения, а также обнаружен более высокий уровень интенсивности эмоционального отношения к жителю «своего» города ($r = 0,202$,

Таблица 1.
Регрессионные взаимосвязи территориально-пространственно-временных параметров проживания в городе с выраженностью социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов

Влияющий фактор	Социально-психологические потребности, параметры и типы отношений к другим людям	
	Москва	Ростов-на-Дону
Место рождения	Выраженность потребности в контроле со стороны других; манипулятивного отношения; покорно-застенчивого, зависимо-послушного, сотрудничающе-конвенционального типов отношений; отношения к папе, семье	Выраженность потребности в любви; агрессивного, прямолинейного, зависимо-послушного типов отношений; отношения к друзьям
Район	Выраженность потребности во включении; доброжелательности; отношения к жителю «своего» города	Выраженность отношения к жителю «своего» города, к жителю «чужого» города
Тип проживания		Выраженность властно-лидирующего типа отношений; отношения к жителю «своего» города, к жителю «чужого» города
Этаж	Выраженность агрессии	Выраженность эмоционального отношения к другим, к приезжим
Наличие/отсутствии переезда	Выраженность потребности во включении; эмоционального отношения к жителю «своего» города, к семье	Выраженность покорно-застенчивого типа отношения
Тип переезда	Выраженность потребности в зависимости; манипулятивного отношения, враждебности, доброжелательности; отношения к жителю «своего» города	Выраженность потребности в любви и быть любимым, зависимости; манипулятивного отношения; независимо-доминирующего, покорно-застенчивого типов отношений
Количество переездов	Выраженность потребностей во включении; в зависимости; враждебности, доверия; отношения к семье	Выраженность отношения к семье
Длительность проживания	Выраженность потребностей во включении и быть любимым; враждебности	Выраженность манипуляции, отношения к друзьям

$p = 0,032$), чем среди жителей периферийных частей городского пространства. Повышение высоты проживания (параметр «этаж проживания») взаимосвязано с увеличением уровня агрессии ($r = 0,299$, $p = 0,039$). Жители мегаполиса, пространственно-временная биография которых включает переезд, отличаются более высоким уровнем выраженности социально-психологических потребностей во включении ($r = 0,235$, $p = 0,015$) и контроле со стороны других ($r = 0,221$, $p = 0,022$), интенсивностью эмоционального отношения к жителям «своего» города ($r = 0,182$, $p = 0,037$), сниженной интенсивностью эмоционального отношения к семье ($r = 0,214$, $p = 0,020$), в то время как отсутствие переезда обуславливает более высокий уровень доброжелательности к другим ($r = 0,259$, $p = 0,043$). Жители Москвы, переехавшие в мегаполис из другого региона (параметр «тип переезда»), характеризуются высокой выраженностью потребности в контроле со стороны других ($r = 0,213$, $p = 0,028$) и манипулятивного отношения к другим ($r = 0,241$, $p = 0,009$). Типы переездов в мегаполис из Центрального федерального округа и Московской области детерминируют соответственно невысокую выраженность доброжелательности ($r = 0,189$, $p = 0,041$) и враждебности по отношению к другим людям ($r = 0,229$, $p = 0,014$), а также более высокий уровень интенсивности отношения к жителю «своего» города ($r = 0,182$, $p = 0,049$). С увеличением количества переездов (параметр «количество переездов») увеличивается уровень выраженности потребностей во включении ($r = 0,203$, $p = 0,036$) и контроле со стороны других ($r = 0,221$, $p = 0,022$), при этом снижается уровень доверия ($r = 0,187$, $p = 0,044$) и враждебности по отношению к другим людям ($r = 0,193$, $p = 0,039$), а также интенсивность эмоционального отношения к семье ($r = 0,185$, $p = 0,046$). С увеличением времени проживания в мегаполисе (параметр «длительность проживания») снижается уровень выраженности социальных потребностей во включении и в любви со стороны других, интенсивность агрессивного отношения к другим людям.

Обратимся к анализу взаимосвязей, полученных на выборке жителей большого города. Участники исследования, родившиеся в Ростове-на-Дону, характеризуются более высоким уровнем выраженности агрессивного прямолинейного отношения к другим людям ($p = 0,040$); у жителей, рожденных не в городе проживания, преобладает зависимо-послушный тип межличностных отношений ($p = 0,042$), а также они испытывают меньшую потребность в установлении близких эмоциональных отношений с другими людьми ($r = 0,218$, $p = 0,041$) по сравнению с другими жителями. Жители Ростова-на-Дону, проживающие на периферии города, демонстрируют более высокий уровень интенсивности эмоционального отношения к жителю как «своего» ($r = 0,261$, $p = 0,014$), так и «чужого» городов ($r = 0,307$, $p = 0,05$). Была обнаружена взаимосвязь между параметром «этаж проживания» и более

высоким уровнем интенсивности неосознаваемого отношения к категориям «другие» ($r = 0,286$, $p = 0,005$) и «приезжие» ($r = 0,240$, $p = 0,080$). Параметр «наличие/отсутствие переезда» обуславливает более высокую выраженность покорно-застенчивого типа межличностных отношений среди тех жителей Ростова-на-Дону, биография которых включает переезд ($r = 0,243$, $p = 0,037$). Жители Ростова-на-Дону, переехавшие в него из города в другом регионе, демонстрируют более низкий уровень выраженности потребности в любви со стороны других людей ($r = 0,232$, $p = 0,030$), независимо-доминирующего типа межличностных отношений ($r = 0,213$, $p = 0,046$) и высокую интенсивность покорно-застенчивого типа отношения к другим людям ($r = 0,345$, $p = 0,001$). Жители, переехавшие в Ростов-на-Дону из другой страны, характеризуются высоким уровнем потребности в контроле со стороны других ($r = 0,216$, $p = 0,0443$), невысокой выраженностью потребности в любви ($r = 0,241$, $p = 0,023$), выраженной агрессией ($r = 0,222$, $p = 0,038$) и манипулятивным отношением к другим людям, а также более высоким уровнем интенсивности эмоционального отношения к «приезжим» ($r = 0,234$, $p = 0,022$).

Жители малого города, проживающие в частном доме, демонстрируют более высокий уровень выраженности властно-лидирующего типа отношений к другим людям, а также интенсивность отношения к жителю «чужого» города ($r = 0,228$, $p = 0,049$), чем жители многоквартирных жилых домов. Жители Крымска, проживающие в многоквартирных домах, демонстрируют более высокую интенсивность эмоционального отношения к жителю «своего» города ($r = 0,259$, $p = 0,012$). Фактор «тип переезда» (из города, расположенного в данном или другом регионе) обуславливает более низкий уровень интенсивности эмоционального отношения к жителю «чужого» города ($r = 0,034$, $p = 0,012$). У жителей Крымска, переехавших в этот город из другого региона, интенсивность эмоционального отношения к своей матери значительно выше по сравнению с другими жителями города ($r = 0,199$, $p = 0,047$). Обнаружено, что увеличение количества переездов взаимосвязано со снижением интенсивности эмоционального отношения к категории «мама».

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сделать ряд выводов: 1. Территориально-пространственно-временные факторы влияют на выраженность социально-психологических потребностей, параметров и типов отношений к другим людям жителя города. 2. Влияние территориально-пространственно-временных факторов на систему отношений к другим людям жителя города опосредовано типом города (мегаполис/большой город/малый город). 3. Наибольшее влияние оказывают такие территориально-пространственно-временные факторы, как: «место рождения», «тип проживания», «наличие/отсутствие переезда», «тип переезда», «длительность проживания». 4. Территориально-пространственно-временные факторы обуславливают

в первую очередь отношения к другим людям жителей мегаполиса и большого города, и в меньшей степени влияют на отношения к другим людям жителей малого города. 5. Территориально-пространственно-временные параметры проживания в городе задают в первую очередь выраженность социально-психологических потребностей, а также интенсивность эмоциональных, частично неосознаваемых отношений к другим людям, дифференцированным по критериям «свой»/«чужой», «близкий»/«далекий».

Результаты исследования позволяют прогнозировать социальное поведение человека на уровне городов различного типа (миграционные процессы, особенности социальной адаптации и т. д.), учитывая социально-психологический потенциал территориально-пространственно-временных параметров проживания в городе.

Литература

1. *Аскаров Ш. Д.* Регион. Пространство. Город. – М., Стройиздат, 1998.
2. *Балакина А. А., Шкурко Т. А.* Образ города и особенности отношения к Другому жителей мегаполиса и крупного города (на примере г. Москвы и г. Ростова-на-Дону) // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2011. – Т. 9. – № 3. – С. 5–9.
3. *Барсукова С.* Тенденции социального зонирования российских городов / Российское городское пространство: попытка осмысления. – М.: Монф, 1999. – С. 92–111.
4. *Бикбов А.* Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. – 2002. – № 3. – С. 72–95.
5. *Бляхер Л. Е.* Государство и несистемные сети «желтороссии», или заполнение «пустого пространства» // Политика. – 2010. – № 1. – С. 69–81.
6. *Глазычев В. Л.* Воспитание пространства // Знание-сила. – 2004. – Август. – С. 39–46.
7. *Иовлев В.* Экопсихология для архитекторов: процесс, форма. – Екатеринбург: Архитектон, 1996.
8. *Карпов А. Е.* Имплотация городского пространства: проблема существования центра города современной России / Российское городское пространство: попытка осмысления. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
9. *Круусвал Ю.* Детерминация образа жизни семьи в городской среде. Человек, среда, общение. – Таллин, 1980.
10. *Лабунская В. А., Менджеричкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. – М., 2001.
11. *Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009.

12. *Милграм Ст.* Эксперимент в социальной психологии. Человек в большом городе. – СПб.: Питер, 2000.
13. *Общая психодиагностика.* Под редакцией А. А. Бодалева, В. В. Столина. – М., 1987.
14. *Панов В. И.* Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. – 2013. – № 3. – С. 13–28.
15. *Парк Р. Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. – 2000. – Серия 11. – № 3. – С. 136–150.
16. *Рукавишников А. А.* Опросник межличностных отношений. – Ярославль, 1992.
17. *Сазонов Д. Н.* Социально-психологические особенности репрезентации городской пространственно-предметной среды у жителей города: дисс. ... канд. психол. наук. – Белгород, 2009.
18. *Смолова Л. В.* Безопасность городской среды в восприятии жителей с позиции психологии взаимодействия с окружающей средой / Обретение Астаной столичного статуса: Сборник докладов 2-ой Международной научной конференции. – Астана, 2009. – С. 53–62.
19. *Солодилова Л. А.* Методы предпроектного анализа. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. акад. архит. и иск-ва, 2006.
20. *Хейдметс М.* Феномен персонализации среды: теоретический анализ / Личность и предметно-пространственная среда. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000. – С. 88–112.
21. *Холл Э.* Как понять иностранца без слов. – М.: Вече-Персей-Аст, 1995.
22. *Шкурко Т. А.* Концепция отношений личности / Социальная психология личности в вопросах и ответах: учебное пособие под ред. В. А. Лабунской. – М.: Гардарики, 1999. – С. 129–142.
23. *Шкурко Т. А.* Отношения к «своим/чужим», «близким/далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. – 2013. – № 4. – С. 81–94.
24. *Шкурко Т. А., Балакина А. А.* Социально-психологические особенности отношений к другим людям жителей мегаполиса, большого и малого городов // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – Т. 10. – № 3. – С. 36–40.
25. *Шмерлина И.* Социальная экология соседства // Социальная реальность. – 2006. – № 9. – С. 59–71.
26. *Lauristin M.* Public participation as an educational process: An East European view / Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. – Moscow Publ., 1991. – pp. 117–131.

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

СТРАХ НА ВОЙНЕ: ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС?

**Караяни Александр Григорьевич
Караяни Юлия Михайловна**

В статье рассматриваются особенности переживания страха участниками боевых действий. Соответственно, анализируются симптомы, факторы, катализаторы и функции страха. Рассматривается влияние страха на поведение участников боевых действий, раскрываются феномены психологического заражения и поражения. Описывается природа страха и особенности его проявлений во время боевых действий. Приводятся результаты исследований военных теоретиков и психологов относительно дезорганизующей роли страха. Однако автором страх рассматривается как естественная, необходимая и полезная реакция воина на опасность. Вместе с тем представлена динамика переживания и психологические последствия страха, раскрывается его влияние на боевую деятельность воинов. Приводятся конкретные примеры и реальные случаи, иллюстрирующие морально-психологические возможности воинов, переживающих страх. Описывается активизирующая роль страха, его конструктивные функции. Анализируются отдельные аспекты психологического состояния участников боя и мобилизующие свойства страха. В данном контексте страх выступает как одна из самых «энергоемких» эмоций человека. Обосновываются направления по использованию страха как ресурса боевой активности воинов. Описываются особенности регуляции страха, актуализируется необходимость развития социальных мотивов (любовь к Родине; вера в Бога, справедливость, победу; ненависть к врагу; чувство долга и т. д.) у воинов. Анализируются психологические механизмы регуляции страха. В заключении обозначаются перспективные направления развития военной психологии и актуальность создания практико-ориентированных методов и методик, нацеленных на оказание воздействий, направленных на мобилизацию психологических ресурсов участников боевых действий, управления страхом, оптимизацию их морально-психологического состояния и активизацию деятельности.

Ключевые слова: *страх, факторы страха, функции страха, бой, война, методы овладения страхом, возможности, ресурсы, управление.*

Страх – одна из самых таинственных и противоречивых эмоций. Сформировавшийся в процессе эволюции как сигнально-предупредительная реакция человека на опасность, страх нередко дезинформирует человека о масштабах внешней угрозы. Он, одновременно, и верный «сторожевой пес», бдительно стерегущий жизнь и здоровье человека, и один из самых жестоких «палачей», изощренный в пытках человеческой души и плоти. Страх является мощным катализатором физических, духовных сил и энергии человека и, в то же время, он способен парализовать его способность противостоять опасности.

Каждый из нас сталкивается со страхом практически с самого рождения, а затем многократно встречается с ним на протяжении жизни. Влияние страха на человеческое поведение чрезвычайно многообразно. От простейших вегетативных реакций и незначительного замедления действий до тотального паралича организма. Страх захватывает человеческую плоть, его нервно-психическую и духовную организацию.

Реестр человеческих страхов достаточно велик. Иногда он проявляется в едва уловимом, смутном страхе–беспокойстве, а порой в виде животного ужаса, ощущения наступления чуть ли не вселенской катастрофы. Действительно, страх многолик, вездесущ, заразителен. Существуют специфические формы страхов, находящихся на границах нормы и патологии человеческой психики. Можно так же говорить о страхах матери, влюбленного, горожанина, студента и т. д. Однако, пожалуй, наиболее «благодатная» почва для проявления страха во всех его ипостасях создается на войне, в боевой обстановке.

Известный военный теоретик и эмпирический психолог Карл фон Клаузевиц, характеризуя войну, подчеркивал, что главной ее стихией является опасность [7]. Реакция на опасность, страх, – неизбежный атрибут войны, оказывающий влияние на все стороны боевой деятельности военнослужащих. Одним из последствий такого влияния является существенное снижение боевой эффективности бойцов, прежде всего – точности огневого поражения противника. Изучение показывает, что из-за страха эффективность огня в бою просто ничтожна. В Первую мировую войну на поражение одного солдата противника расходовалось 2,5–5 тыс. патронов, во Вторую мировую войну – 10 тыс., в локальных военных конфликтах XX в. – 50 тыс. [4, с. 43], во время войны во Вьетнаме на каждую пораженную американскими солдатами цель приходилось 200 000–400 000 патронов [9].

Более драматичным последствием страха является психотравматизация участников боевых действий. О масштабах этого грозного явления можно судить по отношению числа психологических потерь к количеству раненых. Наиболее полная статистика такого соотношения имеется в армии США, где в годы Первой мировой войны соотношение было примерно 10 к 100, во Второй мировой войне – 36 к 100. По данным Р. Габриэля, во время Второй мировой войны американские войска потеряли 504 тыс. человек в результате психических расстройств на поле боя. Такого количества личного состава вполне достаточно для формирования 50 боевых дивизий. В арабо-израильской войне 1973 г. почти одна треть потерь израильтян была вызвана психологическими причинами. Примерно то же самое наблюдалось в египетских войсках. При вторжении израильтян в Ливан в 1982 г. количество потерь от психических расстройств уже в два раза превысило количество убитых и составило 27 % от общего количества раненых [3]. Во время войны во Вьетнаме психогенные потери составили уже 30 % от числа участников боевых действий. В ходе боевых действий в Ираке и Афганистане – 12–20 %.

Страх и его психологические последствия обладают огромной силой заражения. По данным Дж. Долларда, опросившего сотни ветеранов Второй мировой войны, 75 % из них были уверены в том, что «страх может быть инфекционным, передаваться от одного солдата к другому». В исследовании Штуффера 83 % опрошенных утверждали, что у них был опыт наблюдения, как человеческие нервы «ломаются» на фронте. 70 % из 1700 американских ветеранов, обследованных в Италии в 1944 г., показали, что их психика давала сбой при виде последствий психотравматизации другого человека [18]. История войн и военного искусства знает немало случаев, когда страх одиночных солдат обретал силу эпидемии и превращался в неуправляемую панику многотысячной толпы.

Результаты ряда исследований показывают, что страх является не только следствием, но и важнейшей целью и одним из самых разрушительных средств вооруженного противоборства. Еще в начале XX в. русский боевой офицер и эмпирический психолог В. Н. Полянский (см. табл. 1) на основе анализа сражений предшествующих веков установил, что победа и поражение в бою в решающей степени определяются причинами психологического порядка. Достаточно, по его мнению, в среднем вывести из строя физически 17–20 % личного состава противника, чтобы заставить живых бойцов отказаться от продолжения боевых действий. Остальные 80 % терпят чисто психологическое поражение. Из этого В. Н. Полянский сделал вывод о том, цель боя – «не обязательно убить, но обязательно – устрасить» [13, с. 53–54].

Таблица 1.

Страх как фактор достижения победы над противником

<i>Войны</i>	<i>Факторы достижения победы</i>	
	<i>Физическое уничтожение противника</i>	<i>Психологическое подавление (устрашение) противника</i>
Войны 18–19 вв. (В. Н. Полянский)	20 %	80 %
Крупнейшие сражения XX в.	6 %	94 %

Из таблицы 1 видно, что в XX в. порог «моральной упругости», т. е. способности продолжать сражаться, несмотря на боевые потери, снизился более чем в 2 раза. По результатам исследований группы американских специалистов 80 крупнейших боевых событий XX в. установлено, что сегодня войска, в среднем, терпят психологическое поражение уже при физических потерях, равных 6 % личного состава. Неслучайно отечественная военно-психологическая наука с первых шагов своего самостоятельного развития была убеждена в том, что «подготовить бой, подготовить наступление – равносильно понятию – подорвать, расшатать, убить психические силы противника» [8, с. 163, 246].

На протяжении длительного времени страх трактовался военными теоретиками и практиками как однозначно негативная эмоция. Исходя из такой позиции, предлагалось «бороться» со страхом, «побеждать» страх, «преодолевать и пресекать» его. Как показывает приведенная выше статистика, такая позиция оказалась необоснованной, а предпринимавшиеся на ее основе попытки победить страх оказались несостоятельными.

Задача современной военной психологии видится не в том, чтобы «пригвоздить» страх к столбу позора, а в том, чтобы предложить бойцу реальные способы и средства, позволяющие эффективно действовать в опасной обстановке, превратить страх из «пут» и «оков» участника боевых действий в его боевой психологический ресурс.

Для этого, прежде всего, необходимо **познать страх** (выявить его природу, факторы, катализаторы, виды, функции, симптомы и динамику проявления в боевой обстановке), **принять его** (признать его в качестве атрибута экстремальной деятельности) и **рационально использовать порождаемую им энергию**.

Изучение *природы* страха позволяет утверждать, что страх в бою – это не удел трусов, а «нормальная, неизбежная, полезная реакция на опасность, как сигнал опасности, производящийся человеческим организмом при обнаружении признаков опасности в окружающем мире» [18]. О «нормальности»

страха свидетельствует его фактическая всеобщность. Сегодня уже хорошо известно, что среди психически и соматически нормальных людей нет абсолютно бесстрашных. Один из активных участников героической обороны Москвы осенью 1941 г. Б. Момыш-Улы подчеркивал: «за сто с лишним боев я еще ни одного бесстрашного человека не встречал. Никто, сознавая опасность смерти, не идет в бой без страха, а если иногда и идет, значит, не сознает опасности, но это не есть бесстрашие. Страх испытывает каждый и множество раз в жизни... бесстрашие как таковое вообще в природе не существует. Бесстрашных людей нет на свете» [12, с. 18].

Исследования, проведенные в годы Второй мировой войны группой американских психологов под руководством Э. Боринга показали, что 90 % опрошенных участников боевых действий испытывает выраженный страх (10 % опрошенных затруднились оценить свое отношение. Есть немало свидетельств того, что среди них подавляющее большинство составляют те, кто стесняются признаться в переживании страха). Было установлено, что страх в бою захватывает воинов «целиком», отражаясь в соматической, физиологической, психологической сферах. Более 50 % воинов, переживающих страх, испытывают слабость, тошноту, каждый десятый – неконтролируемое мочеиспускание или диарею [2].

Аналогичные данные были получены в 1944 г. психологической службой ВВС США. П. Мокор, анализируя полученную в исследовании статистику, отмечает, что из 4 500 опрошенных летчиков, штурманов, стрелков–радиотов, участвовавших в боевых действиях в Англии, на Средиземном море, на Тихом океане 99 % заявили, что во время боевых действий испытывали страх. Более 33 % опрошенных офицеров и 42 % солдат переживали страх во время каждого вылета, а порядка 62 % офицеров и 71 % солдат – в половине вылетов [11, с. 58–59].

На многих участников боевых действий страх оказывает дезорганизующее и нередко парализующее влияние. В годы Второй мировой войны в течение нескольких лет группой специалистов под руководством С. Л. А. Маршалла на предмет изучения страха обследовались тысячи американских солдат и офицеров из четырехсот пехотных рот. Методами опроса, перекрестной проверки, очной ставки, свидетельских показаний выявлялась степень участия военнослужащих в бою. Результаты этого исследования показали, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15 % ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу..., то процент реальных участников боя может быть доведен до 25 %» [10, с. 50]. То есть полезное участие в бою принимает лишь один боец из четырех.

Признание естественности страха позволяет элиминировать один из самых распространенных на войне страхов – страх струсить на поле боя и подвести своих боевых товарищей, т. е. «страх перед страхом».

Важнейшим моментом познания страха является выяснение его *функций*. Собственно широкая распространенность страха в боевой обстановке связана с тем, что «в идеале» он выполняет чрезвычайно полезные функции. Во многом именно благодаря страху человек способен превратиться в настоящего воина. В таблице 2 отражены важнейшие функции страха, обеспечивающие это превращение [6]. В частности, видно, что страх в максимальной степени мобилизует все организмические ресурсы, физическую, нервную и психическую энергии человека. Он делает человека менее уязвимым для боли, ранения, неблагоприятных обстоятельств боя. Мотивация выживания в обстановке страха смерти и боли является мощнейшим двигателем активности. Страх – это «ядерный» реактор в душе человека, одно из самых ресурсных и высокоэнергетических состояний воина. Некоторые специалисты сравнивают его с высокооктановым топливом, способным мгновенно «разгонять» организм и психику человека до огромных «скоростей» функционирования.

Таблица 2.

Функции страха в бою

№ п/п	Феномены страха	Функции
1.	Тревога, выделение в кровь адреналина и норадреналина	Приведение в состояние бдительности, боевой настороженности
2.	Повышение частоты сердцебиений, перераспределение кровотока (от внутренних органов к скелетным мышцам)	Лучшее снабжение мышц энергией для осуществления адаптивной реакции «бей или беги»
3.	Увеличение объема легких и уровня дыхания	Увеличение объема кислорода, поступающего в кровь для питания мышц энергией
4.	Увеличение сахара в крови	Получение «топлива» для быстрой энергии, необходимой для «аварийной» активности
5.	Отток крови от внутренних органов, кожи, «перчаточко-носочной» зоны Сгущение крови	Предупреждение больших кровопотерь в случае ранения или травмы
6.	Выделение в кровь опиатов	Обеспечение тотального обезболивания организма в случае ранения или травмы
7.	Усиленное потоотделение, появление эффекта «гусяной кожи»	Сохранение температурного баланса в организме
8.	Повышение температуры тела	Подавление патогенных процессов в организме в случае ранения, травмы, заболевания

«Пробуксовка» или срыв любой из перечисленных выше функций страха чреваты снижением или утратой боевых возможностей воина. В этом случае воин лишается той или иной «страховки» и оказывается «незастрахованным» от тех или иных угроз. Если воин не осваивает энергию страха, то страх становится дезорганизующим, парализующим, болезненным и разрушительным психическим состоянием.

Чтобы устранить возникшее противоречие между высокоадаптивными, энергетическими, мобилизующими свойствами страха и его деморализующим и дезорганизующим эффектом, специалисты выделили «контролируемый» и «неконтролируемый» виды страха. Контролируемый страх обладает силой побуждать человека к полезным действиям. Неконтролируемый страх является разрушительным. Когда страх слишком слаб, люди становятся беззаботными и подвергают себя и других к необоснованному риску и опасности. Когда он превышает определенные пороги, обретает силу побуждать человека к бессмысленной панике, которая подвергает опасности его жизнь и жизнь боевых товарищей [18].

Для того чтобы овладеть страхом, необходимо познать его главные факторы. В литературе можно встретить десятки боевых обстоятельств, трактуемых авторами как факторы страха. На воина в бою воздействует огромное количество различных стимулов, среди которых: вспышки взрывов и выстрелов, «фонтанчики» от пуль, пролеты самолетов (вертолетов), перемещение боевой техники, движение противника, перемещение сослуживцев, горящие техника и строения, ранение и гибель сослуживцев, спасительные укрытия, звуки выстрелов и взрывов, крики раненых, команды командиров, крики сослуживцев, крики (боевые кличи) противника, вибрация земли, свист пуль, шелест снарядов, ракетницы, холод, жара, резь глаз от дыма, запах гари, тепло, вкус крови, дрожь тела, «мурашки» по телу, неприятные телесные ощущения, сухость во рту, всплывающие воспоминания, вид трупов, мысли, жар от пожаров, стук собственного сердца, болевые ощущения, апноэ, ощущение усталости и др. [9].

Безусловно, многие из перечисленных стимулов весьма неблагоприятно сказываются на психическом состоянии участников боя, однако далеко не все из них «страхородны». Сегодня специалисты выделяют в качестве основных три фактора (причины, движущие силы) страха: неизвестность, неожиданность, чувство беспомощности.

Народная мудрость, боевой опыт великих полководцев отразили эти факторы в виде своеобразных формул: «чего не знаю, того боюсь», «предупрежден, значит вооружен», «удивил, значит победил», «деньги потерял – ничего не потерял; друга потерял – половину потерял; веру потерял – все потерял».

В свое время еще И. П. Павлов указывал на то, что не сила стимула, а его новизна вызывает охранительную реакцию. Это обстоятельство хорошо иллюстрируется с помощью информационной теории П. В. Симонова. Автор теории доказывает, что для удовлетворения актуальной в каждый момент времени потребности человек должен совершать вполне определенные действия, поэтому ему нужна информация о предметах и условиях, удовлетворяющих эту потребность. Эти положения П. В. Симонов облек в своеобразную формулу: $\text{Э} = \text{П} (\text{Ис} - \text{Ин})$, где Э – эмоция, ее сила и знак, П – сила и качество актуальной потребности, Ин – информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения существующей потребности, Ис – информация о средствах, которыми человек располагает в данный момент. Из данной формулы видно, что если Ис равна или больше Ин, то эмоциональная реакция будет положительной или нейтральной. Чем меньше будет Ис по сравнению с Ин, тем сильнее будет выражена негативная эмоция. Эмоции будут сильнее выражены и тогда, когда потребность, удовлетворяемая деятельностью, остра [14].

Действие данной формулы можно проследить на следующем примере. Группе военнослужащих предстоит действовать в тылу противника. Потребность в решении боевой задачи и знании обстоятельств ее выполнения очень высока. Следовательно, военнослужащие должны хорошо знать особенности тактики действий, психологии и уровень боевой выучки противника, конкретные характеристики местности, порядок, силы и средства выполнения задачи. Если эти знания достаточны для эффективной деятельности, негативных эмоций у воинов не возникает. Если же информации недостаточно, то у воинов могут возникать беспокойство, тревога и страх. Кроме индивидуального страха, в условиях нехватки информации могут возникать «слухи–пугала», способствующие порождению групповой паники [5].

Таким образом, страх – это сигнал о недостатке важной информации для выполнения боевой задачи и побуждение воина к ее поиску. Не случайно в ряде исследований отечественных [16] и зарубежных [18] психологов отмечается, что солдаты больше всего боятся врага, которого они не могут видеть. Незримый враг кажется сильнее, наделяется не присущими ему качествами. Этот феномен зафиксирован в знаменитых суворовских афоризмах: «удивить значит победить», «у страха глаза велики». Специалисты указывают на то, что быть удивленным врагом – значит утратить средства контроля над страхом.

В. Франкл предложил несколько иную формулу, позволяющую анализировать природу и характеристики страха. Эта формула отражает характер взаимосвязи негативных переживаний и смысла деятельности:

$O = P - C$, где O – отчаяние, P – негативное переживание, C – смысл [15]. Из этой формулы видно, что чем более осмысленна деятельность воина, тем меньше вероятность возникновения у него отчаяния, даже при высоких уровнях переживания страдания, страха и т. д. Эта формула выведена на основе идеи Ф. Ницше: «Тот, кто знает, зачем жить, может вынести почти любое как».

Можно сказать, что по В. Франклу, страх – это сигнал о недостатке смысла деятельности. Именно высокий смысл, который вкладывали наши воины в победу в Великой Отечественной войне, способствовал развитию массового самопожертвования и героизма. Важность наделения смыслом участия воинов в смертельных сражениях была осознана и в других армиях. Так, Дж. Аппель и Г. Вибе полагали, что британские солдаты были в состоянии сохранять боевую устойчивость почти в два раза дольше американских, потому что они, в отличие от американцев, «боролись за выживание» [18].

Кроме перечисленных факторов существуют обстоятельства, усиливающие страх, т. е. своеобразные *катализаторы* страха. К их числу чаще всего относят: время экспозиции факторов страха, боевую усталость, задолженность сна, чувство изолированности и одиночества воинов.

Исследование, проведенное во время Второй мировой войны Дж. Аппелем и Г. Вибе, показало, что страх становится травматическим в прямой зависимости от срока пребывания воинов в боевой обстановке. Дж. Доллард установил, что «длительное подвержение опасности не укрепляет солдата, а разрушает его ограниченные ресурсы». В ряде других исследований было показано, что у каждого солдата есть свой предел нахождения в опасной ситуации, вне которого их эффективная работа в бою снижается. Даже самый сильный и выносливый человек может сломаться психологически, если его «передержать» в обстановке тотального страха [18].

Средний предел времени, в течение которого американские военнослужащие могли более или менее эффективно справляться со страхом, составлял 200–240 дней. После этого срока солдаты становились настолько осторожными и нервными, что нередко утрачивали боевую эффективность. В то же время британские военнослужащие, получавшие в годы Второй мировой войны четырехдневный отдых после каждых 12 дней боев, могли совладать со страхом до 400 дней (то есть почти вдвое дольше американских) [18]. Выявление этого обстоятельства позволило психологам доказать командованию армии США необходимость ограничить срок пребывания американских военнослужащих в зоне боевых действий 180 днями.

Особенно негативное влияние на военнослужащих оказывает страх, вызываемый длительным нахождением в непосредственном боевом соприкосновении с противником. Немецким психологом Э. Динтером была выявлена следующая закономерность. По его наблюдениям, морально-психологические возможности бойцов начинают медленно расти после 3–5 дней пребывания в опасной ситуации. Потом, в течение 20–25 дней наблюдается их максимальная боевая эффективность, благодаря относительной адаптации к страху. Однако после 40 суток боевого соприкосновения с противником отмечается обвал психологических возможностей бойцов в связи с быстрым нарастанием страха и усталости. Позже американские специалисты подтвердили полученные Э. Динтером результаты и сделали вывод о том, что предел нахождения воинов в непосредственном боевом соприкосновении с противником составляет 30–35 суток [3]. После этого срока необходим отвод войск во вторые эшелоны или резервы.

Практика показывает, что воины имеют не только разные временные пределы сопротивления страху, но и переживают пики страха на различных этапах боя, т. е. отличаются *динамикой переживания страха*. Я. Агрель выявил, что порядка 39 % военнослужащих (из 90 %, признавших, что переживают в бою страх) испытывают максимальный страх до начала боя. Порядка 16 % воинов переживают максимальный страх после боя. И лишь 36 % максимально подвержены страху непосредственно в бою [17]. Из этого следует, что, по крайней мере, на 60 % страх – это результат исключительно воображения и памяти, а не объективно существующей опасности.

Питательной почвой для страха является физическое и психологическое одиночество воина на поле боя (отсутствие возможности взаимодействовать с боевыми товарищами; страх попасть в плен или остаться на поле боя раненым и даже убитым). Именно осознание этого обстоятельства в годы Великой Отечественной войны заставило советских военных руководителей и ученых отказаться от представлений об обороне как системе изолированных друг от друга ячеек и перейти к траншейной обороне. К. К. Рокоссовский лично изучал психологическое состояние бойцов, находящихся в ячейках в ходе оборонительных боев за Смоленск и пришел к однозначному выводу, что «надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи» [1]. Переход к траншейной системе обороны позволил преодолеть чувство изолированности воина в бою, открыть простор для взаимной поддержки и взаимопомощи воинов, для действия психологических механизмов взаимного заражения, подражания, группового контроля, что способствовало повышению их устойчивости к страху.

Перечисленные выше положения позволяют определить основные направления овладения воинами страхом как психологическим ресурсом.

1. Прежде всего, регуляция уровня страха может осуществляться посредством осмысления – придания ясного смысла участию воинов в боевых действиях, формирования у них широких социальных мотивов (любовь к Родине; вера в Бога, справедливость, победу; ненависть к врагу; чувство долга и т. д.) и мотивов боевого товарищества. Осмысленная деятельность «берет» страха ровно столько, сколько его нужно, чтобы сохранить смысл деятельности.

2. Регуляция страха может достигаться посредством элиминации факторов и катализаторов страха в боевой деятельности воинов. Важнейшей задачей здесь является, как подчеркивал один из основателей отечественной военной психологии Г. Шумков, «... предварительное ознакомление воинов с реальными явлениями в бою – в смысле боевой деятельности и в смысле психических переживаний» [16]. Это, по его мнению, «есть предварительное накопление боевого опыта, а, следовательно, и рациональная работа с вредным влиянием сильных переживаний на психику воинов при чувствах тревоги и страха».

Здесь уместно привести простой пример. Одним из самых сильных переживаний на войне является страх боли от ранения, травмы. В основе этого страха лежит незнание психофизиологической феноменологии ранения. Между тем воины, раненные в ходе боя, указывают на феномен тотального обезболивания организма в процессе переживания боевого стресса. Вот как об этом вспоминает один из ветеранов боевых действий в Чеченской Республике: «Мы атаковали противника, продвигаясь за БМП, как за щитом. Огонь противника был шквальным. Вдруг я споткнулся и упал на землю. Быстро вскочил, двинулся вперед, но опять упал, как подкошенный. Что-то заставило меня посмотреть на ногу. Я увидел, что она перебита. Бандиты научились стрелять рикошетом от земли под днище БМП». В кинофильме «Спасти рядового Райана» показан момент высадки десанта союзников, открывающих второй фронт на побережье Франции в 1944 г. В ходе сражения один из бойцов мечется по полю боя в поисках чего-то. Вдруг он обнаруживает искомый предмет, поднимает его, зажимает подмышкой и бежит вперед. Этим предметом оказывается рука бойца, оторванная взрывом практически по плечо. В памяти ветеранов войн хранится немало историй о том, что нередко воины обнаруживали у себя ранения (иногда неоднократные) лишь после боя.

Рассказы воинам таких историй выполняют практически ту же функцию, что и специальная психологическая технология «Систематическая десенсибилизация». Ее суть состоит в том, чтобы мысленно проходить по

«лестнице» страхов в безопасной обстановке, в условиях соматической релаксации. Страх и релаксация – антагонисты и не могут существовать одновременно. У воинов формируется привычка думать о ранении без страха боли.

Учитывая ограниченность человеческих возможностей сопротивляться неблагоприятным факторам, необходимо следить за тем, чтобы не перегривать воинов в жизнеопасной обстановке. Практика показывает, что устойчивость военнослужащих к страху значительно увеличивается, если они изначально осведомлены о продолжительности своего участия в боевых действиях и сроках возвращения в пункты постоянной дислокации.

3. Для того чтобы управлять страхом, необходимо уметь своевременно распознавать его основные симптомы (см. таблицу 3) [6, 16] и «включать» психологические механизмы эффективного задействования или регуляции страха.

Таблица 3.

Симптомы страха		
СИМПТОМЫ СТРАХА		
<i>Автоматические реакции</i>	<i>Психологические реакции</i>	<i>Чрезвычайные реакции</i>
Дрожь	Неспособность принимать решения	Неконтролируемые агрессия и гнев
Учащенное сердцебиение и дыхание	Сосредоточенность на второстепенных деталях	Замирание под огнем
Иррациональный смех	Нехватка уверенности	
Чрезмерное потение	Расстройство дисциплины	
Сухость во рту	Расстройство взаимоотношений воинов	
«Шевеление» волос	Отчаяние	
Ощущение «гусиной кожи»		
Побледнение (пожелтение) лица		
Повышение температуры тела		
Туннельное зрение		
Слуховые исключения		
Реакция «бей или беги»		

Чем раньше будут обнаружены симптомы страха, тем больше возможностей довести его до оптимального уровня. Для этого могут быть использованы приемы экстренной психологической саморегуляции, в основе которых

лежат мышечная релаксация, изменение тонуса дыхания, плацебо-технологии типа «рефлекторного закрепления психических состояний». Накапливаемые в процессе жизни и фиксируемые с помощью специальных якорей проактивные состояния могут мгновенно воспроизводиться в опасной ситуации при активации якоря.

4. Представляется, что определенный потенциал регуляции страха содержится в психологических механизмах метода парадоксальной интенции [14]. «Планирование» моментов возникновения страха на этапах боя, стремление «обнаружить» и «почувствовать» его могут существенно снизить страх. Полученный в этом случае эффект можно обозначить как «Эффект комнаты страха». Когда посетители комнаты страха входят в нее с воображением, воспаленными рассказами тех, кто был в ней раньше, и ожидают, что «вот сейчас выскочит ведьма», а «сейчас появится мертвец» и т. п., страха не возникает. Этот эффект проявляется сильнее тогда, когда ожидания облачаются в юмористическую форму.

Желание страха уничтожает страх подобно тому, как желание боли элиминирует боль. Известно, что на нашей планете значительное количество людей ищут боль и наслаждаются ею. Например, в Индии проживают целые семьи и кланы, в культуру которых входит ритуальное самоистязание. В этом пристрастии есть полезное зерно. Оно доказывает то, что человек может не просто привыкать к крайне неприятным переживаниям, а принимать и даже желать их. Не случайно, в последнее время специалисты сходятся на том, что подобные психологические механизмы могут быть целенаправленно использованы для преодоления страха.

Совсем недавно люди поняли, что не следует сразу же сбивать температуру при инфекционных заболеваниях, т. к. она убивает болезнетворных микробов. Воинам предстоит научиться «не сбивать» страх вплоть до его критических значений.

5. Наиболее перспективным направлением исследования страха и способов его интеграции в боевую деятельность представляется произвольная трансформация страха в проактивные эмоции (гнев, ненависть, злость). Такой переход может осуществляться с помощью «раскачивающих» («нагнетающих», «помповых») технологий использования страха, заключающихся в сознательном и управляемом мощном нагнетании страха и резком выбросе его энергии в конкретное действие в виде гнева.

Почти 70 лет назад участник более 100 сражений и боев Великой Отечественной войны Б. Момыш-улы подчеркивал: «инстинкт самосохранения имеет две стороны. Первая – человек бежит с целью самосохранения, вторая – человек с этой же целью нападает и защищается... Эту вторую сторону в человеке нужно развивать, так как она толкает на защиту, на

нападение. Самосохранение – это благородная черта не только человека, но и всего живого. Вот почему это чувство является первородным двигателем в бою» [12, с. 19].

Таким образом, страх – естественная и полезная реакция воина на опасность, неизвестность и внезапность боевой обстановки. Страх – одна из самых «энергоёмких» эмоций человека. Выполнив свою главную, сигнальную функцию, он становится дисфункциональным и дезорганизующим деятельность. Задача состоит не в том, чтобы «уничтожить» страх, а в том, чтобы подчинить его своей власти и превратить в ресурс боевой деятельности.

Более ста лет назад, осмысляя уроки русско-японской войны (1904–1905 гг.), Г. Шумков подчеркивал, что военная психология лишь тогда станет наукой, полезной командиру, когда она укажет пути повышения боевых возможностей своих войск и понижения боевых сил противника. Страх, как представляется, является одним из главных явлений, познание которого позволит военной психологии доказать свою состоятельность.

Литература

1. Белоусов А. В., Караяни А. Г. Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны // Инновации в образовании. – 2005. – № 3. – С. 128–147.
2. Боринг Э. Психология для Вооруженных Сил. – Вашингтон: Изд-во Гарвардского университета, 1943.
3. Габриэль Р. Героев больше нет. – Нью-Йорк, 1987.
4. Казаринов О. И. Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. – М., 2005.
5. Караяни А. Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 6. – С. 47–54.
6. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Введение в профессию военного психолога. – М.: Академия, 2007.
7. Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 т.: Т. 1. – М.: АСТ, 2002.
8. Корф Н. А. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. – 1906. – Кн. 1. – С. 163, 246.
9. Макнаб К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения. – М., 2002.
10. Маршалл С. Л. А. Американцы в бою / Офицер вооруженных сил. Пер. с англ. – Вашингтон, 1991.
11. Мокор П. Х. Военная психология и реальность боя // Современная буржуазная военная психология. – 1964. – С. 47–63.
12. Момыш-улы Б. Психология войны. – Алматы: Казахстан, 1996.
13. Полянский В. Н. Моральный элемент в области фортификации. – СПб., 1910. – С. 53–54.

14. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. – М.: Наука, 1987.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. Пер. с англ. – Вашингтон, 1985.
16. *Шумков Г. Е.* Чувство тревоги как доминирующая иллюзия в период ожидания боя // Военный сборник. – 1913.
17. Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, индустриальные и военные последствия стресса. Пер. с англ. – М.: Медицина, 1970.
18. *Horn B.* The worm revisited: An examination of fear and courage in combat // URL: <http://www.journal.dnd.ca/vo5/no2/doc/leadership-direction-eng.pdf>

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

STUDENTS' SENSE-MAKING AS A CONDITION OF EFFECTIVE DEVELOPMENT OF PERSONALITY AND MOTIVATION DURING ENGLISH LESSONS

Zhdanko Anna Pavlovna

The author of the article proceeds from the assumption that students' sense-making during English lessons is a powerful tool of development of motivation and personality. In this paper we prove that a driving force of sense-making is an exchange of values between teacher and students. The article represents the essence of mechanisms of impact on students' sense sphere. The procedure of coding of sense sphere that causes certain model of behavior is shown. The first step is finding of extra motives. The second step is a choice of verbal and visual image for establishing sense-bearing links. Also the article underlines the importance of English lessons' integration into major subjects for increasing meaningfulness of both subjects and appearing of new senses. In that case we deal with interconnection of personal senses and the content of education. Due to the above mentioned fact the content of education is a thing that causes students' development and academic progress. The article describes methods, which were used for sense-making activization. Among these methods are heuristic conceptual foresight, analytical method, brainstorming. Method of heuristic conceptual foresight allows predict some events by means of analyses of the past and present experience. Analytical method allows to find out the interconnection between the object and factors influencing this object. Brainstorming allows to get a big amount of productive ideas. The article describes psychological peculiarities of students' age group that contributes to achieving of the aim of the research. In this paper we prove a significant advantage of the sense-making activity for the development of students' personality.

Keywords: *personality, development, sense-making, personal senses, sense bearing links, motivation, psychological peculiarities, English lessons, impact, sense sphere.*

References

1. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T. *Novododaktika. Kniga 1. Metodologija i tehnologii obuchenija: v poiskah razvivajushhego resursa* [New didactics. Book 1. Methodology and educational technologies: in search of developing resource]. Moscow, CREDO Publ., 2013, 162 p.

2. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T. *Novododaktika. Kniga 2. Obrazovatel'nye tehnologii: novye rakursy* [New didactics. Book 2. Educational technologies: new perspectives]. Moscow, CREDO Publ., 2013, 122 p.
3. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T. *Novododaktika. Kniga 3. Ot klassicheskoy didaktiki – k didakticheskoy innovatike* [New didactics. Book 3. From classical didactics to didactical innovative pedagogical technologies]. Moscow, CREDO Publ., 2013, 134 p.
4. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fomenko V. T. *Novododaktika. Kniga 4. Strukturnaja didaktika kak napravlenie sovremennoj pedagogiki* [New didactics. Book 4. Structural didactics as a focus area of a modern pedagogics]. Moscow, CREDO Publ., 2013, 152 p.
5. Abakumova I. V. *Obuchenie i smysl: smysloobrazovanie v uchebnom processe* [Learning and sense, sense-making in learning process]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 2003, 480 p.
6. Asmolov A. G. *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii* [On the other side of consciousness: the methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2002, 480 p.
7. Dontsov D., Senkevich L. *Psihologicheskie osobennosti, social'no-psihologicheskie zakonomernosti i specifika razvitija lichnosti v junosheskom vozraste* [Psychological and socio-psychological peculiarities of person's development in youth period]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal – Russian Scientific Journal*, 2013, Vol. 1, no. 32, pp. 198–207.
8. Ermakov P. N., Labunskay V. A. *Psihologija lichnosti* [Personality Psychology]. Moscow, Exmo Publ., 2007, 656 p.
9. Leontev A. A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997, 297 p.
10. Leontev A. N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl, Akademia Publ., 2005, 352 p.
11. Leontev D. A. *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of the Sense. Nature, Structure and Dynamics of Conceptual Reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003, 487 p.
12. Amabile T. M., Barsade S. G., Mueller J. S., Staw B. M. Affect and creativity at work // *Administrative Science Quarterly*, 2005, Vol. 50, no. 3, pp. 367–403.
13. Amabile T. M., Hennessey B. A. Creativity // *Annual Review of Psychology*, 2010, no. 61, pp. 569–598.
14. Boroditsky L. Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // *Cognitive Psychology*, 2001, no. 43, pp. 1–22.
15. Browne M. N., Keely S. M. *Asking the right questions: A guide to critical thinking*. Upper Saddle River, NJ, Pearson Prentice-Hall, 2009, 212 p.

16. Cameron J., Banko K. M., Pierce W. D. The pervasive negative effects of rewards on intrinsic motivation: The myth continues // *The Behavior Analyst*, 2001, Vol. 24, no. 1, pp. 1–44.
17. Cattell R. B. Personality structure and the new fifth edition of the 16 PF // *Educational and Psychological Measurement*, 1995, Vol. 55, pp. 926–937.
18. Chomsky N. *Language and mind*. New York, Cambridge University Press, 2006, 209 p.
19. Collins A. M., Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing // *Psychological Review*, 1975, Vol. 82, no. 6, pp. 407–428.
20. Zhang L. Does student-teacher thinking style match/mismatch matter in students' achievement? // *Educational Psychology*, 2006, Vol. 26, no. 3, pp. 395–409.

THE AGE OF THE CHILD AS A MODUS OF THE PARENT-CHILD RELATIONSHIP

Kirilenko Irina Nikolaevna

In the article the author analyzes age as a modus of the parent-child relationship. From this point of view the child's age is considered as a factor of change of the characteristics of the parent-child relationship. It is known that new life conditions start influencing the parent-child relationship when entering into school. Both the occurrence and resolution of crises of the parent-child relationship are connected with their constant change as the child grows, and also with the inevitable separation of the child from parents. Thus, the parent-child relationship gains a certain specificity of development depending on the age of its subjects. The author analyzes classical studies devoted to the problematics of child development and the experience of age crises. At the same time the author pays attention to modern social realities influencing a child's behavior and vectors of the parent-child relationship which are considered from the point of view of the evaluative-emotional component, development of game and social activity of the child. The author draws a significant conclusion that the crisis of preschool development can be rather mild. The parent-child relationship is the factor determining features of the crisis. Psychological support for the child, emotional intimacy, sincere interest in the child's successes and failures, parents' care and attention make the experience of crisis as "painless" as possible. This harmonizes the parent-child relationship and positively affects the development of the family as a social institution. Thus, a new approach to optimization of the child's personal development is required in modern conditions.

This is possible if to consider the child's age as a factor determining the type, nature and specificity of the parent-child relationship.

Keywords: *parent-child relationship, age, emotions, crisis, crisis phenomena, situational-business communication, "seven stars of symptoms", social roles, family, interaction.*

References

1. Alekseeva A. S., Menovshchikov V. Iu. *Semeinaia psikhoterapiia v tsentre psikhologicheskoi pomoshchi* [Family psychotherapy in the center of psychological assistance]. Moscow, Research Institute of the Family Publ., 1998.
2. Bowlby J. *Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazei* [The creation and destruction of emotional ties]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004.
3. Vygotskii L. S. *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. St. Petersburg, Soiuz Publ., 1997, 96 p.
4. Golubev V. N., Deviatykh S. Iu. *Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v starshem iunosheskom vozraste* [Features of the parent-child relationship in older adolescents]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Smolensk State University*, 2010, no. 2, pp. 293–302.
5. Lisina M. I. *Obshchenie, lichnost' i psikhika rebenka* [Communication, personality and mentality of the child]. Moscow, Moscow Psychology-Social Institute Publ.; Voronezh, NPO "MODEK" Publ., 2001, 384 p.
6. Smirnova E. O. *Osobennosti obshcheniia i otnosheniia k sverstnikam u doshkol'nikov, rastushchikh bez sem'i* [Features of communication and peer relationships in preschool children growing up without families]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov – Approaches to Mental Health of Children and Adolescents*, 2002, no. 2, pp. 19–25.
7. Smirnova E. O., Sokolova M. V. *Struktura i dinamika roditel'skogo otnosheniia v ontogeneze rebenka* [The structure and dynamics of parental relationships in the ontogeny of a child]. *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 2007, no. 2, pp. 57–68.
8. Khaibullina O. G. *Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'iakh detei doshkol'nogo vozrasta* [Features of the parent-child relationship in families of pre-school age children]. *Vestnik instituta sem'i – Bulletin of the Institute of Family*, 2010, no. 5, pp. 95–100.
9. El'konin D. B. *K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiia v detskom vozraste* [On the issue of periodization of mental development in childhood]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov – Approaches to Mental Health of Children and Adolescents*, 2004, no. 1, pp. 68–78.
10. Lunsy Y., Benson B. A. *Perceived Social Support and Mental Retardation: A Social-Cognitive Approach // Cognitive Therapy and Research*, 2001, Vol. 25, № 1.

FAMILY, SOCIAL ATTITUDES AND ANTI-SOCIAL BEHAVIOUR OF CHILDREN AND TEENAGERS

Rean Artur Aleksandrovich

This article examines problems of the interrelation of social attitudes and anti-social behavior of children and teenagers. The author analyzes the problem of the interrelation of attitudes and social behavior in connection with factors such as strength/weakness, clearness/ambivalence of an attitude, and also the influence of the factor of a situation. Results of empirical studies of value orientations, moral-psychological attitudes of youth in samples of senior pupils and students are considered. A family is considered as a factor which forms both social attitudes and anti-social behavior. The author analyses modern approaches and results of empirical studies of the conditions under which social attitudes of personality directly influence anti-social behavior and also when they do not influence. Problems of the influence of the structural and psychological deformation of a family on the anti-social behavior of children and teenagers are discussed. The author emphasizes that when determining anti-social behavior of minors the priority belongs to the psychosocial deformation of a family. The author demonstrates styles of parenting and conditions which directly influence the formation of aggressive behavior. It is noted that insufficient attention to a child is a more important factor of delinquency, than the unfavorable socio-economic status. The author analyzes results of empirical studies from which it follows that not only negative social learning, but also frustration arising from the lack of parental love are important condition of the development of deviant behavior. It is shown that mother is in the center of the system of relations of children and teenagers. It is established that decrease in a positive attitude towards mother, increase in negative descriptors when describing mother correlates with the general growth of negativization of all the social relations of the person. The author emphasizes that the parent-child relationship which is characterized by inconsistency, as well as a high conflictness, contribute most significantly to the child's learning of aggression as a way of interpersonal conflicts resolution.

Keywords: *aggression, asocial behavior, delinquency, neurotic extraversion, principle of aggregation, family, socialization, social attitudes, planned behavior.*

References

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 1988.
2. Aronson E., Wilson T., Akert R. *Sotsial'naia psikhologiya. Psikhologicheskie zakony povedeniia cheloveka v sotsiume* [Social psychology. Psychological laws of the person's behavior in society]. Moscow, 2002.

3. Bandura A. *Teoriia sotsial'nogo naucheniia* [The theory of social learning]. St. Petersburg, 2000.
4. Bandura A., Walters R. *Podrostkovaia agressiia. Izuchenie vliianiia vospitaniia i semeinykh otnoshenii* [Teenage aggression. Studying the influence of education and family relationships]. Moscow, 2000.
5. Bartol C. *Psikhologiia kriminal'nogo povedeniia* [The psychology of criminal behavior]. St. Petersburg, Moscow, 2004.
6. Blackburn R. *Psikhologiia kriminal'nogo povedeniia* [The psychology of criminal behavior]. St. Petersburg, 2004.
7. Bulatnikov I. E. *Razvitie sotsial'noi otvetstvennosti lichnosti: mesto i rol' sem'i. Prosvetaiushchaia Rossiia – budushchee tvoei sem'i* [The development of social responsibility of the person: the place and role of the family. Prosperous Russia is the future of your family]. Kursk, 2009, pp. 252–264.
8. Baron R., Richardson D. *Agressiia* [Aggression]. St. Petersburg, 1997.
9. Konnor D. *Agressiia i antisotsial'noe povedenie u detei i podrostkov* [Aggression and anti-social behavior of children and teenagers]. Moscow, St. Petersburg, 2005.
10. Korolev V. V. *Psikhicheskie otkloneniia u podrostkov–pravonarushitelei* [Mental abnormalities in juvenile delinquents]. Moscow, 1992.
11. Korotkikh M. N. *Razvitie grazhdanskogo samosoznaniia i unoshestva v sovместnoi deiatel'nosti sem'i i shkoly: vektory peremen / Prosvetaiushchaia Rossiia – budushchee tvoei sem'i* [The development of civil consciousness of youth in joint activities of family and school: vectors of changes. Prosperous Russia is the future of your family]. Kursk 2009, pp. 135–147.
12. Myers D. *Sotsial'naia psikhologiia* [Social psychology]. St. Petersburg, 1997.
13. Mussen P., Conger J., Kagan J., Huston A. *Razvitie lichnosti rebenka* [Child development and personality]. Moscow, 1987.
14. Rean A. A. *Detskaia agressiia. Psikhologiia cheloveka ot rozhdeniia do smerti* [Child aggression. The psychology of the person from birth to death]. St. Petersburg, 2006, pp. 305–312.
15. Rean A. A. *Podrostkovaia agressiia / Psikhologiia podrostka* [Teen aggression. The psychology of teenagers]. St. Petersburg, 2007, pp. 324–337.
16. Rean A. A. *Psikhologiia lichnosti* [Personality psychology]. St. Petersburg, 2013.
17. Svetsitskii A. L. *Sotsial'naia psikhologiia* [Social psychology]. Moscow, 2003.
18. *Sem'ia i roditel'stvo v sovremennoi Rossii* [A family and parenthood in modern Russia]. Moscow, 2009.
19. *Sem'ia: psikhologiia, pedagogika sotsial'naia rabota* [A family: psychology, pedagogy, social work]. Moscow, 2010.

20. Furnham A., Heaven P. *Lichnost' i sotsial'noe povedenie* [Personality and social behavior]. St. Petersburg, 2001.
21. Houston M., Strebe V. *Vvedenie v sotsial'nuiu psikhologiiu. Evropeiskii podkhod* [Introduction to social psychology. European approach]. Moscow, 2004.
22. Schneider L. B. *Deviantnoe povedenie detei i podrostkov* [Deviant behavior of children and teenagers]. Moscow, 2007.
23. Emerson R. U. *Nravstvennaia filosofia. Opyty* [Moral philosophy. Experiences]. Moscow, 2001.
24. Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planned behavior // *Action-control: from cognition to behavior*, 1985, pp. 11–39.
25. Ajzen I. & Fishbein M. *Understanding attitudes and predicting social behavior*. NJ., 1980.
26. Eron L. D., Walder L. O., Toigo R., Lefkowitz M. M. Social class, parental punishment for aggression and child aggression // *Child Development*, 1963, 34, pp. 849–867.
27. Felson R. B., Russo N. Parental punishment and sibling aggression // *Social Psychology Quarterly*, 1988, 51, pp. 11–18.
28. Keltikangas-Jarvinen L., Kangas P. Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children // *Aggr. Behav.*, 1988, no. 4, pp. 255–264.
29. Patterson G. R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // *Child Development*, 1984, 55, pp. 1299–1307.

ASSOCIATIVE-SEMANTIC CERTAINTY OF RESPONSE TO VERBAL STIMULI SECULAR AND RELIGIOUS VALUES

***Akopov Garnik Vladimirovich
Ihsanova Svetlana Gennad'evna
Rulina Tat'jana Konstantinovna***

This paper deals with the problem of religious consciousness in modern Russia. Religious consciousness is understood as unit of categories reflecting system of religious and ecclesiastical traditions. To study used associative experiment, which allows you to identify the semantic links between the studied categories and based on them to build a semantic field.

The study used the classical scheme of the association experiment, based on the presentation of pre-selected words stimuli causing verbal reactions of the subjects. The thematic content of the stimulus series allowed us to obtain verbal responses expressing semantic and emotional attitude of study participants to concepts such

as “faith”, “mercy”, “contemplation”, “act” and others. Such stimulation affected the deepest layers of the national consciousness of Russians.

The empirical part of the work is two pieces of large-scale study of consciousness, performed at the Faculty of Psychology of the Volga State Academy of Socio-Humanitarian. One shows the associative structure of the religious consciousness of older rural residents with deep religious roots. In another – semantic field of concepts “contemplation”, “act”, “communication”, obtained on a sample of students. Comparative analysis of the results allows coming to consistent conclusions about the mechanisms of change semantic fields. One such mechanism is the hyper-event – a significant fact of reality that affects the awareness of related categories.

The article raised the question of interpenetration phenomena of religious consciousness and contemplation. The results obtained, as well as their qualitative and quantitative analysis suggests that the mind of modern man does not bind directly to religious categories and categories of phenomenological contemplation. This fact indicates the nature of the non-religious contemplation and meditation allows us to consider a category as an independent scientific unit.

Keywords: associative experiment, semantic space, receptive experiment, religious consciousness, contemplation, secularization, Hyper-event.

References

1. Akopov G. V. Globalizatsiia i samoopredelenie lichnosti v sovremennom obshchestve [Globalization and self-determination of personality in modern society]. *Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi sovremennoi Rossii: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. the IV All-Russian Scientific-Practical Conference “Professional and personal self-determination of youth of modern Russia”]. Samara, 2013, pp. 3–8.
2. Akopov G. V., Savitskii V. M., Sheinin I. R. Lingvo-psikhologicheskoe issledovanie assotsiativnykh polei kontseptov “sozertsanie”, “deianie” i “obshchenie” [The linguistic and psychological study of associative fields of “contemplation”, “deed” and “communication” concepts]. *Sovremennye kontseptsii nauchnykh issledovani: sbornik nauchnykh rabot V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii concepts* [Proc. the V International Scientific-Practical Conference “Modern concepts of scientific researches”, no. 5, part 4]. Moscow, 2014, pp. 136–139.
3. Andreeva G. M. *Sotsial'naia psikhologiya segodnia: poiski i razmyshleniia* [Social psychology today: searches and reflections]. Moscow, 2009.
4. Karaulov Iu. N. *Assotsiativnaia grammatika i assotsiativno-verbal'naia set'* [Associative grammar and associative-verbal network]. Moscow, Ila RAN Publ., 1999, 17 p.

5. Kubriakova E. S. *Iazyk i soznanie. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and consciousness. The role of language in cognition of the world]. Moscow, 2004.
6. Leont'ev A. A. *Iazykovoe soznanie i obraz mira / Iazyk i soznanie: paradoksal'naiia ratsional'nost'* [Language consciousness and world image. Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, 1993, pp. 16–21.
7. Luriiia A. R. *Iazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow, MSU Publ., 1979, 37 p.
8. Markovina I. lu., Danilova E. V. *Spetsifika iazykovogo soznaniia russkikh i amerikantsev: opyt postroeniia "assotsiativnogo geshtal'ta" tekstov originala i perevoda / Iazykovoe soznanie i obrazy mira* [The specificity of language consciousness of Russians and Americans: the experience of constructing the "associative Gestalt" of the original text and translation. Language consciousness and images of the world]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, 119 p.
9. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive linguistics. Available at: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/>
10. Shkuratov V. A. *Iskusstvo ekonomnoi smerti. Sotvoreniiie videomira* [The art of economical death. Creating the video world]. Rostov-on-Don, Narradigma Publ., 2006, 400 p.
11. *Iazyk i natsional'noe soznanie* [Language and national consciousness]. Voronezh, 1999.
12. Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test // Journal of Personality and Social Psychology, 1998, Vol. 74, no. 6, pp. 1464–1480.

FEATURES OF SENSE OF JUSTICE OF STUDENTS WITH DIFFERENT LIFE STYLE INDEXES

Ponomarev Vadim Petrovich

This paper brings forward findings of the study of features of sense of justice of bachelors of various professional orientations by analyzing their relation to legal regulation of life as a certain personal value. Modern general psychological theory of sense and sense-creation is considered as a theoretical basis of the study. This makes it possible to reveal new aspects of sense of justice for the study and supplement its traditional interpretations. Sense of justice, which is often treated as a form of social consciousness, in fact generalizes the idea of a particular person about what is legal and what is not, and is his/her individual, personal sense revealing

when he/she understands legal foundations for the existence in the real life world. Using a specially developed questionnaire the author has carried out an empirical research which has made it possible to reveal levels of the development of sense of justice of respondents: low (the respondent is badly informed about legal regulation of his/her life and does not understand the necessity of the knowledge of law and legislation), average (the respondent understands interpersonal forms of sense in legal norms and regulations offered for an assessment, and can interpret their meaning for his/her own life), high (the respondent understands the meaning of legal norms and legislation for society as a whole and for himself/herself, can give them sense-personal interpretations, compare them with various life contexts, distinguish their general and specific characteristics, and the most important, determine their importance for his/her individual life-world). Further the author has carried out psychometric diagnostics using the "Life Style Index" technique. The level of sense of justice is related to certain defense mechanisms of the person. The mechanism of substitution was expressed most dominantly among psychologists with a high level of the development of sense of justice; it was the mechanism of rationalization for lawyers.

Keywords: personality, values, sense sphere, sense of justice, sense, sense-creation, defense mechanisms, behavioral strategies, substitution, denial, rationalization.

References

1. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts., Savin V. A. Dialog kul'tur kak smyslotekhnologiya formirovaniya ustanovok tolerantnogo soznaniya i povedeniya studentov vuza [Dialogue of cultures as a sense technology of forming attitudes of tolerant consciousness and behavior of students of the institute of higher education]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2013, V. 10, no. 1, pp. 46–59.
2. Abakumova I. V. Smysl kak nauchnaya kategoriya i vliyanie ego kontseptual'nykh interpretatsii na teoriyu obrazovaniya i obucheniya [Sense as a scientific category and the influence of its conceptual interpretations on the theory of education and training]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of the Caucasus*, 2002, no. 13, pp. 142–146.
3. Bainiazov R. S. Pravosoznanie: Psikhologicheskie aspekty [Sense of justice: Psychological aspects]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1998, no. 3, pp. 16–21.
4. Vasil'ev V. L. *Iuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov* [Legal psychology: textbook for institutes of higher education]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, 608 p.
5. Vasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B. *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stil'ya (Posobie dlya psikhologov i vrachei)* [Psychological

- diagnostics of the life style index (Textbook for psychologists and physicians)]. St. Petersburg, St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute Publ., 2005, 50 p.
6. Vedenkin N. A. O neobkhodimosti diagnostiki urovnia razvitiia pravosoznaniia lichnosti kandidata na sluzhbu v organy vnutrennikh del [On the necessity of diagnostics of the level of the development of sense of justice of the personality of candidates for service in the bodies of internal affairs]. *Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsii – Approaches to the Psychology of Extreme Situations*, 2011, no. 2.
 7. Gulevich O. A. Struktura pravosoznaniia i povedenie v pravovoi sfere [The structure of the sense of justice and behavior in the legal sphere]. *Psikhologicheskie issledovaniia – Psychological Studies*, 2009, no. 5 (7).
 8. Il'in O. Iu. *Pravosoznanie: postneklassicheskoe pravoponimanie i lichnostnaia proektsiia. Diss. kand. filos. nauk* [Sense of justice: post-nonclassical understanding of law and personal projection. Cand. philos. sci. diss]. Tver, Tver State Technical University Publ., 2011, 198 p.
 9. Leont'ev D. A. *Psikhologiiia smysla. Priroda, stroenie, dinamika smyslovoi real'nosti* [The psychology of sense: nature, structure, and dynamics of sense reality]. Moscow, Smisl Publ., 2003, 487 p.
 10. Rostova E. N. Samosoznanie lichnosti i predstavlenie o smysle svoei zhizni u vzroslykh [Self-consciousness of personality and the idea of meaning of life in adults]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2012, V. 10, no. 3, pp. 45–48.
 11. Smirnov V. N. *Luridicheskaiia psikhologiiia* [Legal psychology]. Moscow, Iuniti-Dana Publ., 2010, 319 p.
 12. Iasiukova L. A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiia [Sense of justice: diagnostics and regularities of development]. *Prikladnaia psikhologiiia – Applied Psychology*, 2000, no. 4, pp. 1–13.
 13. Abakumova I. V., Kruteleva L. Ju. Tolerance in the Structure of Life-Sense Strategies of the Modern Youth // The 13th European Congress of Psychology, 2013.
 14. Halpern D. Moral Values, Social Trust and Inequality // *British Journal of Criminology*, 2001, Vol. 41, pp. 236–251.
 15. Kruteleva L. Ju., Abakumova I. V. Life-sense Strategies as a Motivational-Dynamic Characteristic of a Person // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 86, pp. 35–41.
 16. Leung K. Social Axioms. The Search for Universal Dimensions of General Beliefs about how the World Functions // *J. of Cross-Cultural psychology*, 2002, Vol. 33, pp. 286–302.

THREAT TO LIFE AS A PREDICTOR OF THE CHOICE OF COPING STRATEGIES, THE LEVEL OF ADHERENCE TO TREATMENT AND QUALITY OF LIFE IN ADULT PATIENTS WITH CYSTIC FIBROSIS

Abrosimov Ilya Nikolayevich

This work is devoted to studying of psychological aspects of cystic fibrosis, severe chronic genetic disease with a high probability of lethal outcome, consisting in a violation of functioning of all exocrine glands of the body and the development of concomitant obstructive and inflammatory processes. Actuality and novelty of the study caused by the absence at the moment in the Russian literature of data describing the psychological aspects of this disease in adulthood. At the same time cystic fibrosis despite the medical advances remains an incurable and one of the most common among of hereditary diseases and its optimal treatment require psychological support and rehabilitation of patients taking into account the their nosological features. All sample of adult patients with cystic fibrosis (n = 86) was divided into two subgroups in terms of the severity of the perception of the disease as threats to life and health. Group 1 (n = 46) – patients with cystic fibrosis who perceive their disease as a moderate threat to life and health; group 2 (n = 40) – patients with cystic fibrosis who perceive their illness as an expression of a threat to life and health. In selected subgroups were compared indicators choice of coping strategies, the level of adherence to treatment and quality of life. It was established that in the group patients perceive of cystic fibrosis as a high threat the studied parameters indicate to less adaptation to the disease, than in the group patients perceive of cystic fibrosis as a moderate threat to life and health. Thus, the perception of cystic fibrosis as a threat to life and health is an important factor to be considered in the development of psychological support, implementation of the tasks of socialization and of general therapeutic management of these patients in adulthood.

Keywords: *orphan diseases, cystic fibrosis, cystic fibrosis of adults, the perception of the disease, a threat to life, coping behavior, coping strategies, treatment adherence, quality of life, psychodiagnostic.*

References

1. Amelina E. L., Chernyak A. V., Chuchalin A. G. Mukovistsidoz vzroslykh – osobennosti vedeniya [Cystic fibrosis in adults – features of reference]. *Pul'monologiya – Pulmonology*, 2006, pp. 30–39.
2. Kashirskaia N. I., Tolstova V. D., Kapranov N. I. Mukovistsidoz – natsional'naia prioritnaia programma v Rossiiskoi Federatsii [Cystic fibrosis – a national

- priority program in the Russian Federation]. *Pediatriia – Pediatrics*, 2008, V. 87, no. 4, pp. 6–14.
3. Krasovskii S. A., Amelina E. L. Taktika vedeniia vzroslykh bol'nykh mukovistsidozom [Clinical management of adult patients with cystic fibrosis]. *Klinitsist – Clinician*, 2006, no. 1, pp. 33–37.
 4. Neretina A. F., Ledneva V. S., Petrova I. V. Kompleksnaia reabilitatsiia bol'nykh mukovistsidozom [Integrated rehabilitation for patients with cystic fibrosis]. *Sbornik tezisev XI natsional'nogo kongressa "Mukovistsidoz u detei i vzroslykh. Vzgliad v budushchee" – Book of abstracts XI National Congress "Cystic fibrosis in children and adults. Looking into the future"*, May 24–25, Moscow, Medical Genetics Research Center RAMS Publ., 2013, pp. 61–63.
 5. Nikolaeva V. V. *Vnutrenniaia kartina bolezni: istoricheskii ekskurs. Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura: Uchebnoe posobie dlia vuzov* [The internal picture of the disease: historical review. Psychosomatics: physicality and Culture: Textbook for High Schools]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2009, pp. 103–115.
 6. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiia telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow, Smysl Publ., 2002, 287 p.
 7. Tkhostov A. Sh., Neliubina A. S. Obydennye predstavleniia kak faktor, oposreduiushchii povedenie v situatsii bolezni [Ordinary notions as a factor that mediates behavior in situations of illness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Psikhologiia – Bulletin of Tomsk State University. Series of Psychology*, 2008, no. 317, pp. 243–245.
 8. Yaltonskii V. M. Vnutrenniaia kartina bolezni i sovladiushchee povedenie pri zabolevaniakh vnutrennikh organov: novyi teoreticheskii podkhod [The internal picture of the disease and coping behavior in diseases of the internal organs: a new theoretical approach]. *Sbornik nauchnykh trudov "Aktual'nye voprosy diagnostiki i lecheniia psikhosomaticheskikh zabolevanii". Pod red. R. G. Aksenfel'd – Collection of scientific works "Actual problems of diagnosis and treatment of psychosomatic disorders". Edited by R. G. Aksenfeld, Iaroslavl*, 2011, pp. 115–122.
 9. Yaltonskii V. M., Diiazheva L. V. Vnutrenniaia kartina bolezni podrostkov bol'nykh mukovistsidozom [The internal picture of the disease of adolescents with cystic fibrosis]. *Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhduнародnym uchastiem "Klinicheskaia psikhologiia v zdravookhraneni i obrazovanii" – Collection of materials All-Russian scientific-practical conference with international participation "Clinical psychology in health and education"*, Moscow, MSUMD named after A. I. Evdokimov Publ., 2012, pp. 236–240.
 10. Abbott J., Dodd M., Gee L., Webb A. K. Ways of Coping with Cystic Fibrosis: Implications for Treatment Adherence // *Disability and Rehabilitation*, 2001, no. 8, pp. 315–324.

11. Broadbent E., Petrie K. J., Main J., Weinman J. The Brief Illness Perception Questionnaire (BIPQ) // J. of Psychosomatic Research, 2006, no. 60, pp. 631–637.
12. Leventhal E. A., Cameron L. Representations, Procedures and Affect in Illness Self-Regulation: A Perceptual-Cognitive Model, Mahwah, Erlbaum, 2001, pp. 19–47.
13. Masterson T., Wildman B. G., Newberry B., Omlor G., Bryson E., Kukay A. Compliance in Cystic Fibrosis: An Examination of Infection Control Guidelines // Pediatric Pulmonology, 2008, no. 43, pp. 435–442.

PSYCHOSOMATIC CHARACTERISTICS OF WOMEN OF REPRODUCTIVE AGE WITH RESPIRATORY TUBERCULOSIS

**Rusanovskaya Galina Foydorovna
Kamaev Igor Aleksandrovich
Shprjkov Aleksandr Sergeevich**

Psychosomatic status assessment was conducted among 175 women of reproductive age. The main group consisted of 93 women aged 18–44 years, patients with active pulmonary tuberculosis who were treated in one of the TB facilities in Nizhny Novgorod region in 2013, and the comparative group consisted of 82 healthy women of the same age. Testing by the method of “HAM” (health, activity, mood) was conducted to assess the psycho-emotional state, with the purpose of assessment of personality characteristics – testing by the method of “self-identity” (O. I. Motkov) and to assess interpersonal relationships we used testing by Leary method. It is proved that the pulmonary tuberculosis disease in the patients of this category has a significant negative impact on their emotional state, causing poor health (the lowest evaluated), low activity, bad mood. Weariness growth was observed among the women during their treatment. The total self-identity of the study group of women is average, indicating its adequacy, but the value of the index is borderline with low self-esteem. Personal characteristics are the presence of women disobedient unbalanced nature of inharmonious with the lack of a sense of proportion in the desires and behavior. Such qualities of human nature as kindness, sincerity, truthfulness, compassion, independence, sociability, optimism, confidence, vitality, creativity (the lowest evaluated) are inherent to them in the least degree. Women’s behavior is adaptive and this indicates the harmony of their personality. The main types of interpersonal relationships of women with TB are, on the one hand, the “friendly” and “altruistic”; on the other hand – “dependent”. Therefore it is necessary to develop

arrangements for psychological care of women of reproductive age – patients with active pulmonary tuberculosis and new approaches in the prevention of this disease, based on established psychological risk factors for tuberculosis process and its recurrence.

Keywords: *tuberculosis, lung, women, reproductive age, psychosomatic characteristics, psychological care.*

References

1. Alekseeva L. P., Rozanova Yu. K., Petrovskaya M. V., Martynova M. V. Izuchenie narushenij lichnosti i jemocional'no-volevoj sfery u lic BOMZh, bol'nyh tuberkulezom [The study of personality disorders and emotional-volitional sphere in homeless people with TB]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2007, no. 11, pp. 6–10.
2. Byuyul A., Cyofel P. *SPSS: iskusstvo obrabotki informacii. Platinum Edition. Per. s nem.* [SPSS: the art of information processing. Platinum Edition. Translation from German]. SPb, DiaSoftYUP Publ., 2005, 608 p.
3. Volchegorskij I. A., Novoselov P. N., Astahova T. V. Narushenija jemocional'noj sfery u bol'nyh infil'trativnym tuberkulezom legkih [Violations of the emotional sphere in patients with infiltrative pulmonary tuberculosis]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2007, no. 11, pp. 3–6.
4. Volchegorskij I. A., Novoselov P. N., Dudarova T. P. [Features of affective status in patients with infiltrative pulmonary tuberculosis multidrug-resistant M. tuberculosis]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2013, no. 5, pp. 56–60.
5. Zarbuev A. N. Nervno-psihicheskoe sostojanie u zakljuchennyh, bol'nyh tuberkulezom, v raznyh uchrezhdenijah penitenciarnoj sistemy [Neuro-psychological condition of the prisoners with TB in different institutions of the penitentiary system]. *Problemy tuberkuleza i boleznej legkih – Problems of Tuberculosis and Lung Diseases*, 2007, no. 12, pp. 30–34.
6. Zolotova N. V., Siresina N. N., Strel'cov V. V. Issledovanie rasprostranennosti form agressii u bol'nyh v pervye vyjavlennym tuberkulezom legkih [Study on the prevalence of forms of aggression in patients with newly diagnosed pulmonary tuberculosis]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2007, no. 9, pp. 16–19.
7. Zolotova N. V., Ahtjamova A. A. Ocenka lichnostnyh osobennostej bol'nyh tuberkulezom organov dyhanija podrostkov s uchetom rentgenologicheskikh osobennostej zabojevanija [Assessment of personal characteristics of patients with tuberculosis of respiratory organs teenagers taking into account the radiological features of the disease]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2014, no. 8, pp. 38–40.

8. Zolotova N. V., Ahtjamova A. A., Stel'cov V. V., Baranova G. V. Psihologicheskie faktory patogeneza tuberkuleza organov dyhanija u detej i podrostkov [Psychological factors in the pathogenesis of respiratory TB in children and adolescents]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2013, no. 4, pp. 25–32.
9. Kulakov S. A. *Osnovy psihosomatiki* [Foundations of psychosomatics]. SPb., Speech Publ., 2005, 228 p.
10. Malkina-Pyh I. G. *Psihosomatika: Spravochnik prakticheskogo psihologa* [Psychosomatics: Handbook of practical psychologist]. Moscow, Medicine Publ., 2005, 101 p.
11. Mordyk A. V., Podkopaeva T. G., Gerasimov P. N., Porkulevich N. I. Formirovanie podhodov k sozdaniju programm psihologicheskoj rehabilitacii detej v ochagah tuberkuleznoj infekcii [Formation of approaches to creation of programs of psychological rehabilitation of children in the centers of tuberculosis infection]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2014, no. 8, pp. 71–72.
12. Popkova G. G., Silant'eva V. A. Art-terapija v psihologicheskoj rehabilitacii detej, bol'nyh tuberkulezom [Art therapy in the psychological rehabilitation of children with TB]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2014, no. 8, pp. 88–89.
13. Siresina N. N., Strel'cov V. V., Stolbun Yu. V., Sel'covskij P. P. Psihosomaticeskaja harakteristika bol'nyh tuberkulezom legkih [Psychosomatic characteristics of patients with pulmonary tuberculosis]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2007, no. 10, pp. 47–51.
14. Strel'cov V. V., Baranova G. V., Siresina N. N., Stolbun Yu. V., Vasil'eva I. A. Vozmozhnosti optimizacii psihologicheskogo sostojanija bol'nyh tuberkulezom legkih v processe individual'noj psihologicheskoj korekcii [Opportunities for optimization of the psychological status of patients with pulmonary tuberculosis in the process of individual psychological adjustment]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2012, no. 3, pp. 31–37.
15. Strel'cov V. V., Zolotova N. V., Baranova G. V., Ahtjamova A. A., Haritonova N. Yu., Vasil'eva I. A. Osobennosti okazanija psihologicheskoj pomoshhi bol'nym tuberkulezom legkih v faze intensivnoj himioterapii (v uslovijah stacionara) [Features of psychological assistance to patients with pulmonary tuberculosis in the phase of intensive chemotherapy (in the hospital)]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2014, no. 2, pp. 22–27.
16. Suhova E. V. Neobhodimost' psihologicheskoj korekcii u bol'nyh tuberkulezom legkih [The need for psychological adjustment in patients with pulmonary tuberculosis]. *Problemy tuberkuleza i boleznej legkih – Problems of Tuberculosis and Lung Diseases*, 2004, no. 10, pp. 34–36.

17. Suhova E. V. Stepen' udovletvorenija lichnostnyh potrebnostej u bol'nyh tuberkulezom legkih [The degree of satisfaction of personal needs in patients with pulmonary tuberculosis]. *Problemy tuberkuleza i boleznej legkih – Problems of Tuberculosis and Lung Diseases*, 2005, no. 1, pp. 47–50.
18. Suhova E. V., Suhov V. M., Kornev A. V. Osobennosti otnoshenija k bolezni bol'nyh tuberkulezom legkih [Features related to disease patients with pulmonary tuberculosis]. *Tuberkulez i bolezni legkih – TB and Lung Disease*, 2006, no. 5, pp. 20–23.
19. Janmeja A. K., Das S. K., Bhargava R., Chavan B. S. Psychotherapy improves compliance with tuberculosis treatment // *Respiration*, 2005, Vol. 72, no. 4, pp. 375–380.
20. Paul W., Andrev S. J., Anderson T. Jr. The bright side of being blue: Depression as an adaptation for analyzing complex problems // *Psychol. Rev.*, 2009, Vol. 116, no. 3, pp. 620–654.
21. Rubin R. R., Knowler W. C., Ma Y. et. al. Depression symptoms and antidepressant medicine use in Diabetes Prevention Program participants // *Diabetes Care*, 2005, Vol. 28, no. 4, pp. 830–837.
22. Sweetland A., Acha J., Guerra D. Enhancing adherence: the role of group psychotherapy in the treatment of multidrug-resistant tuberculosis in urban Peru / Cohen A., Keeinman A., Saraceno B. E., eds. *The world mental health casebook: social and mental health programs in low-income countries*. New York, Kluwer Academic, 2002, pp. 51–79.

FEATURES OF THE SELF-RELATION AND OF THE SELF-EFFICACY AS PREDICTORS OF PERSONAL ENEMY' IMAGES

Alperovich Valeriya Dmitrievna

Problem of influence of the personal self-relation on personal representations about an Other is touched by us in this article. Research goal was to discover the interconnections between personal representations about an Enemy and characteristics of the self-relation and of the self-efficacy. Psychosocial characteristics of the personal representations about an Enemy, features of the personal self-relation and levels of the self-efficacy were the research subject. We applied qualitative and quantitative methods (tests, scales, frequencies, category analysis, cluster analysis). The results of the study prove that: respondents, perceiving the Enemy as aggressor, manipulator with negative qualities, demonstrate the low levels of the self-efficacy, of the self-interest, of the self-sympathy, of the self-esteem, of the waiting of the Others' positive relation; respondents, perceiving the Enemy as the subject with alien cognitions and

values, demonstrate the upper levels of the self-efficacy, of the self-interest, of the self-sympathy, of the self-esteem, of the waiting of the Others' positive relation. Data supported the hypothesis about the distinctions of personal representations about an Enemy depending upon characteristics of the self-relation and of the self-efficacy. The results can be applied to the psychosocial consultation, to the programs of the tolerance' trainings in the antiterrorist activity, to the programs of the conflict solutions' trainings in different spheres of interaction.

Keywords: representations, Enemy, self-relation, self-esteem, self-sympathy, Others' relation, self-interest, self-efficacy.

References

1. Breus E. D. Osobennosti predstavleniy ob ekstremiste–terroriste kak trudnom partnere obshcheniya u studencheskoy molodezhi [Features of the representations of students about an extremist–terrorist as difficult communicative partner]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2010, Vol. 7, no. 5, pp. 31–35.
2. Gaydar M. I. Lichnostnaya samoeffektivnost' studentov–psikhologov [Personal self-efficacy of psychologists–students]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, Vol. 5, no. 1, pp. 75–77.
3. Gordeeva T. O., Shepeleva E. A. Tendernye razlichiya v akademicheskoy i sotsial'noy samoeffektivnosti i koping-strategiyakh u sovremennykh rossiyskikh podrostkov [Tender distinctions of the academic and social self-efficacy and of the coping-strategies of modern Russian adolescents]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow State University' Bulletin. Series 14. Psychology*, 2006, no. 3, pp. 78–85.
4. Gudkov L. Ideologema “vraga”: “Vragi” kak massovyy sindrom i mekhanizm sotsiokulturnoy integratsii [Ideologem of “the enemy”: “the Enemies” as a mass syndrome and as a mechanism of the cultural-social integration]. *Obraz vraga: sb. nauch. tr. – Enemy' Image: Collected Papers*, Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 13–16.
5. Emel'ianova T. P. *Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavleniy v usloviyah transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Construction of the social representations in conditions of the Russian society' transformations]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006, 400 p.
6. Znakov V. V. Obraz vraga kak psikhologicheskoe osnovaniye ponimaniya musul'manskikh terroristov rossiyanami [The Enemy' image as a psychological foundation of the comprehension of the Muslim terrorists by the Russians]. *Voprosy psikhologii – Psychological Questions*, 2012, no. 2, pp. 23–35.

7. Kozyrev G. I. "Vrag" i "Obraz vraga" v obshchestvennykh i politicheskikh otnosheniyakh ["Enemy" and "Enemy" image" in the social and the political relations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Researches*, 2008, no. 1, pp. 31–39.
8. Kolyshko A. M. *Psikhologiya samootnosheniya* [Psychology of self-relation]. Grodno, Grodno State University Publ., 2004, 102 p.
9. Krichevskiy R. L. Samoeffektivnost' i akmeologicheskii podkhod k issledovaniyu lichnosti [Self-efficacy and acmeological approach to the person]. *Akmeologiya – Acmeology*, 2001, no. 1, pp. 47–52.
10. Labunskaya V. A. Obraz vraga v mezhlchnostnom obshchenii [Enemy' image in the interpersonal communication]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 3, pp. 52–64.
11. Mititsina E. A., Ivanova N. V. Kar'ernye orientatsii spetsialistov s vysokim urovnem samoeffektivnosti v professional'noy deyatelnosti [Career orientations of specialists with the high level of self-efficacy in the professional activity]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki – Pscow State University' Bulletin. Series Humanities and Psychological Sciences and Pedagogics*, 2008, no. 5, pp. 121–125.
12. Pantileev S. R. *Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenoch'naya sistema* [Self-relation as emotional system of valuation]. Moscow, Moscow State University Publ., 1991, 108 p.
13. Pogorelov A. A. Samoeffektivnost' kak prediktor effektivnogo i bezopasnogo povedeniya lichnosti [Self-efficacy as a predictor of effective and safe personal behaviour]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta – Southern Federal University' Bulletin*, 2012, Vol. 129, no. 4, pp. 140–145.
14. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* [Personal self-awareness]. Moscow, Moscow State University Publ., 1983, 286 p.
15. Tulinova D. N. *Predstavleniya o Vrage i Druge v svyazi s otnosheniyem k zhizni na razlichnykh etapakh. Diss. kand. psikhol. nauk* [Representations of Enemy and Friend in connection with the relation to the life at the different stages. Dr. psych. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2005, 288 p.
16. Chudova N. V. Vliyanie lichnostnykh kharakteristik sub»ekta na ego predstavleniya ob ideal'nom partnere po obshcheniyu [The influence of the personal characteristics of a subject on his representations of the ideal partner in the communication]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 1993, no. 3, pp. 28–37.
17. Shirkov Yu. E. *Strategii samokategorizatsii v sisteme predstavleniy o "svoikh" i "chuzhikh". Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk* [The self-categorization' strategies

- in the system of the representations of the “owns” and of the “aliens”. Syn. dr. psych. sci. diss.]. Moscow, 2009, 29 p.
18. Shkurko T. A. Otnosheniya k “svoim/chuzhim”, “blizkim/dalekim” zHITELEY gorodov raznogo tipa [Relations of inhabitants of towns of different types to “owns-aliens”, “nears-distants”]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 4, pp. 81–94.
 19. Doise W. Représentations sociales dans l'identité personnelle / La construction sociale de la personne. Grenoble, Presses Universitaires de Grenoble, 1999, pp. 201–213.
 20. Seca J.-M. Les représentations sociales. Paris, Armand Colin, 2001, 192 p.

PECULIARITIES OF RELATIONS TO OTHER PEOPLE OF THE INHABITANTS OF THE CITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA, DIFFERENTIATED BY SPATIAL- TEMPORAL PARAMETERS OF LIVING IN THE CITY

Shkurko Tatyana Alekseevna
Balakina Anna Andreevna

In the article the spatial-temporal factors that influence the formation of attitudes towards other people, identified by their differential impact on the severity of the socio-psychological needs, settings, and types of relationships to other people the inhabitants of the metropolis, large and small cities. Determinants of the peculiarities of the relations to others are considered in the study: place of birth (city/town); area of residence (center/periphery); type of residence (house, cottage/apartment building); height (floor) residence; duration of residence in the city; the presence and number of moving from one place to another; the type of move (within the same area/the same region/ to other regions/to other country); the aim of moving. The respondents of empirical study were the inhabitants of the small (Krymsk) and large (Rostov-on-Don) cities of the South of Russia, as well as residents of the metropolis (Moscow). It is shown that the influence of spatial and temporal factors on the system of relations to other people of a resident of the city is mediated by the type of city. The biggest influence had such factors as: “place of birth”, “type of residence”, “presence/absence of moving from one place to another, type of move”, “duration of residence”. The work demonstrates that spatial-temporal factors determine, primarily, the relationship to other people of residents of the metropolis and large towns, and, to a lesser extent, affect the relationship to others of the inhabitants of the small city.

The results and conclusions of the study can be used in analysis, explanation, prediction of social phenomena (the protest movement, participation in rallies,

migration) at the level of cities of various types (in the organization of events and actions in an urban environment; planning and implementation of elections campaigns for different target groups.

Keywords: attitude, attitude to others, kinds of relationships, relationship factors, spatial factors, socio-psychological needs, city, type of city, a resident of the city, the psychology of the environment.

References

1. Askarov Sh. D. *Region. Prostranstvo. Gorod* [The Region. Space. The City]. Moscow, Stroizdat, 1998.
2. Balakina A. A., Shkurko T. A. Obraz goroda i osobennosti otnosheniya k Drugomu zhitelej megapolisa i krupnogo goroda (na primere g. Moskvy i g. Rostova-na-Donu) [The image of the city and features of the relationship to the Other of the residents of the metropolis and large cities (on the example of Moscow and Rostov-on-Don)]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasus Psychological Bulletin*, 2011, Vol. 9, no. 3, pp. 5–9.
3. Barsukova S. Tendencii social'nogo zonirovaniya rossijskikh gorodov. [Trends of social zoning of Russian cities]. *Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmyslenija – Russian urban space: an attempt to comprehend*, Moscow, Monf, 1999, pp. 92–111.
4. Bikbov A. Moskva/Parizh: prostranstvennye struktury i telesnye skhemy [Moscow/Paris: spatial structure and physical schema]. *Logos*, 2002, no. 3, pp. 72–95.
5. Blyaher L. E. Gosudarstvo i nesistemnye seti “zheltorossii”, ili zapolnenie “pustogo prostranstva” [The state and non-sistemic nets of “zheltorossii”, or filling of the “empty space”]. *Politika – Policy*, 2010, no. 1, pp. 69–81.
6. Glazychev V. L. Vospitanie prostranstva [Education of space] // *Znanie-sila – Knowledge is power*, 2004, August, pp. 39–46.
7. Iovlev V. *Ehkopsihologiya dlya arhitektorov: process, forma* [Ecopsychology for architects: process, form]. Ekaterinburg, Arhitekton, 1996.
8. Karpov A. E. Imploziya gorodskogo prostranstva: problema sushchestvovaniya centra goroda sovremennoj Rossii [The implosion of urban space: the problem of the existence of the centre of the city in modern Russia]. *Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmyslenija – Russian urban space: an attempt of interpretation*, Moscow, Moscow Public Science Foundation, 2000.
9. Kruusval Yu. *Determinaciya obraza zhizni sem'i v gorodskoj srede. Chelovek, sreda, obshchenie* [Determination of the family's lifestyle in an urban environment. People, environment, communication]. Tallin Publ., 1980.
10. Labunskaya V. A., Mendzherickaya Yu. A., Breus E. D. *Psihologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrekciya* [Psychology of hindered

- communication: Theory. Methods. Diagnosis. The correction]. Moscow Publ., 2001.
11. Mahlina S. T. *Semiotika kul'tury povsednevnosti* [Semiotics of everyday culture]. SPb., Aleteya, 2009.
 12. Milgram St. *Ehksperiment v social'noj psihologii. Chelovek v bol'shom gorode* [An experiment in social psychology. A Man in the big city]. SPb., Piter, 2000.
 13. *Obshchaya psihodiagnostika* [General psychodiagnosics]. Edited by A. A. Bodaliev, V. V. Stolin. Moscow Publ., 1987.
 14. Panov V. I. *Ehkopsihologicheskie vzaimodejstviya: vidy i tipologiya* [Eco-psychological interaction: types and typology]. *Social'naja psihologija i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 3, pp. 13–28.
 15. Park R. Eh. *Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguraciya i moral'nyj poryadok* [The urban community as a spatial configuration and moral order]. *Social'nye i gumanitarnye nauki – Social Sciences and Humanities*, 2000, Ser. 11, no. 3, pp. 136–150.
 16. Rukavishnikov A. A. *Oprosnik mezhlíčnostnyh otnoshenij* [Questionnaire of interpersonal relationships]. Yaroslavl, 1992.
 17. Sazonov D. N. *Social'no-psihologicheskie osobennosti reprezentacii gorodskoj prostranstvenno-predmetnoj sredy u zhitelej goroda* [Socio-psychological peculiarities of representation of urban space-subject environment for the residents]. Diss. ... Cand. Psych. Sciences. Belgorod, 2009.
 18. Smolova L. V. *Bezopasnost' gorodskoj sredy v vospriyatii zhitelej s pozicii psihologii vzaimodejstviya s okruzhayushchej sredoj* [Safety of the urban environment in the perception of residents from the perspective of psychology of interaction with the environment]. *Obretenie Astanoj stolichnogo statusa: Sbornik dokladov 2-oj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – Finding Astana Metropolitan status: Collection of reports of the 2-nd International scientific conference*, Astana, 2009, pp. 53–62.
 19. Solodilova L. A. *Metody predproektnogo analiza* [Methods of pre-design analysis]. Rostov-on-Don, Rostov State Academy of Architecture and Art Publ., 2006.
 20. Hejdmets M. *Fenomen personalizacii sredy: teoreticheskij analiz* [The phenomenon of personalization of environment: a theoretical analysis]. *Líčnost' i predmetno-prostranstvennaja sreda – The identity and subject-spatial environment*, Krasnodar, Kuban State University Publ., 2000, pp. 88–112.
 21. Holl Eh. *Kak ponyat' inostranca bez slov* [How to understand a foreigner without words]. Moscow, Veche-Persej-Ast, 1995.
 22. Shkurko T. A. *Koncepciya otnoshenij lichnosti* [The concept of the relationships of personality]. *Social'naja psihologija lichnosti v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie pod red. V. A. Labunskoj – Social psychology of the individual in*

- questions and answers: a training manual edited by V. A. Labunskaya, Moscow, Gardariki, 1999, pp. 129–142.*
23. Shkurko T. A. Otnosheniya k “svoim/chuzhim”, “blizkim/dalekim” zhitelej gorodov raznogo tipa [Attitudes to “Us/Them” and “Close Person/Stranger” in Residents of Cities of Different Types]. *Social'naja psihologija i obshhestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 4, pp. 81–94.
24. Shkurko T. A., Balakina A. A. Social'no-psihologicheskie osobennosti otnoshenij k drugim lyudyam zhitelej megapolisa, bol'shogo i malogo gorodov [Socio-psychological peculiarities of relations to other people of the inhabitants of the metropolis, big and small cities]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasus Psychological Bulletin*, 2012, Vol. 10, no. 3, pp. 36–40
25. Shmerlina I. Social'naya ehkologiya sosledstva [Social ecology of neighborhood]. *Social'naja real'nost' – Social Reality*, 2006, no. 9, pp. 59–71.
26. Lauristin M. Public participation as an educational process: An East European view / *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. Moscow Publ., 1991, pp. 117–131.

FEAR IN WAR: DESTRUCTIVE FACTOR OR PSYCHOLOGICAL RESOURCE?

Karaiani Aleksandr Grigor'evich
Karaiani Luliia Mikhailovna

The article deals with features of the experience of fear in soldiers. Symptoms, factors, catalysts, and functions of fear are analyzed. The influence of fear on soldiers' behavior is considered; phenomena of psychological contagion and defeat are revealed. The nature of fear and features of its manifestation during hostilities are described. The authors bring forward results of studies of military theorists and psychologists concerning a disorganizing role of fear. However, the authors consider fear as a natural, necessary and useful reaction of the soldier to danger. At the same time the dynamics of the experience and psychological consequences of fear are described; its impact on combat operations is revealed. Concrete and real examples illustrating moral-psychological capabilities of soldiers experiencing fear are given. An activating role of fear, its constructive functions are described. Some aspects of soldiers' psychological state and catalytic properties of fear are analyzed. In this context fear is one of the most “power-intensive” emotions of the person. The directions of the use of fear as a resource of military activity of soldiers are substantiated. Features of the regulation of fear are described; the necessity of the development of

social motives (love of country, belief in God, justice, victory; hatred for the enemy; sense of duty etc.) of soldiers is substantiated. Psychological mechanisms of the regulation of fear are analyzed. In the conclusion the authors outline perspective directions of the development of military psychology and indicate the relevance of practice-oriented methods and techniques aimed at influences directed on mobilization of psychological resources of soldiers, controlling fear, optimization of their moral-psychological state, and activization of activity.

Keywords: fear, factors of fear, functions of fear, battle, war, methods of coping with fear, capabilities, resources, controlling.

References

1. Belousov A. V., Karaiani A. G. Otechestvennaia psikhologiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Psychology of our country in the Great Patriotic War]. *Innovatsii v obrazovanii – Innovations in Education*, 2005, no. 3, pp. 128–147.
2. Boring E. *Psikhologiya dlia Vooruzhennykh Sil* [The psychology for Armed Forces]. Washington, Harvard University Publ., 1943.
3. Gabriel R. *Geroev bol'she net* [No more heroes]. New York, 1987.
4. Kazarinov O. I. *Neizvestnye liki voiny. Mezdu zhizn'iu i smert'iu* [Unknown faces of war. Between life and death]. Moscow, 2005.
5. Karaiani A. G. Slukhi kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskogo protivodeistviia [Rumours as means of information-psychological counteraction]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*, 2003, V. 24, no. 6, pp. 47–54.
6. Karaiani A. G., Syromiatnikov I. V. *Vvedenie v professiiu voennogo psikhologa* [Introduction to the profession of a military psychologist]. Moscow, Akademiia Publ., 2007.
7. Clausewitz K. *O voine* [On war. Volume 1]. Moscow, AST Publ., 2002.
8. Korf N. A. O vospitanii voli voenachal'nikov [On the education of will of commanders]. *Obshchestvo revnitelei voennykh znanii – Society of Adherents of Military Knowledge*, 1906, Book 1, pp. 163, 246.
9. Maknab K. *Psikhologicheskaiia podgotovka podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniiia* [Psychological training of divisions of special task forces]. Moscow, 2002.
10. Marshall S. L. A. *Amerikantsy v boiu. Ofitser vooruzhennykh sil.* [Americans in battle. The armed forces officer]. Washington, 1991.
11. Mokor P. Kh. Voennaia psikhologiya i real'nost' boia [Military psychology and reality of the fight]. *Sovremennaia burzhuaznaia voennaia psikhologiya – Modern Bourgeois Military Psychology*, 1964, pp. 47–63.
12. Momysh-uly B. *Psikhologiya voiny* [The psychology of war]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1996.

13. Polianskii V. N. *Moral'nyi element v oblasti fortifikatsii* [A moral element in the field of fortification]. St. Petersburg, 1910, pp. 53–54.
14. Simonov P. V. *Motivirovannyi mozg* [The motivated brain]. Moscow, Nauka Publ., 1987.
15. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Washington, 1985.
16. Shumkov G. E. Chuvstvo trevogi kak dominiruiushchaia illiuziia v period ozhidaniia boia [Anxious feeling as the dominating illusion when expecting the battle]. *Voennyi sbornik – Military Collection*, 1913.
17. *Emotsional'nyi stress. Fiziologicheskie i psikhologicheskie reaktsii. Meditsinskie, industrial'nye i voennye posledstviia stressa* [Emotional stress. Physiological and psychological reactions. Medical, industrial and military consequences of stress]. Moscow, Meditsina Publ., 1970.
18. Horn B. The worm revisited: An examination of fear and courage in combat // URL: <http://www.journal.dnd.ca/vo5/no2/doc/leadership-direction-eng.pdf>

НАШИ АВТОРЫ

Жданыко Анна Павловна

старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Таганрогского политехнического института – филиала Донского государственного технического университета

Служебный адрес: ул. Петровская, 109 а, г. Таганрог, Ростовская область, 347904

Служебный телефон: (8634) 61–18–33

E-mail: anna8dar@yandex.ru

Кириленко Ирина Николаевна

доцент кафедры психологии Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пер. Доломановский, д. 31, г. Ростов на Дону, 344013

Служебный телефон: 8 (863)269–51–65

E-mail: i.n.kirilenko@mail.ru

Реан Артур Александрович

заслуженный деятель науки РФ, профессор, член-корреспондент РАО, директор Федерального проекта «Крепкая семья», Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД РФ, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Большая Полянка, д. 43, стр. 3, г. Москва, 119180

E-mail: ks-er@mail.ru

Акопов Гарник Владимирович

заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Максима Горького, 65/67, г. Самара, 443099

Служебный телефон: +7 (846) 332–00–67

E-mail: psy_f@pgsga.ru

OUR AUTHORS

Zhdanko Anna Pavlovna

Senior Lecturer, Humanities and Sciences Department of Taganrog Polytechnic Institute (branch of DSTU)

Official address: b. 109 a, Petrovskaya str., Taganrog, Rostov region, 347904

Official telephone: (8634) 61–18–33

E-mail: anna8dar@yandex.ru

Kirilenko Irina Nikolaevna

Associate Professor, Department of Psychology, Rostov Institute for Improvement of Professional Skills and Retraining of Educators, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 31, Dolomanovsky Lane, Rostov-on-Don, 344013

Official telephone: 8 (863)269–51–65

E-mail: i.n.kirilenko@mail.ru

Rean Artur Aleksandrovich

Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of the Federal project “Strong Family”, Chairman of the scientific-coordination Council of the Russian Academy of Education on Families and Children, Professor of the Department of Legal Psychology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Psychology

Official address: b. 43, Bolshaya Polyanka St., Moscow, 119180

E-mail: ks-er@mail.ru

Akopov Garnik Vladimirovich

Head of General and Social Psychology Department, Faculty of Psychology, Volga Region State Social and Humanitarian Academy, Professor, Doctor of Psychology

Official address: b. 65/67, M. Gorkogo St., Samara, 443099

Official telephone: +7 (846) 332–00–67

E-mail: psy_f@pgsga.ru

Ихсанова Светлана Геннадьевна

доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Максима Горького, 65/67, г. Самара, 443099

Служебный телефон: +7 (846) 332-00-67

E-mail: psy_f@pgsga.ru

Рулина Татьяна Константиновна

доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Максима Горького, 65/67, г. Самара, 443099

Служебный телефон: +7 (846) 332-00-67

E-mail: psy_f@pgsga.ru

Пономарев Вадим Петрович

аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230-32-17

E-mail: ponomarev_p@mail.ru

Абросимов Илья Николаевич

аспирант кафедры клинической психологии Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова

Служебный адрес: Варшавское шоссе, д. 170 г, г. Москва, 117405

Служебный телефон: 8 (495) 389-16-54

E-mail: i.abrosimov@bk.ru

Русановская Галина Федоровна

врач-фтизиатр Нижегородского областного центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями

Служебный адрес: ул. Минина, д. 20/3 Е, г. Нижний Новгород, 603005

Служебный телефон: 8 (831) 436-24-29

E-mail: rusanowskaya.galina@yandex.ru

Ihsanova Svetlana Gennad'evna

Associate Professor, General and Social Psychology Department, Faculty of Psychology, Volga Region State Social and Humanitarian Academy, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 65/67, M. Gorkogo St., Samara, 443099

Official telephone: +7 (846) 332-00-67

E-mail: psy_f@pogsga.ru

Rulina Tat'jana Konstantinovna

Associate Professor, General and Social Psychology Department, Faculty of Psychology, Volga Region State Social and Humanitarian Academy, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 65/67, M. Gorkogo St., Samara, 443099

Official telephone: +7 (846) 332-00-67

E-mail: psy_f@pogsga.ru

Ponomarev Vadim Petrovich

Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Official address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230-32-17

E-mail: ponomarev_p@mail.ru

Abrosimov Ilya Nikolayevich

Postgraduate student, Clinical Psychology Department, Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov

Official address: b. 170 g, Warsaw highway, Moscow, 117405

Official telephone: 8 (495) 389-16-54

E-mail: i.abrosimov@bk.ru

Rusanovskaya Galina Foydorovna

Tuberculothapist of Nizhny Novgorod Regional Center for Prevention and Control of AIDS and other Infectious Diseases

Official address: b. 20/3 E, Minina Str., Nizhny Novgorod, 603005

Official telephone: 8 (831) 436-24-29

E-mail: rusanovskaya.galina@yandex.ru

Камаев Игорь Александрович

заведующий кафедрой организации здравоохранения и общественного здоровья, профессор Нижегородской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения РФ, доктор медицинских наук

Служебный адрес: пл. Минина и Пожарского, д. 10/1, г. Нижний Новгород, 603005

Служебный телефон: 8 (831) 438–95–55

E-mail: iakamaev@bk.ru

Шпрыков Александр Сергеевич

профессор кафедры туберкулеза Нижегородской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения РФ, доктор медицинских наук

Служебный адрес: пл. Минина и Пожарского, д. 10/1, г. Нижний Новгород, 603005

Служебный телефон: 8 (831) 432–85–92

E-mail: olgachpr@mail.ru

Альперович Валерия Дмитриевна

старший преподаватель кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: valdmalp@rambler.ru

Шкурко Татьяна Алексеевна

доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: shkurko@sfedu.ru

Балакина Анна Андреевна

менеджер по адаптации и развитию, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Машиностроительный пер., д. 9 а, г. Ростов-на-Дону, 344090

Служебный телефон: +7 (863) 299–51–61

E-mail: gradient@grs.ru

Kamaev Igor Aleksandrovich

Head of Health Organization and Public Health Department, Professor of Nizhny Novgorod State Medical Academy of Ministry of Health of the Russian Federation, Doctor of Medicine

Official address: b. 10/1, Minin and Pozharsky Square, Nizhny Novgorod, 603005

Official telephone: 8 (831) 438–95–55

E-mail: iakamaev@bk.ru

Shprjkov Aleksandr Sergeevich

Professor of Tuberculosis Department, Nizhny Novgorod State Medical Academy of Ministry of Health of the Russian Federation, Doctor of Medicine

Official address: b. 10/1, Minin and Pozharsky Square, Nizhny Novgorod, 603005

Official telephone: 8 (831) 432–85–92

E-mail: olgachpr@mail.ru

Alperovich Valeriya Dmitrievna

Senior lecturer, Social Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 234, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–37

E-mail: valdmalp@rambler.ru

Shkurko Tatyana Alekseevna

Associate Professor, Social Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences

Official address: of. 234, b. 13, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344038

Official telephone: +7 (863) 230–32–37

E-mail: shkurko@sfedu.ru

Balakina Anna Andreevna

Manager for Adaptation and Development, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 9 a, Mashinostroitel'nyj per. Str., Rostov-on-Don, 344090

Official telephone: +7 (863) 299–51–61

E-mail: gradient@grs.ru

Караяни Александр Григорьевич

заведующий кафедрой психологии Военного университета МО РФ, профессор,
доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Большая Садовая, 14, г. Москва, 123001

Служебный телефон: 8 (495) 684–13–62

E-mail: karayani@mail.ru

Караяни Юлия Михайловна

докторант кафедры психологии Военного университета МО РФ, доцент,
кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Большая Садовая, 14, г. Москва, 123001

Служебный телефон: 8 (495) 684–13–62

E-mail: yulya.karayani@mail.ru

Karaiani Aleksandr Grigor'evich

Head of the Department of Psychology, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Professor, Doctor of Psychology

Official address: b. 14, Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001

Official telephone: 8 (495) 684-13-62

E-mail: karayani@mail.ru

Karaiani Iuliia Mikhailovna

Doctoral candidate, Department of Psychology, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Official address: b. 14, Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001

Official telephone: 8 (495) 684-13-62

E-mail: yulya.karayani@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении сносок и библиографического списка используйте ГОСТы: ГОСТ 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.1–2003.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов и 10 ключевых слов (или словосочетаний, состоящих из двух слов). Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы (не менее 20 источников, включая зарубежные) и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати). В англоязычном варианте должны быть: сведения об авторе, аннотация, ключевые слова, список литературы.

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиям публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте Российского психологического журнала: www.rpj.sfedu.ru

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу: 344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, ком. 518, Редакция журнала «Российский психологический журнал».

Тел. +7 (863) 243–15–17; факс +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

INFORMATION ON THE ORDER OF PRESENTATION OF PUBLICATION

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the journal.

To be accepted for publishing in the journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times or Arial.

If cited in article the literature is pointed out alphabetically at the end of the article. The literature in foreign languages goes after the one in russian. Reference to sources as a sequence number of the cited book or article (with the number of page in semicolon) is denoted in brackets. When writing notes and references use State Standards: State Standard 7.0.5–2008 and State Standard 7.1–2003.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words. Following the abstract, a list of 10 keywords (or combinations of two words) should be included. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system for verifying the formal correctness of the abstract, keywords, references (at least 20 works, including works in foreign languages), and notes. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

Forwarded to editorial staff, materials should be presented in two languages: Russian and English. The English version should contain the abstract, keywords, references, author information.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at: www.rpj.sfedu.ru

For supplemental information please go to: 344038 Rostov-on-Don, M. Nagibina Av., 13, of. 518, «Russian Psychological Journal» editorial office.

Tel. +7 (863) 243–15–17; fax +7 (863) 243–08–05 E-mail: rpj@bk.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2015
ТОМ 12 № 1

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2015
Vol. 12 Issue 1

Сдано в набор 20.03.2015. Подписано в печать 27.03.2015
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 12,15. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 19/15.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш И.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru